

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

ХІХ ДУХОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
19 ноября 2016 г., Красноярск**

ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

XIX ДУХОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Сборник материалов региональной
научно-практической конференции
19 ноября 2016 г., Красноярск*

Красноярск
СФУ
2017

УДК 94(571.1/.5)
ББК 63.3(253)
Д853

Редакционная коллегия:

Д. Н. Гергилев, канд. ист. наук, доцент (председатель);
М. Д. Северьянов, д-р ист. наук, проф.;
Е. Е. Ермакова, канд. ист. наук, доцент;
П. О. Сенотрусова, канд. ист. наук, доцент

Д853 **XIX Духовно-исторические чтения** : сб. материалов
регион. науч.-практ. конф. 19 ноября 2016 г., Красноярск. –
Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. – 148 с.
ISBN 978-5-7638-3630-1

В сборнике материалов региональной научно-практической конференции «XIX Духовно-исторические чтения» представлены статьи по истории, философии, культурологии, социологии, педагогике. Некоторые материалы носят дискуссионный характер и публикуются в авторской редакции.

Предназначено для преподавателей, аспирантов, студентов и широкого круга читателей.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 94(571.1/.5)
ББК 63.3(253)

ISBN 978-5-7638-3630-1

© Сибирский федеральный университет, 2017

Содержание

<i>Акулин Е.В.</i> Отечественная и зарубежная историография о факторах, повлиявших на начало Советско-польской войны 1919–1921 гг.	5
<i>Барсукова Н.В.</i> Женские воспоминания о Великой Отечественной войне и официальная культура памяти	10
<i>Белов А.В.</i> Красноярские Столбы вырастили большую команду скалолазов	16
<i>Вититнева Е.В.</i> Некоторые аспекты повседневной жизни студентов Томского Императорского университета в конце XIX – начале XX в.	21
<i>Жулаева А.С.</i> Трансформация мировоззренческих стереотипов женского населения сибирской деревни в период становления нового социалистического строя	25
<i>Задорин А.В.</i> СФУ – 98 лет?!	30
<i>Иванов А.А.</i> Ссылные поляки Иркутской губернии первой половины XIX в.	33
<i>Иванов А.А., Кузнецов С.И., Петрушин Ю.А.</i> Б.С. Шостакович – исследователь сибирско-польской истории	41
<i>Ипеева А.А.</i> Образ СССР в общественно-политической мысли Японии 1930–1941 гг.	55
<i>Кондратьева А.А.</i> Кризисные моменты в истории отечественных сберегательных касс в дореволюционное время	59
<i>Лебединский В.Р.</i> Концентрационный лагерь для советских военнопленных в Познанской области Польши, расположенный между местечками Щелковицы и Слупцы – Щелковский лагерь	63
<i>Лисина Е.А.</i> Подготовка кадров историков в Приенисейском регионе: к вопросу об историографии проблемы	70
<i>Мацюк И.И.</i> Взгляд любителя на историю как часть образования	75
<i>Ондар Е.М.</i> Жизнь и судьба государственного деятеля Тувинской Народной Республики Адыг-Тюлюша Хемчик-оола	78
<i>Пишегорский И.С.</i> Административно-управленческий ресурс Красноярского края в период антирелигиозной борьбы второй половины 30-х. гг. XX в.	83

Сафронов С.А. Россия и Польша: «катынская проблема» 86

Терскова А.А. Пенитенциарная деятельность монастырей Енисейской
епархии во второй половине XIX – начале XX в. 92

Памяти д.ф.н., профессора А.Я. Райбекаса

Горбунов Р.Н. Эрих Фромм о противоречиях человеческого бытия 98

Коловская К.Д., Коловская А.Ю. Речь Константина Райкина о цензуре
в искусстве в ракурсе античной риторики..... 102

Коломиец Г.Г. Национальное достоинство в свете диалектики
национальных отношений современности 107

Кульбижеков В.Н. Техногенная реальность и будущее искусства 112

Полуян П.В. Программа диалектического преобразования науки
и понятие времени 119

Селина Е.Е. Онтология кинореальности: пространство
кинематографического образа 125

Седельников М.В. Наука и власть в современной России:
социально-философский взгляд 129

Тамбовский Ф.Г. Диалектика самости в экзистенциализме
Ж.-П. Сартра..... 134

Устюгов В.А. К вопросу о «частичном разрешении противоречия» 139

Сведения об авторах 144

Отечественная и зарубежная историография о факторах, повлиявших на начало Советско-польской войны 1919–1921 гг.

Е.В. Акулин

Сибирский федеральный университет

В статье рассматриваются факторы, повлиявшие на начало Советско-польской войны 1919–1921 гг. Факторы разделены на четыре группы, исходя из анализа отечественной и зарубежной историографии. Было выявлено расхождение точек зрения на саму причину начала военных действий.

Ключевые слова: Советско-польская война, Польша, РСФСР, Ю. Пилсудский, территория, факторы.

Domestic and Foreign Historiography of the Factors that Influenced the Outbreak of War

E.V. Akulin

Siberian Federal University

This article discusses the factors that influenced the beginning of the Soviet-Polish war in 1919–1921. The factors are divided into four groups, based on the analysis of domestic and foreign historiography. It was revealed divergence of views on the very cause of the outbreak of hostilities.

Key words: Polish-Soviet War, Poland, RSFSR, Yu. Pilsudsky, territory, factors.

В современной историографии существуют различные точки зрения на причины Советско-польской войны 1919–1921 гг. В связи с этим будут рассмотрены взгляды исследователей, которые выделяют различные факторы.

Фактор первый. А. Даркович в работе «Западнобелорусские земли в политике польского государства 1919–1926 гг. (на примере городского самоуправления Белорусского Полесья)» [1]; Я. Головацкий в исследовании «Карпатская Русь (историко-географический

очерк)» [2] видят причины претензии Польши на земли к востоку от себя в сугубо исторических корнях, а именно в том, что эти территории были присоединены с 1387 г. к польской короне, что, в свою очередь, давало вновь возродившемуся государству право претендовать на них вновь. Однако у исследователей разный подход в интерпретации исторических событий, сопутствующих присоединению. Так, Я. Головацкий рассматривает земли Западной Украины как арену противоборства еще с XIV в., когда за сферу влияния над ней шла борьба между Польшей, Великим княжеством Литовским, крымскими татарами. Присоединенные территории Западной Украины не стали равной метрополией, они всего лишь были колониями для польского королевства, а затем и для Речи Посполитой [2]. А.Л. Даркович делает акцент в своей работе на времени возрождения Польши, а именно с 1919 г., и затрагивает вопрос о восточных землях, населенных этническими украинцами, белорусами, литовцами, рассматривая их присоединение как исторический долг польского руководства в память об исторической унии Польши и Литвы. Возрождение государства в границах 1772 г. на момент первого раздела возводилось в рамки общенациональной идеологии, вдохновляемой самим руководством Польши. По мнению автора, зарождающаяся государственность украинцев, белорусов и литовцев Ю. Пилсудского не останавливала, она не расценивалась возможной из-за угрозы большевизма с Востока. Идея о создании конфедерации должна была скрыть экспансионистские мотивы «начальника государства». К тому же в Варшаве понимали, что унитарное государство не сможет долго просуществовать [1]. В рассмотренных работах историки сконцентрировались на описании событий, не уделяя внимание самой линии границы; нет точного понимания того, где именно она должна была проходить и где проходила в историческом прошлом, нет указаний на конкретные линии разграничения. Таким образом, слабо раскрыто понятие справедливой границы.

Фактор второй. В рамках современной историографии ряд историков: М.А. Манкевич «Вильнюсский вопрос в международных отношениях: историография проблемы» [3]; А.В. Тихомиров «Белорусский фактор в политике государств Антанты в 1914–1920 гг.» [4]; И.С. Яжборовская, В.С. Парсаданова «Россия и Польша. Синдром войны 1920 г.» [5] и др. (А.Б. Данилин, Е.Н. Евсеева, С.В. Карпенко «Гражданская война в России» (1917–1922) [6]; J. Tomaszewski, Z. Landau «Polskaw Europieі świecie, 1918–1939» [7]; А.В. Гушин «Вопрос о восточной Галиции на Парижской мирной конференции

1919 г.» [8]; Р. Тимченко «Варшавська угода 1920 р.: доля східної галичини» [9]; О.В. Бабенко «Польша в системе международных отношений в 1919–1939 гг.» [10]; И. Баринов, И. Стрелков «Западная граница в украинском и русском представлении: между пропагандой и политикой (1914–1919 гг.)» [11]; Д.А. Короткова «Белорусский аспект в деятельности советской дипломатии в 1920 г.» [12]; Р.В. Молчанов «Польско-литовский конфликт 1926 г. и позиция Великобритании» [13]; М.А. Манкевич «Виленский вопрос на польско-литовских переговорах 1921 г. в Брюсселе» [3]) выделяют геополитический фактор как оказавший непосредственное влияние на вхождение части земель Украины и Белоруссии в Польское государство. J. Tomaszewski и Z. Landau выступают на принципах оправдания оккупации земель с населением не польской национальности, называя причиной такой политики несостоятельность референдумов, предложенных президентом США В. Вильсоном, о добровольном вхождении, ведь, по мнению исследователей, данные земли исторически существовали под одной крышей с польским населением. Также в их работе большое значение придается роли Франции в качестве патрона Польши, усиление которой было естественным балансом сил между Россией и Германией [4]. Белорусский историк А.В. Тихомиров в добавок к влиянию Франции приходит к выводу, что вопрос о границах был решен еще до 11 ноября 1918 г., т.е. до конца Первой мировой войны, и все события были спрогнозированы [7]. Другой представитель белорусской исторической школы Д.А. Короткова указывает на то, что в окончательном разграничении велика роль и самих переговорщиков, а именно Я. Домбровского и Иоффе (представители Польши и РСФСР на прелюминарных мирных переговорах в сентябре 1920 г.), так как они, получив инструкции от своих правительств, могли, действуя автономно, вести переговоры и в том числе определять прохождение границы.

Ситуация, связанная с Галицией, рассматривается украинским историком Р. Тимченко. Он приходит к выводу о том, что именно французская позиция по усилению роли Польши в будущем и способствовала захвату украинских и белорусских земель. А.В. Гушин, кроме стран-победителей, в политике по укреплению польских границ видит и непосредственную роль Ю. Пилсудского, который хотел только использовать страны Запада в своих целях, но подчиняться им после решения вопроса о границах на востоке он никак не планировал, так как у маршала были свои планы на будущее Польши, в которых не должно было быть чьего-то влияния

на Варшаву. Иного взгляда придерживается О.В. Бабенко. Она приходит к выводу о том, что Польша изначально создавалась как государство слабое и не самостоятельное, и данное положение было заключено в Версальских договорах. Вся политика по укрупнению польских земель имела своей первоочередной задачей ослабление России в экономическом и территориальном аспекте. Польша становилась естественной заменой России, но уже более подконтрольной странам Антанты, которые пытались этим поставить под контроль сразу и большевиков, и Берлин. Авторы А. Гущин, О. Бабенко, И. Баринов и И. Стрельников выделяют в качестве гипотезы неспособность ни украинцев, ни белорусов, ни русских создать какую-либо устойчивую власть на населенных ими территориях, что и оправдывает с их точки зрения экспансию и захватнические намерения Польши в отношении своих восточных соседей. Страны Антанты, в свою очередь, были вынуждены передать данные земли под покровительство уже существующих на тот момент государств Польши и Чехословакии, которые и становились в последующем естественным гарантом мира на землях бывшей Российской империи. Также слишком велика была опасность со стороны большевиков, чтобы бросать на произвол украинцев и белорусов, то есть Польша становилась естественным защитником малых народов от возможной агрессии Советской России.

Фактором третьим, оказавшим свое влияние на расширение польских земель на востоке, является роль Лиги Наций, а именно борьба за сферу влияния над будущим польским государством со стороны Парижа и Лондона, который, в свою очередь, пытался противостоять усилению Франции на континенте и всячески препятствовал расширению французского влияния над Польшей. Данный вопрос раскрывают работы: I. Batorshina, M. Mankewich «Comparative an alysis of transition processes in the republic of Lithuania in 1917–1922 and 1989–1990» [14]; М.А. Ковалёва «Проблема Вильнюса в польско-литовских отношениях (1918–1920 гг.)» [15], М.А. Манкевича «Лига Наций и проект плебисцита в вильнюсском крае (1920–1921 гг.)» [3]. В целом они посвящены проблеме решения Вильнюсского вопроса, который, как считают исследователи, был решен в пользу Польши благодаря странам Лиги Наций. Но также в работах затронут и вопрос восточных земель бывшей Российской империи. Исследователь М.А. Ковалева приходит к выводу, что Вильно изначально был признан за Варшавой, но угроза войны Литвы и Польши и усиления контактов литовского руководства с РСФСР заставила страны

Западной Европы вмешаться в конфликт, который с самого начала решался в пользу создания второй Речи Посполитой. Batorshina, M. Mankewich в своей работе не подвергают критике Запад и соглашаются с вхождением Вильно в состав Польши взамен на признание Литвы как суверенного государства странами Запада. Такова была плата за вхождение литовского государства в ранг общепризнанных держав (И.А. Баторшина, М.А. Манкевич, М.А. Ковалёва).

Таким образом, в современной историографии нет единого мнения по поводу правомерности претензий Польши на восточные земли, население которых не принадлежало к польской национальности. Исследовательские работы затрагивают данный вопрос весьма слабо, делая акцент в основном на политике и военных действиях между Польшей и Советской Россией. Несмотря на множество работ в польской, украинской, белорусской и российской исторической науке события 90-летней давности не стали для нас более понятными.

Литература

1. Даркович А.Л. Западнобелорусские земли в политике польского государства в 1919–1926 годы (на примере городского самоуправления Белорусского Полесья) // Славяноведение. 2010. № 4. С. 55–66.
2. Головацкий Я. Карпатская Русь (Историко-географический очерк) // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. Ч. CLXXIX. С. 379–380.
3. Манкевич М.А. Вильнюсский вопрос в международных отношениях: историография проблемы // Балт. рег. № 2. С. 19–31.
4. Тихомиров А.В. Белорусский фактор в политике государств Антанты в 1914–1920 гг. // Вестник БДУ. Сер. 3. № 1. С. 12–16.
5. Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М.: Academia, 2005.
6. Данилин А.Б., Евсеева Е.Н., Карпенко С.В. Гражданская война в России (1917–1922) // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 1–38.
7. Tomaszewski J., Landau Z. Polska w Europie i świecie, 1918–1939. W-wa: TRIO, 2005.
8. Гушин А.В. Вопрос о восточной Галиции на Парижской мирной конференции 1919 г. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4. С. 76–86.
9. Тимченко Р. Варшавська угода 1920 р.: доля СХІДНОЇ ГАЛИЧИНИ // Український історический сборник; гл. ред. Т. Чух-

либ / НАН Украины. Институт истории Украины, Совет молодых ученых. Вып. 14.

10. Бабенко О.В. Польша в системе международных отношений (1919–1939 гг.) / отв. ред. Т.М. Фадеева. М., 2011.

11. Баринов И.И., Стрелков И.П. Западная граница в украинском и русском представлении: между пропагандой и политикой (1914–1919 гг.) // Русин. 2013. № 1 (31). С. 78–94.

12. Короткова Д.А. Белорусский аспект в деятельности советской дипломатии в 1920 году // Славяноведение. 2012. № 3. С. 51–64.

13. Молчанов Р.В. Польско-литовский конфликт 1926 г. и позиция Великобритании // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2006. № 2. С. 56–61.

14. Batorshina, I., Mankewich, M. Comparative analysis of transition processes in the republic of Lithuania in 1917–1922 and 1989–1990 // Вестник МГОУ. 2013. № 4. С. 1–22.

15. Ковалёва М.А. Проблема Вильнюса в польско-литовских отношениях (1918–1920 гг.) // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. 2006. № 2. С. 51–55.

УДК 396.5 (470.6)

Женские воспоминания о Великой Отечественной войне и официальная культура памяти

Н.В. Барсукова
Сибирский федеральный университет

В статье анализируется женский опыт войны, как он представлен в официальной культуре памяти и в воспоминаниях бывших женщин-фронтовичек. Поэтапно рассмотрена эволюция официальной культуры памяти о службе женщин на фронте. На основе устных свидетельств бывших участниц войны показаны особенности фронтового быта женского военного контингента.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, женские воспоминания, официальная культура памяти, фронтовой быт.

Women's Memories of the Great Patriotic War and the Official Culture of Memory

N.V. Barsukova
Siberian Federal University

The article examines women's experience of war as it was presented in the official culture of memory and in the memories of women veterans. Gradually analyzes the evolution of official memory culture about women on the front. On the basis of oral memories of former participants of the war shows the features of life of women at the front.

Key words: *The Great Patriotic war, women's memories, the official culture of memory, life at the front.*

Спустя 71 год после окончания Великой Отечественной войны память о ней сохраняется в индивидуальном и коллективном сознании. События тех лет по-прежнему привлекают внимание историков, политических и общественных деятелей, являются предметом острых дискуссий. Однако историческая память о войне содержит не только научные исторические факты, но и мифы о ней, нередко сознательно формируемые. Порой разнятся воспоминания участников военных событий и официальная культура памяти, представленная в публичных выступлениях высших государственных, партийных деятелей, официальной исторической литературе. Эта проблема касается и такого феномена Великой Отечественной войны, как «женщина на войне». Не задаваясь целью комплексно осветить эту тему, хотелось бы рассмотреть один из ее аспектов – образ войны, сложившийся в сознании женщин-участниц войны и официальной культуре памяти.

Изучение проблемы службы женщин в армии началось еще в ходе самой войны. Первые труды носили публицистический характер и были призваны способствовать формированию у женщин стремления с оружием в руках защищать свое Отечество [1]. С целью поднятия боевого духа солдат и офицеров в годы войны были сняты фильмы, написаны газетные статьи, стихи, песни об участии нашего народа в защите Отечества, в том числе и о вкладе женщин в это общее дело. Так создавался образ женщины-героини, которая, движимая чувством патриотизма, наравне с мужчинами отчаянно сражается с врагом.

Такой образ женщины на фронте имел опосредованное отношение к женской военной повседневности, женскому восприятию

войны и женскому героизму. Устные свидетельства бывших фронтовиков, записанные в 2000-е гг., когда они уже открыто, не опасаясь последствий, могли рассказать о фронтовых буднях, позволяют увидеть войну глазами женщин.

Вспоминая о своей службе в армии в годы войны, женщины-ветераны в первую очередь отмечали бытовые проблемы, с которыми им пришлось столкнуться на фронте. Женщины нуждались в специальной женской военной одежде, средствах гигиены, отдельном помещении, где они могли бы помыться, постирать, переодеться. Однако в начале войны не удалось создать систему материально-бытового снабжения женщин-военнослужащих, отвечавшую их потребностям. В связи с резким увеличением численности женского контингента в армии государство оказалось не готовым обеспечить женщин вещевым имуществом в полном объеме. Выдавали мужскую форму, на несколько размеров больше. Если форму можно было перешить, то сапоги несоответствующего размера создавали реальные проблемы. Яркие свидетельства об этом воспоминания С.Е. Петуховой: «Очень мучили меня кирзухи. Поноси-ка при 35-м размере 40-й. Не ходить приходилось, а бегать, падать да прыгать через рвы и воронки. Широленные голенища зачерпывали всю грязь и воду. Портянки впитывали, а к вечеру дубели от мороза» [2].

Не всегда соблюдался принцип раздельного проживания мужчин и женщин. Да и жилья порой не было. «Ночевать приходилось на улице. «Спали там, где застанет дорога, – вспоминала В.В. Овчинникова. – Набросаем хвойный лапник, накроем плащ-палаткой и заснем как убитые, а проснемся от страшного холода и сырости. Чтобы лучше согреться, я спала вместе с мужчинами. Они лягут с разных сторон, и мне сразу становилось теплее» [3]. Что касается средств гигиены, то понимание необходимости снабжения ими женщин пришло только в ходе войны. Женщинам пришлось самостоятельно решать эти проблемы, что не всегда получалось должным образом.

Государство понимало специфику женского организма, поэтому были предприняты некоторые меры для решения проблем женщин-военнослужащих.

Для организации профилактического осмотра и оказания медицинской помощи в сентябре 1942 г. специальным распоряжением начальника Главного военно-санитарного управления (ГВСУ) были введены нештатные гинекологии армий, фронтов и округов. 26 октября того же года должности гинекологов были включены в штат

военно-санитарных отделов армий и военно-санитарных управлений фронтов [4].

Поскольку многие женщины-военнослужащие не курили и не употребляли алкогольных напитков, был издан приказ НКО СССР от 12 августа 1942 г. № 244 о выдаче некурящим женщинам шоколада или конфет взамен табачного довольствия [5].

В 1944 г., в связи с сокращением протяженности линии фронта, начинается демобилизация женщин. Вернувшись с войны, они столкнулись с осуждением, насмешками в свой адрес, обвинением в аморальном поведении на фронте, сожительстве с мужчинами. С этого момента меняется и политика советского руководства по отношению к женской памяти о войне. Так председатель Президиума Верховного Совета Михаил Калинин в июле 1945 г. в своей речи рекомендовал демобилизованным женщинам не хвалиться своими военными заслугами [6]. По выражению исследователя О.Ю. Никоновой, фронтовички превратились в официальной мемориальной культуре в «фигуру умолчания» [7]. Некоторые из них даже были вынуждены скрывать свое военное прошлое ради налаживания «нормальной» жизни. Однако научный интерес к проблеме «женщина на войне» не пропал. Появляется большое количество исследований о роли женщин на фронте из конкретных регионов СССР.

О фронтовичках на официальном уровне вспомнили в брежневское правление. Отныне 8 марта и 9 мая начали чествовать советских женщин и женщин – ветеранов войны в благодарность за их заслуги в деле «защиты Родины». Именно в 1970–1980-е гг. вышло наибольшее количество монографий и диссертаций по этой теме. По мере удаления от событий Великой Отечественной войны в фильмах, книгах, научных трудах все чаще стали упоминать о колоссальных жертвах, трудностях фронтового быта. В связи с этим в исследованиях женского опыта войны появляется новая тематика – бытовые условия женщин на фронте. Однако в основном все сводилось к описанию характера нагрузок, которые они испытывали на фронте. Цель большинства таких трудов была ограничена преимущественно показом героизма и патриотизма женщин, их высоких душевных качеств, поэтому многие отрицательные моменты их жизни на войне замалчивались. Исследователи не ставили вопрос о совместимости понятий «женщина» и «война», так как исходили из идеи способности женщин наравне с мужчинами выполнять считавшуюся традиционной мужскую работу.

Признавая, что с приходом в армию женщины столкнулись с проблемами морально-психологического и бытового характера, исследователи все же оценивали положение женского контингента в ней как удовлетворительное, поскольку, по их мнению, политорганы и партийные организации сумели перестроить свою воспитательную работу с учетом потребностей этой категории военнослужащих.

С 1990-х гг. женский опыт войны стал все чаще привлекать внимание исследователей. В современных исследованиях акцент смещается на изучение фронтовых будней женщин-военнослужащих, их взаимоотношений с мужчинами-военнослужащими, анализ психофизиологических особенностей женского военного контингента. Начинается деконструкция женского военного образа, сложившегося в советский период. Ставится вопрос о несовместимости женской телесности и войны. Этот подход был сформулирован в названии книги писателя Светланы Алексиевич «У войны – не женское лицо», впервые изданной в Минске еще в 1985 г. С этих позиций рассматривает историю женского участия в войне Е.С. Сеньявская. По мнению автора, женщина не приспособлена к войне из-за своих психофизиологических особенностей – слабости, меньшей устойчивости по отношению к стрессам, материнства [8]. Вместе с тем продолжает существовать и представление о способности женщин в минуту опасности сражаться с врагом наравне с мужчинами.

Анализ воспоминаний женщин-ветеранов дает понять, что материально-бытовое положение женского контингента на фронте, степень тяжести физических и психологических нагрузок зависели от специфики военных специальностей, а также от места расположения частей и соединений (передовые позиции, ближние или дальние тылы).

В наиболее тяжелых бытовых условиях оказались женщины, служившие в боевых войсках, а также в частях и подразделениях специальных войск боевого и тылового обслуживания, дислоцировавшихся на линии фронта. Здесь наиболее полно проявился моральный аспект проблемы. Кроме того, служба в этих войсках была связана с большими физическими нагрузками, а также эмоциональными стрессами. Благодаря значительной удаленности от линии фронта необходимые бытовые условия для женщин удалось создать только в частях и подразделениях, находившихся на дальних тыловых позициях. Здесь, как правило, еженедельно организовывалась баня, регулярно проводились медицинские осмотры, дезинфекция

белья и помещений. Женщины размещались в отдельных помещениях, которые были чистыми и теплыми. Хотя пищевая ценность продовольственных пайков женщин-военнослужащих тыловых войск была низкой, они регулярно получали горячую пищу.

Таким образом, официальная культура памяти о Великой Отечественной войне менялась в разные периоды. Долгое время господствовал «героический» взгляд на участие женщин в Великой Отечественной войне, влияние которого продолжает сказываться и в настоящее время. Параллельно ему в последние годы сформировалось «трагическое» направление, акцентирующее внимание на трудностях и проблемах, которые пришлось пережить женщинам во время войны. Сложившиеся шаблоны в изображении военного времени не отражают всей специфики рассматриваемой проблемы, а в воспоминаниях женщин-участниц войны тесно переплетаются элементы официального и личного.

Литература

1. Женщины-героини Великой Отечественной войны. М., 1942.
2. Из интервью с С.Е. Петуховой от 20.11.2000 // Личный архив.
3. Из интервью с В.В. Овчинниковой от 03.06.2002 // Личный архив.
4. Будко А.А., Грибовская Г.А. Женщина – воин, женщина – жертва. Организация медицинской помощи и лечения женщин, вставших на защиту Родины // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 15.
5. Женщины на фронтах Великой Отечественной войны (документы и материалы). М., 1991. С. 77.
6. Физелер Б. Женщины на войне: ненаписанная история // Masha+Nina+Katjuscha: Frauen in der Roten Armee 1941–1945. Berlin. 2002. S. 13.
7. Никонова О.Ю. Женщина, война и «фигуры умолчания» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 40.
8. Сениянская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999. С. 165–167.

Красноярские Столбы вырастили большую команду скалолазов

А.В. Белов

Сибирский федеральный университет

Возникновение и развитие скалолазания в России неразрывно связано с красноярским заповедником «Столбы» и желанием определенной части людей заниматься этим видом спорта. Рассматривается история создания столбовских компаний, существовавших много лет и переходивших по традиции по возрастной нисходящей в другие поколения. Из истории этого вида спорта в нашей стране видно, что семейственность высоким достижениям в скалолазании не помеха, а большой плюс.

Ключевые слова: красноярские Столбы; скалолазание; семейные династии.

The Nature Reserve Krasnoyarsk Stolby Trained a Large Team of Rock Climbers

A.V. Belov

Siberian Federal University

The emergence and development of rock climbing in Russia are intimately connected with the history of the Krasnoyarsk Nature Reserve Stolby and the desire of some people to engage in a particular sport. Creation and movement of a rock climber team, its traditions through many years have been discussed. The history of this sport in our country shows that nepotism is not an obstacle to high achievements in rock climbing and is considered as a big plus.

Key words: Nature Reserve Krasnoyarsk Stolby; rock climbing; dynasty.

Скалолазание на красноярских Столбах в окрестностях г. Красноярска – столбизм – зародилось более 150 лет тому назад. Главным занятием столбистов было лазание по скалам, прохождение новых маршрутов, называемых лазами, на вершины скальных выходов – столбов.

В 1851 г. группа воспитанников Владимирского приюта под руководством педагога Вениамина Капина совершила восхождение

на Первый столб. В 1884 г. писарь Красноярской губернской управы А.С. Чернышев, поднимаясь по речке Лалетиной, вышел к Первому столбу. В 1885 г. по первому снегу на Столбы выходит приятель Чернышева, охотник Н.И. Суслов. В 1886 г. они приводят на Столбы группу любителей природы. К 1890-м гг. стали собираться компаниями. В 1892 г. А.С. Чернышев и его компания строят стоянку столбистов – избу около Третьего столба – и первыми начинают осваивать и покорять скалы, прокладывая тропы, открывать новые лазы, присваивать им названия. Они выработали приемы скалолазания, которые постепенно совершенствовались и послужили основой для современного спортивного скалолазания [9].

По воспоминаниям основателя избу «Беркуты» Н.Л. Степанова, стоянка столбистов, носивших одноименное название «Беркуты», обосновалась в 1911 г. в северном развале Второго столба в хаотически разбросанных огромных камнях. Это была одна из лучших скалолазных стоянок того времени [1].

До «Беркутов» на Первый столб было три хода: «Катушки», «Колокол» и самый простой, но грязный – «Труба». Его впоследствии завалили. На верхушку «Колокола» первыми слазали «Беркуты». Открыл его Николай Леушин по прозвищу Паленый.

Камень имеет название «Колокол» потому, что, если по нему ударять ладонью, он звучит как колокол. Лаз на вершину сложный и опасный – около 10 метров по расщелине, затем по узкому открытому карнизу, напоминающему неглубокую щель. Лезть расщелинами между перьев по гладким и твердым стенкам скалы очень трудно. Напряжены все мускулы, и не всякий выдержит такой подъем в «расклинку».

С «Беркутами» соперничали «Голубые», основатели которых А. Яник, Д. Зорин и др. также были хорошими скалолазами. Они оставили о себе память открытием «Голубого» хода на Первом столбе.

«Беркуты» освоили лаз и на «Митру». Этот лаз и технически, и физически трудный, требующий передвижения по карнизу на весу, мускульной силы рук, смелости и сноровки. Николай Леушин проделал его первым.

Вслед за «Беркутами» стали быстро расти другие компании, которые в большинстве располагались в том же развале Второго столба. Названия компаний были также близки к окружающей природе: «Орлы», «Соколы» и др.

Красота, открывающаяся с вершин, привлекала столбистов на столь рискованное лазание, а сознание преодоления неприступ-

ности скалы, спортивная ловкость и смелость оправдывали риск скалолазов, особенно таких неустоимых, как Н. Леушин.

А.Л. Яворский – первый директор красноярского заповедника «Столбы» – утверждает, что в преодолении труднейших скал Н. Леушин находил истинное удовлетворение. Он делал попытку забраться на скалу «Дед» с западной, нехоженой стороны и после первой неудачи не терял надежды осилить и этот лаз. Удалось ли ему сделать, это осталось неизвестным. На Втором столбе Н. Леушиным открыт исключительно трудный ход прямо в «Орлиное гнездо». «Леушинский» ход существует и сейчас, однако из-за его недоступности ходом не пользуются [7].

В 1920-е гг. скалолазание становится массовым увлечением горожан. В это время осваиваются такие труднодоступные скалы, как «Коммунар», «Манская стенка», «Перья». Поскольку без специальной техники и снаряжения подняться на эти скалы было очень трудно, имена первых покорителей были известны многим: братья Безнасько, Устюговы и Леушины, Н. Степанов, С. Астахов, В. Сипкин, Д. Каратанов, братья Абалаковы, И. Беляк, Б. Попов, Т. Догадаев, сестры Чередовы, братья Константин и Алексей Шалыгины.

Северную стену «Деда» прочерчивает по вертикали самый легендарный из лазов «Большой Шалыгинский». В названии маршрута увековечена столбистская династия Шалыгиных, давшая четыре поколения скалолазов.

Основателем династии был потомственный казак Михаил Семенович Шалыгин (1878 г.р.), начавший ходить на Столбы еще в XIX в. в Чернышевскую избу. М. С. Шалыгин – друг юности А.Л. Яворского, входил в Первую каратановскую компанию. Юношей стал ходить в избушку под Третьим столбом вместе с Д. Каратановым и Г. Козловым. Позже они построили маленькую избушку под Четвертым столбом.

М. С. Шалыгин избирался атаманом Красноярской казачьей станции и церковным старостой. Был расстрелян 26 октября 1937 г. за контрреволюционную деятельность.

Старшие сыновья Василий и Александр также были столбистами. С 1924 г. стали ходить на Столбы младшие – Алексей и Константин, которые вошли в компанию «Перисты», построили Вторую и Третью «Перушку», активно сотрудничали в столбистском обществе «Беркуты» (1946–1948) [2].

История знаменитого «Шалыгинского» лаза, а точнее его пред-
ыстория, связана с еще несколькими известными в столбизме име-

нами. В 1916 г. северную стену «Деда» дважды покорял сильнейший первопроходец всех времен Н. Леушин из компании «Беркуты». В 1919 г. совсем еще мальчишками поднялись по северной стене «Деда», где, как им казалось, никто еще не лазил, Е.М. Абалаков и Д.Н. Оводов [3].

В 1921 г. лаз по северной стене прошли в парном лазании два брата Безнасько. Братья Безнасько имели под «Дедом» собственную избушку «Безнасковская» и известны как первые серьезные наставники в скалолазании братьев Абалаковых и Д.Н. Одова.

Красноярские Столбы подготовили целые плеяды замечательных альпинистов-скалолазов. Первыми почетный список открывают братья Абалаковы, известные больше как альпинисты. Начинали они свой спортивный путь на красноярских Столбах, где осваивали технику скалолазания под руководством братьев Безнасько.

В России серьезная роль прикладному значению скалолазания отводилась уже с начала XX в. В довоенное время главным приложением скалолазания было географическое освоение горных районов, состоявших в те времена в основном из «белых пятен». В 30-х гг. братья Абалаковы помогли геологам обнаружить месторождение олова на Памире [4].

После Отечественной войны был значительный период, когда все у столбистов было «абалаковским»: лучшие золотомедальные маршруты считались абалаковскими, лучшая команда была абалаковская, «обвязки» были абалаковскими, рюкзаки и даже трикони – тоже [8].

Как вид спорта скалолазание культивируется в крае с 1946 г. В числе первых спортсменов-скалолазов В. Зырянов, К. Шалыгин, Ю. Моисеев, Б. Абрамов, В. Светлаков, Б. Феоктистов, В. Гудвиль, Ю. Мартынов, Г. Козловский и др. Первые соревнования скалолазов прошли 27 октября 1949 г. на западной стороне Третьего столба. Первым победителем стал Валерий Светлаков. Победительницей среди женщин была Вероника Гудвиль.

В 1989 г. исполнилось 40 лет спортивному скалолазанию в Красноярске. Мастер спорта СССР В.А. Светлаков вспоминал:

«В серый, хмурый октябрьский день 1949 г. по извилистым таежным тропинкам шли молодые люди. За плечами у каждого – увесистые рюкзаки. Кто они? В. Башуров, В. Середкин, врач Л. Зверева, Г. Козловский, В. Гудвиль, М. Колигова, А. Волобуева, М. Живаева, Н. Зайцев, И. Палка и автор этих строк. Уставшая, но веселая компания держала путь в Эстетический район заповедника

“Столбы” на сбор-семинар, который был организован Всесоюзным комитетом по физической культуре и спорту при Совете министров СССР. Прошли годы. Многие красноярские спортсмены-скалолазы сейчас не знают тех, кто стоял у истоков развития этого вида спорта» [5, 6].

Традиции школы столбизма, преемственность поколений, семейные традиции в скалолазании – все это положительным образом влияет на формирование личности человека, плодотворно сказывается как в спортивной деятельности, так и в обычной жизни – вне спорта.

Литература

1. Красноярские Столбы: материалы // Красноярские Столбы. URL: <http://www.stolby.ru/Mat/book.asp> (дата обращения: 23.10.2016).
2. Петренко Л.Т. Красноярская мадонна. Красноярск: Тренд, 2012. 464 с.
3. Петренко Л.Т. Дед. Ходы и лазы // Mountain.RU. URL: http://www.mountain.ru/article/article_display1.php?article_id=7838 (дата обращения: 23.10.2016).
4. Попов Ю.Г. Горы на всю жизнь: Рассказ о знаменитых красноярских альпинистах В. и Е. Абалаковых. Красноярск: Кн. изд-во, 1982. 116 с.
5. Светлаков В.А. Скалы – любовь наша // Красноярский рабочий. 1989. 26 декабря.
6. 100 лет? Отлично! Идем дальше...: информационно-методический сборник / Гл. управление по физ. культуре, спорту и туризму администрации г. Красноярска; отв. за вып. Н.П. Фирсова. Красноярск: ООО «Знак», 2012. 88 с.
7. Тронин В.А. (Боб). Сказание о Столбах и столбистах. Красноярск: Б. и., 2000. 112 с.
8. Усаков В.И. Красноярский спорт от А до Я: Люди. События. Факты. Красноярск: Кн. изд-во, 2001. 384 с.
9. Шалыгин К. Столетие скалолазания на красноярских «Столбах» // Красноярский рабочий. 1951. 14 июля.

**Некоторые аспекты повседневной жизни студентов
Томского Императорского университета
в конце XIX – начале XX в.**

Е.В. Вититнева
Сибирский федеральный университет

В статье анализируются некоторые аспекты повседневной жизни студентов Императорского Томского университета. Рассматриваются следующие вопросы: особенности социального состава и численности студентов, специфика жилищных условий, проблемы материальной обеспеченности и их решение.

Ключевые слова: Сибирь, Императорский Томский университет, повседневная жизнь студентов, социальный состав, численность, жилищные условия, материальная обеспеченность, студенты.

**Some Aspects of Students' Everyday Life
of Tomsk Imperial State University
in the late XIX – early XX Century**

E.V. Vititneva
Siberian Federal University

Some aspects of students' everyday life of Imperial Tomsk State University are analyzed in this article. The following issues are addressed: features of social structure and number of students, particularity of living conditions, problem questions of material security and their solution.

Key words: Siberia, Imperial Tomsk State University, students' everyday life, social structure, number, living conditions, material security, students.

В настоящее время в исторической науке наблюдается особый интерес к повседневной тематике. Ученые пришли к выводу, что без изучения истории быта сложно приблизиться к истинному представлению об эпохе. Кроме того, именно повседневная жизнь в определенной мере формирует мировоззрение какой-либо социальной группы.

Большую роль в жизни общества в XIX в. начал играть институт студенчества, поэтому представляется интересным рассмотреть бытовую жизнь этой социальной группы. Актуальность темы подтверждается как возросшим интересом к повседневной тематике в целом, так и обострившимися проблемами высшей школы на современном этапе. Цель данной работы – выявить особенности повседневной жизни сибирских студентов в XIX – начале XX в. на примере Томского университета.

Необходимо отметить, что повседневная жизнь студентов, в первую очередь, определялась их статусом и отношением общества к этому статусу. В отличие от столичных университетов, социальный состав сибирского студенчества был неоднороден. Студенты Томского университета были выходцами из разных сословий, в том числе из духовенства, мещан, купцов, дворян, чиновников [3]. Следует отметить, что преобладало духовное сословие. Это было связано с тем, что выпускники семинарий имели возможность получить высшее образование только в сибирском вузе [1]. Что касается численности студентов, то первый набор в 1888 г. составил 72 чел. Постепенно количество студентов увеличивалось, и к январю 1917 г. их численность составила 960 чел. [1]. В связи с малочисленностью студентов можно сделать вывод, что обучение в университете считалось очень важным, сложным и в то же время дорогостоящим делом. Так, естественным образом происходил отбор среди молодежи самых отважных, талантливых, преданных своему делу. Именно такими были студенты Томского Императорского университета. Молодые люди, получавшие высшее образование, вызывали доверие и уважение со стороны общества. Студенты чувствовали свою ответственность за будущее Отечества.

Рассматривая повседневную жизнь учащихся Томского университета, необходимо отметить, что в XIX – начале XX в. существовало два типа студентов: казеннокоштный и своекоштный. Казеннокоштный – это студент, находившийся на полном содержании государства, а своекоштный жил за свой счет. Естественно, из-за различия в вопросе финансирования бытовая жизнь этих двух типов студентов имела свои особенности.

Казеннокоштные студенты жили в общежитии или в «Доме общежития студентов», как оно тогда называлось. Оно было единственным в городе, в настоящее время здание используется в качестве учебного корпуса. Общежитие было трехэтажным. На втором и третьем этажах располагались 45 комнат для проживания, на пер-

вом этаже находилось два больших зала – столовая и библиотека. 32 комнаты были двухместными, 12 – одноместными и один номер был рассчитан на 3 человек. [4]. В целом общежитие предназначалось для размещения всего 75 студентов [4]. Условия жизни проживающих можно назвать комфортными. Студентов обеспечивали полноценными завтраком, обедом и ужином. В комнатах была установлена новая удобная мебель. Однако не каждый мог позволить себе жизнь в общежитии, так как это стоило 12 руб. в месяц с учетом того, что необходимо было оплатить вперед за весь учебный год [2].

Своекоштные студенты были вынуждены арендовать жилье. Чаще всего это была одна комната в хозяйской квартире. Заселялись по 2–3 человека, чтобы разделить между собой плату [5]. Дополнительно нанимали кухарку, которая готовила завтрак, обед и ужин, и прислугу, которая следила за порядком в квартире. Таким образом, можно отметить, что иногородним студентам очень дорого обходилось проживание в Томске.

Материальное положение было тяжелым не только по вопросу обеспечения жильем. Нужно отметить, что обучение в университете было платным и составляло 50 руб. в год [1]. Кроме того, дополнительная плата в размере 49 руб. взималась за право посещения лекций и практических занятий [1]. Помимо этого, необходимо было оплачивать жилье, обеспечивать себя питанием, какими-либо другими бытовыми принадлежностями. В среднем расходы студента Томского университета составляли 22 руб. 25 коп. в месяц к началу XX в. [4]. Этого хватало, чтобы минимально удовлетворить потребности, но даже такими деньгами студенту было тяжело себя обеспечить.

С самого основания Томского университета появился и институт стипендий. Нужно сказать, что лишь незначительная часть студентов могла рассчитывать на получение стипендии, которая в то время составляла 300 руб. в год [1]. Получить стипендию в первые годы существования университета могли лишь 20 студентов. К 1913 г. количество стипендий увеличилось до 60, их размер варьировался от 100 до 427 руб. [4]. Стипендии в основном формировались за счет пожертвований, а также частично из выделенных государством средств. Прошения от нуждающихся студентов на стипендию многократно превышали имеющиеся фонды, поэтому прошения в большинстве случаев не удовлетворялись.

Таким образом, студентам приходилось искать способы дополнительного заработка. Самым распространенным были так называемые кондиции, то есть уроки. Стоимость одного часа урока в среднем

была около 23 коп., в месяц выходило примерно 11 руб. [1]. Помимо репетиторства студенты зарабатывали деньги разгрузкой на пристани и вокзале, выполняя работу носильщиков, маляров, швейцаров [1]. Студенты принимались за любую работу, которая помогла бы им содержать себя и продолжать обучение в университете.

Подводя итоги, можно сказать, что повседневная жизнь студентов Томского университета на рубеже XIX–XX вв. была очень сложной в материальном плане: оплата обучения, жилья и других потребностей была практически непосильной ношей для учащихся. С другой стороны, такие трудности естественным образом отсеивали пребывание в вузе ленивых студентов, в университет шли только преданные своему делу учащиеся. В данной работе были рассмотрены лишь некоторые аспекты повседневной жизни студентов Томского университета. Чтобы полностью раскрыть картину повседневности сибирского студенчества, тема требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Жеравина А.Н. Повседневная жизнь студентов Томского университета на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 207–215.

2. Киркевич Ф.А. О помещениях студентов в частных домах города Томска // Известия Императорского Томского университета. 1898. № 13. С. 1–19.

3. Попов М.Ф. Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913). Томск: Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1913. 29 с.

4. Смокотина Л.И. Социально-экономическое положение томских студентов в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Смокотина Любовь Ивановна; Томск. гос. ун-т. Томск, 1994. 16 с.

5. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. Императорский Томский университет конца XIX века глазами студента // Сибирский медицинский журнал. 2000. № 4. С. 90–104.

**Трансформация мировоззренческих стереотипов
женского населения сибирской деревни
в период становления нового
социалистического строя**

А.С. Жулаева

Сибирский федеральный университет

Эта работа раскрывает гендерные аспекты истории сибирской деревни. Автор изучает эволюцию социальных воззрений, обыденного сознания и нравственной культуры сельских женщин.

Ключевые слова: Сибирь, социально-имущественные воззрения, обыденное сознание, религиозное мировоззрение, нравственная культура.

**The Transformation of Worldview Stereotypes
of the Rural Female Population of the Siberian Region
in the Period of the New Socialist System Formation**

A.S. Zhulaeva

Siberian Federal University

This work is gender aspects of history Siberian village. The author studies evolution of social representations, ordinary consciousness and moral culture of rural women.

Key words: Siberia, social – property views, everyday consciousness, a religious worldview, moral culture.

Социальные воззрения людей – взгляды на общественные различия, собственность, богатство и бедность – как элемент мировоззрения в целом заслуживают особого внимания исследователя. Они представляют собой основополагающие культурно-психологические категории, ведущие составные части «картины мира», которые, в свою очередь, в решающей степени определяют восприятие социальных реалий, отношение к тем или иным конкретным вопросам [6, с. 90].

Исследователь постреволюционной деревни В.А. Козлов отрастил «стремление женского населения села, зачастую неосознанное,

примирить интересы строительства социализма, с одной стороны, и мелкого крестьянского хозяйства – с другой, найти этому своеобразное нравственное оправдание – и то справедливо, и другое» [5, с. 133]. Круг интересов крестьянок, их размышления и суждения строятся на практичности и здравом смысле. Историки, изучающие «крестьянскую» тему, отмечают, что по своей природе крестьянки простоваты, подозрительны и ограничены, но по-своему умны и проницательны, о людях и проблемах они судили тем же манером, что разбирались со своей скотиной, и нередко ухватывали самую суть. К городу и ко всему городскому они относились с глубоким недоверием, а то и с ненавистью; и те, кто хотел иметь с ними дело, претендовали при этом на внимание и уважение, должны были, прежде всего, с вниманием и уважением отнестись к их образу жизни и образу мысли. Здравый смысл научил их принимать на веру, да и то с великой осторожностью, только то, что они могли посмотреть и потрогать [8, с. 50].

Большим препятствием в деле развития самосознания женщин являлась их безграмотность. В начале 1920-х гг. грамотные мужчины в городах Сибири составляли 61,2 %, а в сельской местности – 26,7 %, грамотные женщины, соответственно, 46,9 и 9,2 % [7, с. 35–37]. В списке областей, республик, краев по уровню грамотности к концу 1926 г. Сибирский край занял 16-е место между Башкирской АССР и Бурято-Монгольской АССР [7, с. 35–37]. Эта проблема решалась в основном через пункты ликвидации неграмотности, женские клубы, сельскохозяйственные курсы, курсы домоводства для коммунарок, воскресные школы. Препятствием для ликвидации неграмотности являлись недостаток учебников, бумаги, загруженность женщин домашними делами, косность некоторых женщин, консерватизм мужчин, не позволявших женщинам ходить на лекции, собрания. Протокол Третьей уездной женской конференции содержит отчет Красноярскому уездному комитету РКП(б) о поездке в Новоселовский, Даурский, Уярский, Перовский и Манский районы, в котором говорится: «Сплошь и рядом крестьянка – общественница подвергается избиениям со стороны мужа, насмешкам со стороны остальных крестьянок. Их открыто называют проститутками, разлучницами» [1, л. 60].

В тяжелом положении оставалось большинство женского сельского населения, многие крестьянки по-прежнему были на положении домашних рабынь. Крестьянка затрачивала на домашний труд 2279 часов в год, крестьянин же всего 622 часа, то есть почти в 4 раза

меньше. Вся тяжесть ведения домашнего хозяйства в основном ложилась на плечи женщины. На самовоспитание и общественную деятельность крестьянка расходовала всего 21 час в год, крестьянин – 321 час [9, диаграмма 5].

В основе сельскохозяйственного производства в Сибирском регионе лежал ручной труд в мелком личном хозяйстве с широким использованием труда женщин и детей. Женщины, занятые в сельском хозяйстве и в работе по дому, не участвовали в промыслах и неземледельческой сезонной деятельности. Вследствие чего их кругозор, интерес к миру находился в зависимости от требований хозяйственно-бытового уклада их конкретной семьи.

Попытки представителей власти изменить положение не имели большого успеха. В отчетах с мест отмечалось: «Женщин с трудом приходится собирать на общие собрания, они боятся идти, чтобы их не записали в коммунистки, и когда им говоришь, кем должна быть женщина, то они безнадежно отмахиваются рукой, говоря: нам и без того живется тяжело, а тут еще учись, да на собрания ходи». Это же с особенной энергией подтверждают мужчины, говоря, что «наши бабы и без грамоты хороши, а если им дать грамоту, то они, пожалуй, нас совсем слушаться не будут, и так с ними справиться не можем...» [3, л. 22].

Анализируя протоколы женсоветов Сибири, можно увидеть, какие вопросы волновали женское население постреволюционной деревни: пьянство, вред от аборт, венерические заболевания, брошенные дети, проституция, а также вопросы включения женщин в общественную работу и труд на благо государства [2, л. 47, 59].

Нормы земледельческой морали впитывались ребенком с молоком матери. Это мораль определенного социума, родового – вместе с ним зарождается, вместе с ним погибает. Вопросы о добре и зле решаются в нем «миром». После разрушения такой общественной структуры рано или поздно, в первом поколении или в последующих, растрачиваются моральные ценности, воспринимавшиеся благодаря бытию в родовом социуме, ибо они принадлежали прежде всего социуму, а уже потом – человеку [11, с. 139].

Изучение трансформации мировоззренческих стереотипов сельского женского населения Сибири в первые десятилетия советской власти показало сложное сочетание моментов стабильности и перемен, традиций и новаций в обыденном сознании селянок. В женской психологии и нравственности большое значение имело религиозное сознание, которое включало в себя религиозно окрашенное восприятие мира, природы, себя самой, сочетая фантастические пред-

ставления и традиционные взгляды с индивидуальным пониманием и осмыслением окружающей действительности [8, с. 39–40].

В мировоззрении крестьянок Сибири обыденное религиозное сознание выражалось в главенствующей роли настроений, чувств, эмоций, вызванных социально-бытовыми условиями жизни как отдельно взятой женщины, так и целых социальных групп сибирской деревни. Этим объясняется всплеск религиозности деревни в неурожайный год, в период засухи, бедствия стихии (попа возили на поля – звать дождь, задобрить бога).

Религиозное сознание являлось стержнем всей системы традиционного крестьянского мировоззрения. Поэтому изменения, происходящие в этой наименее подвижной сфере, свидетельствуют о глубочайших коренных дестабилизационных процессах, идущих в крестьянской среде под влиянием мировой и гражданской войн, разрухи, голода, привнесения извне новой, но ставшей в короткий срок государственной идеологии.

Из материалов обследования работы среди женщин Красноярского округа в начале 1920-х гг. инструктором Сибженотдела Федосеевой следует, что в обследованном регионе «в церковь ходят больше только старухи. Есть много случаев, что не крестят детей, не венчаются в церкви. ...Особенно перелом в неверие замечается среди девушек, здесь часты на этой почве столкновения со стариками – родителями. В селе Устюге отец избил дочь за то, что не встала на молебен. В том же селе отец, наслушавшись проповедей попа в церкви, что за безбожников-детей отвечают родители, различными угрозами и обещаниями закупить нарядов настаивает, чтобы дочь ходила в церковь. В селе Шилинском проносили какую-то икону, приняли ее в редких домах, нести даже было некому. Но в том же селе церковный совет отремонтировал церковь и деньги собрал с населения» [4, л. 29].

Отказавшись от веры под влиянием идеологической пропаганды новой власти, новоявленные атеисты остались во власти суеверий и предрассудков. Из доклада по обследованию работы среди крестьянок села Верхний Булай Черемховского района Иркутской губернии следует: «Суеверие очень распространено среди крестьянок. Боятся и верят во всякие небылицы. Член партии товарищ Масляков на собрании партийчейки рассказывал, как ему удалось уговорить жену не крестить ребенка. Она сначала согласилась, но потом кто-то заболел и прошел слух, что на него надели хомут. Как она только услышала, начала его каждый день ругать за то, что он не дал крестить ребенка и что кто-нибудь еще наденет на него хомут. И теперь, говорит товарищ Масляков, мне жизнь

не в жизнь стала, день и ночь все плачет и грозит: ежели умрет ребенок, то я и тебе жить не дам» [4, л. 78].

В то же время значительная часть крестьянок сохранила традиционную православную веру, неразрывно связанную с исконной земледельческой моралью и трудовой этикой. Религиозное сознание являлось стержнем всей системы традиционного крестьянского мировоззрения, а религиозное поведение – основой образа жизни и быта. Исследователи отмечают: для сибирских крестьянок была характерна полусознательная вера – «детская религиозность», сочетавшаяся с языческими представлениями и суевериями. Отход женского сельского населения от православной веры нельзя воспринимать как какой-то «скачок» в безрелигиозное состояние. Изменения в отношении к религии проявлялись, прежде всего, в отрицании внешне символической стороны (иконы, обряды, праздники и т.п.). Постепенное падение традиционной христианской веры вело к разрушению целостности миропонимания, к потере нравственных ориентиров и, как следствие, готовило почву для восприятия всем сельским населением в качестве религии новой коммунистической идеи. В целом религиозность крестьянок, являясь частью их образа жизни, определяла общую социально-культурную направленность мировоззрения и поведения, колеблющихся от скептицизма к окружающей жизни, аполитизма и апатии, до религиозно-сектантского или революционно-коммунистического фанатизма. В первые десятилетия советской власти представления сельского населения о добре и зле, вере и безверии, порядке и анархии, а также о божественности царской власти, законе, справедливости, правде претерпели серьезную деформацию, трансформировавшись в специфическое мироощущение, сочетающее черты традиционной деревенской психологии и новой коммунистической морали.

Литература

1. Государственный архив Красноярского края. Ф. 4. Оп. 1. Д. 404.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 826.
3. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 156.
4. Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1075.
5. Козлов В.А. Культурная революция и крестьянство. 1921–1927 (По материалам Европейской части РСФСР): монография. М., 1983.

6. Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 20-е годы: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1992.
7. Профессиональное движение. 1923. № 3–4. С. 35–37.
8. Современные концепции аграрного развития // История Отечества. 1994. № 4–5.
9. Струмилин С. Бюджет времени рабочего и крестьянина в 1922–1923. Л., 1924.
10. Традиционные верования и быт народов Сибири / под ред. И.Н. Челуева. Новосибирск: Наука, 1987.
11. Туган-Барановский М. О кооперативном идеале. М., 1918.

УДК 913(571.51)

СФУ – 98 лет?!

А.В. Задорин
Сибирский федеральный университет

4 ноября 2016 г. Сибирский федеральный университет отметил десятилетний юбилей. Как известно, в 2006 г. произошло слияние четырех красноярских вузов: госуниверситета (КГУ), технического университета (КГТУ), университета цветных металлов и золота (ГУЦМиЗ) и архитектурно-строительной академии (КГАСА). Точнее сказать, к КГУ присоединились три остальных вуза. Но СФУ имеет более глубокие корни.

Ключевые слова: Сибирский федеральный университет, Красноярск, институт, академия, М.И. Калинин.

SFU – 98 Years?!

A.V. Zadorin
Siberian Federal University

On November 4, 2016 the Siberian Federal University has celebrated ten-year anniversary. It is known that in 2006 there was a merge of four Krasnoyarsk higher education institutions – state university, state technical university,

university of non-ferrous metals and gold, architectural and construction academy. To tell more precisely, three other higher education institutions have joined the Krasnoyarsk state university. But the Siberian Federal University has deeper roots.

Key words: *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, institute, academy, M. I. Kalinin.*

Начало истории СФУ восходит к первым годам существования Советского государства. Шла гражданская война. Разруха. Кругом враги. Но большевики не падали духом. Более того, думали о будущем. Помирать собрался, а рожь сей, как гласит народная мудрость. Так декретом председателя Совета народных комиссаров В.И. Ульянова (Ленина) от 4 сентября 1918 г. была учреждена Московская горная академия (МГА). Это высшее горное учебное заведение находилось в ведении народного комиссара просвещения А.В. Луначарского.

Шли годы. Страна крепла, сокращала отставание от развитых капиталистических стран. Структура экономики усложнялась, специализировалась. В ногу со временем развивалась и МГА. Приказом по Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ) СССР № 1238 от 17 апреля 1930 г. на базе академии создано шесть самостоятельных отраслевых институтов: горный; черной металлургии; цветных металлов и золота; торфяной; нефтяной; геологоразведочный. В 1940 г., в год десятилетия, Московскому институту цветных металлов и золота (МИЦМиЗ) присвоено имя М.И. Калинина за большой вклад в развитие института. А в 1958 г. этот вуз переместился в Красноярск.

Дело было так. Годы руководства Н.С. Хрущева ознаменовались не только большими достижениями (первый искусственный спутник Земли и др.), не только грандиозными проектами (освоение целины и др.), но и новшествами в области управления экономикой. Происходила децентрализация управления. В 1957 г. большинство промышленных министерств упразднялось, подведомственные им предприятия и организации стали непосредственно подчиняться местным советам народного хозяйства (совнархозам). Цель: приблизить руководство промышленностью и строительством к низовым звеньям экономической системы – предприятиям и объединениям. (На местах лучше знают, как управлять своим хозяйством.) Такие же веяния коснулись и системы подготовки кадров. Считалось, например, что специалистов по производству цветных металлов

и золота надо готовить там, где расположены такие производства. Постановлением Совета министров СССР № 1371 от 20 декабря 1958 г. Московский институт цветных металлов и золота им. М.И. Калинина был переведен в г. Красноярск и впредь стал именоваться Красноярским институтом цветных металлов им. М.И. Калинина (КИЦМ) [1]. Первым и.о. директора КИЦМ им. М.И. Калинина стал фронтовик, выпускник МИЦМиЗ, к.т.н., доц. Загиров Наиль Хайбуллович. На его плечи легли все организационные хлопоты по переводу вуза [2].

Открытие КИЦМ состоялось 22 февраля 1959 г., 7 марта прошло первое собрание института, а 22 августа были приняты первые 200 студентов. В 1959–1961 гг. КИЦМ функционировал в трех городах: в Москве продолжал выпуск студентов, прекратив прием; в Красноярске производился только прием студентов; в Норильске был организован вечерний факультет для студентов, проходящих производственное обучение. В период с 1960 по 1963 г. организованы заочный, горный, металлургический, технологический факультеты. В 1961 г. институт первым среди красноярских технических вузов открыл свою аспирантуру. За заслуги в подготовке инженерных кадров и развитии научных исследований КИЦМ им. М.И. Калинина был награжден орденом Трудового Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 января 1970 г.).

В дальнейшем институт продолжал выпускать специалистов, проводить научные исследования, развивать материальную базу. В 1971 г. был открыт первый на правобережье круглогодичный плавательный бассейн. В 1979 г. сдано в эксплуатацию последнее общежитие № 6 (сейчас № 16) с профилакторием. В 1983 г. завершилось строительство небольшого студенческого стадиона с уникальной резинобитумной дорожкой.

После распада СССР институт претерпел ряд реорганизаций. 5 октября 1994 г. КИЦМ был преобразован в академию, и по инициативе ректора В.В. Кравцова к ее наименованию возвращено «золото». В 2003 г. Государственная академия цветных металлов и золота (ГАЦМиЗ) успешно прошла государственную аккредитацию и подтвердила свой статус. Через 10 лет снова смена статуса: приказом Минобразования России № 1607 от 12 апреля 2004 г. академия переименована в Государственный университет цветных металлов и золота. Наконец, в 2006 г. ГУЦМиЗ вошел в состав вновь созданного Сибирского федерального университета. Начался новый этап развития вуза уже в составе СФУ.

Автор благодарит зав. сектором музея СФУ М.Б. Епину за предоставленные материалы.

Литература

1. Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края. URL: [http://www.kraslib.ru/index.html?page=6&text=20121958\(2008\)&year=2008&month=12&day=00&page_m=0](http://www.kraslib.ru/index.html?page=6&text=20121958(2008)&year=2008&month=12&day=00&page_m=0).
2. Епина М.Б. Солдат, ученый, ректор... // Новая университетская жизнь. 2014. 9 октября. URL: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/4296>.

УДК 343.26(571.51):94:3/4(47)

Ссылные поляки Иркутской губернии первой половины XIX в.

А.А. Иванов

Иркутский государственный университет

Статья посвящена исследованию польской политической ссылки Иркутской губернии первой половины XIX в. На основе архивных и уже опубликованных ранее источников автор устанавливает количество и географию размещения ссылных, анализирует характер занятости и условия отбывания наказания. В заключение сделан вывод о том, что в 1820–1850-х гг. польская ссылка была сравнительно незначительной, а сложившееся в литературе мнение «о многих тысячах польских повстанцев, сосланных в Восточную Сибирь» требует фактического обоснования. После амнистии 1856 г. большинство польских политических ссылных вернулись на родину.

Ключевые слова: политическая ссылка, Иркутская губерния, каторжные работы, польские политические ссылные.

Exiled Poles of the Irkutsk province of the first half of the XIX century

A.A. Ivanov
Irkutsk State University

Article is devoted to research of the Polish political exile of the Irkutsk province of the first half of the XIX century. On the basis of the archival and already published earlier sources the author establishes quantity and geography of placement of exiled, analyzes nature of employment and a condition of serving of punishment. The conclusion that in the 1820–1850th the Polish link was rather insignificant is in summary drawn, and the opinion which developed in literature «about many thousands of Polish insurgents banished to Eastern Siberia» demands the actual justification. After amnesty of 1856 most of the Polish political exiled returned home.

Key words: *political exile, Irkutsk province, hard labor, Polish political exiled.*

Сибирь использовалась Российским государством как место для политической ссылки еще с XVII в. Сюда отправлялись «за измены» бояре, дворяне, придворная знать, а также стрельцы, крестьяне, посадские, старообрядцы, пленные поляки, шведы. В этот период в Иркутскую губернию попадали в основном участники неудавшихся дворцовых переворотов, жертвы интриг очередных временщиков, непокорные казаки. Были среди них и поляки...

Вот, например, Никифор Романов Черниговский, польский военнопленный, принятый на русскую службу в 1634 г. За попытку «бежать в Литву» он был выслан в Енисейск, затем отправлен на Лену и жил в Илимске, Киренске, Усть-Куте, служил здесь пятидесятником и приказчиком. Обличенный доверием местных властей, ездил в Москву, отвозил государев яsak. В 1666 г. Черниговский вместе с илимскими казаками, среди которых были и ссыльные, самовольно «ушел» на Амур, отстроил Албазинский острог и без поддержки правительства удерживал его в течение ряда лет, возобновив тем самым в регионе русское присутствие [2, с. 41–130].

Участники польского национально-освободительного движения составляли самую значительную группу политических ссыльных Иркутской губернии первой половины XIX в. Необходимо отметить, что именно поляков властные структуры Российского государства именовали «политическими ссыльными», в отличие от декабристов,

называемых «государственными преступниками». Эта практика продолжалась и впоследствии, сохранившись вплоть до 1890-х гг., когда в ссылку «пошла масса» – пролетарские революционеры, руководители рабочего и крестьянского движения.

Первые польские политические ссыльные стали прибывать в пределы Иркутской губернии еще до декабристов, в 1823–1825 гг. Это были участники кружков филوماتов и филаретов, а также члены патриотического общества. После разгрома Ноябрьского освободительного восстания количество ссыльных возросло – в Сибирь стали отправлять солдат и офицеров, помещиков и крестьян, причастных к национальному движению.

Система их распределения в губернии только складывалась, поэтому местные власти нередко были просто не осведомлены, каким образом и где надлежит организовывать их быт и работы. Так произошло, например, с Юзефом Со[а]синовичем, шляхтичем из-под Белостока, осужденным в «одну из крепостей Восточной Сибири» за участие в «деятельном и ревностном способствовании к распространению возмутительных преднамерений», а проще – за укрывательство участников восстания. Когда-то Сосинович сражался под знаменем Наполеона, был ранен, ослеп, в Сибирь отправился в сопровождении слуги крестьянина Адама Белявского. Уже в 1834 г. поляки прибыли в Иркутск, а отсюда, «за неимением в губернии крепостей», были назначены в Петровский завод. Так как отдельных казематов для политических ссыльных на заводе также не было, Сосинович, по распоряжению генерал-губернатора Н.С. Сулимы, был помещен в арестантскую полуказарму государственных преступников.

За такое самоуправство Сулима незамедлительно получил резкое внушение из Петербурга: «...при сем случае не могу умолчать, что как казарма Петровского Завода предназначена единственно для содержания государственных преступников, прикосновенных к известному Вам, милостивый государь, делу, то прежде распоряжения о помещении в оную Иосифа Сосиновича, следовало бы Вашему превосходительству предварительно испросить на сие установленным порядком надлежащее разрешение» [7, с. 255].

Подобным образом были отправлены в сибирскую ссылку и ксендзы Антоний Ойжановский и Людвик Тенсеровский, обвинявшиеся «в сношениях с некоторыми из злоумышленников». Согласно приговору, их следовало без лишения сана содержать в «дальних римско-католических монастырях». Опять же, за неимением оных, местные власти вынуждены были отправить священников в феврале

1835 г. в Тунку, а оттуда уже в августе, «учитывая неурожай и дороговизну продуктов», – в город Балаганск, где они и находились по 1842 г. [8, с. 26–27].

В начале 1840 г. в Иркутск стали прибывать свентокшижцы – участники варшавской организации «Содружество польского народа». Их было немного – десять человек, все отправлены «в работы на Нерчинские заводы». После каторги часть поляков распределили в пределах Иркутской губернии. Эугенуш (Евгений) Жмиевский вышел на поселение в Кабанское Ильинской волости Верхнеудинского округа, а Константин Савичевский – в станицу Кударинскую Успенской волости. Савичевский – один из главных руководителей свентокшижцев – первоначально жил в ссылке уроками, поддерживал дружбу с декабристом В.К. Кюхельбекером, бывшим на поселении в Акше [10, с. 64–65].

Летом 1845 г. в сибирскую ссылку были отправлены представители организации Петра Сцегенного и связанных с ней польских конспиративных групп. Так, в губернии находились: Леопольд Добровский после отбытия наказания каторжными работами в Петровском заводе, в 1851 г. вышел на поселение в Тарбагатайскую волость, затем проживал в Иркутске; Александр Карпиньский, каторгу отбывал при Александровском заводе, поселение – при Петровском; Фелицын Карпиньский, также жил при заводе; Шимон Кжечковский, сослан на поселение в Тарбагатайскую волость, проживал здесь в 1851–1854 гг.; Ян Новаковский, после каторги на заводах Култуминской дистанции работал на приисках в Верхнеудинском округе; Игнацы Пуро, отбывал поселение в Урлукской волости; Александр-Ян Родкевич, каторжанин при Дучарском заводе, затем по билету работал на одном из приисков по реке Гремучей [9, с. 24–27].

Как видим, большинство ссыльных, прежде чем попасть на поселение в Иркутскую губернию, прошли каторжные работы на заводах Нерчинской системы. Часть из них высылались с лишением всех прав состояния, были и такие, кто испытал после суда шпицрутены. В начале 1850-х гг. на каторжные работы в Нерчинские заводы были сосланы поляки – участники национально-освободительных организаций и революционного движения 1848 г. Судьба трех ссыльных связана с Прибайкальем. Так, Юзеф Богатко с 1852 г. был поселен в Мухоршибирской волости, а в 1857 г. переведен на Кавказ; Хенрик Краевский в 1856 г. был приписан к Нижнеключевскому селению Успенской волости, а затем до 1859 г. проживал в Кяхте; Людвик Уклеевский после Нерчинского завода находился также в Кяхте [11, с. 30–33].

Немалая часть польских ссыльных 1830–1850-х гг. имели дворянские корни, владели землей или служили, занимая высокие посты и должности. В Иркутской губернии им нередко приходилось испытывать нужду, работать наравне с людьми «простого» звания. Например, Антоний Аксамитовский, из шляхтичей, в Петровском заводе разводил домашний скот, сеял хлеб, шил одежду; Александр Гржигоржевский, из помещиков Родомской губернии, работал на Петровском заводе, получал незначительное пособие; Франц Кноль, из дворян, в Ильинской волости занимался хлебопашеством, изготавливал глиняную посуду, курительные трубки, был фельдшером; Шимон Кржечковский, из дворян Люблинской губернии, жил в Селенгинске, в качестве гувернера воспитывал детей купца Д.Д. Старцева; Иосиф Львовский, шляхтич на поселении в Читканской волости, портняжил; Моцей Стрекоцинский, дворянин Варшавской губернии, жил в Петровском заводе и работал по найму [6, с. 7–149].

Местные жители охотно нанимали политических ссыльных на службу: «политики» были грамотными, вели дела честно, были обязательными и исполнительными, да и стоили меньше. Приведем строки из письма П.Д. Баллода, отбывшего каторгу на Александровском заводе, А.С. Фаминину от 3 июля 1870 г.: «Пишу Вам это письмо из Посольска, куда меня нелегкая принесла из Верхнеудинска больного. И сижу я здесь третью неделю и ожидаю, когда придет сюда какое-нибудь судно или пароход и увезет меня через Байкал. Когда я выезжал из Александровского завода, то мне предлагали несколько мест купцы и разные предприниматели с порядочным содержанием, и даже один бурят, у которого я покупал скот, сказал мне: “Друг, оставайся здесь, я тебе дам 3 руб. в месяц жалованья и просто 500 быков, и ты торгуй, как знаешь”. Разумеется, для меня прямой расчет был остаться там, но по правилам в Забайкальской области никого из государственных и политических преступников оставлять нельзя» [5, с. 217–218].

Если русский уголовный или политический ссыльный рвался из Сибири в Европейскую Россию, рассматривая пребывание здесь как временное удаление из привычной среды, то поляки на месте поселения без промедления пускали прочные корни – стремились обзавестись добротной усадьбой, домашним скотом, активно искали занятие своим способностям. Здесь они создавали семьи, растили детей, занимались предпринимательством, делали служебную карьеру.

Нередко ссыльные поляки столь крепко прикипали к сибирской земле, обзаводились хозяйством, что не могли все это бросить

и немедленно вернуться на родину. Вот, например, показательное прошение Ф. Далевского Н.П. Дитмару, написанное после высочайшего соизволения от 25 мая 1868 г. об облегчении участи политических ссыльных: «Так как я, имея свою мыловарню и для obsługi ея лошадей и быков, принужден был сделать запас на зиму, а именно сена и дров, которые я закупил у окрестных жителей, то покорнейше прошу, Ваше превосходительство, оставить меня на поселение в Забайкальской области. Ежели бы это было возможным, то оставить меня, по крайней мере, на один год [5, с. 213].

Наш современник, профессор Вроцлавского университета А. Кучинский, указывая на созидательный, деятельный образ жизни ссыльных поляков, так писал об их труде: «Они искали какого-либо осмысленного места в этом новом для них пространстве, места не только в топографическом смысле, ибо таковое было им назначено царским приговором, но места осмысленного наполнения своей жизни в ссыльном отдалении, нередко свободной от арестантских рот, кандалной каторги или нелепого замыкания в тюрьмах и сибирских гарнизонах. Некоторые из этих ссыльных находили такое место, берясь за различные занятия – купечество, золотоискательство, ремесла, земледелие, но были и такие, которые смысл ссыльного существования наполняли познавательной деятельностью в области географических, естествоиспытательских и этнографических исследований. Предпочтения, которые они внесли в свою ссыльную жизнь, обозначали каким-то способом новый горизонт их существования за пределами отечества» [3, с. 287].

Каково общее количество польских ссыльных на территории Иркутской губернии в изучаемый период? Вопрос этот в отечественной историографии не имеет однозначного ответа. Авторы статьи «Поляки» из «Исторической энциклопедии» считают, что только после Ноябрьского восстания в Сибирь было отправлено «ок. 10 тыс. чел.» [4, ст. 645]. А.И. Шинковой утверждает, что ссыльных поляков «в пределах Восточной Сибири исчисляли не менее 10 тысячами, не всем им было суждено вернуться на Родину» [1, с. 55]. У Ф.Ф. Болонева цифры еще выше: «всего сослано было в 1831 г. 8026 чел., в 1831 [так в тексте. – А.И.] – 6756. После этого года вплоть до 1863 г. ссылалось в Сибирь от 3 до 9 тыс. чел. ежегодно» [1, с. 14].

Нам эти цифры представляются сильно завышенными и фактически не подтвержденными. Дело в том, что в источниках, доступных современному исследователю, относительно нашего периода

фигурирует не более трехсот польских имен. Так, в «Списках о политических преступниках, находящихся в Иркутской и Енисейской губерниях за 1843 г.» приводится 125 фамилий, при этом полякам принадлежат 94. В подобном же «Списке...» за первую треть 1842 г., опубликованном в известном сборнике источников по истории Нерчинской каторги, также 125 имен, 97 принадлежат ссыльным «за участие в мятеже», 95 из них – поляки [5, с. 69–92].

В следующем перечне ссыльных, составленном «за январскую треть 1847 г.» и помещенном в книгу «Ссыльные поляки в Сибири: XVII, XIX вв. ...», 96 польских фамилий [1, с. 123–136]. Наконец в этой же книге дан «Список ссыльных поляков с 1830 до 1858 г.». Несмотря на то, что документ никак географически не привязан, можно, сопоставив приводимые в нем имена, заключить, что речь идет об Иркутской губернии. В нем 260 фамилий [1, с. 153–156].

Приведенные архивные и изданные материалы соотносятся с подсчетами М.Ю. Тимофеевой, известного специалиста этой темы из Забайкалья. Проанализировав историю пребывания поляков на Нерчинской каторге за 20 лет, она выявила всего 253 чел., большинство из которых выехали после амнистии на родину [6, с. 5]. Следовательно, говоря о количестве польских «политиков» в Иркутской губернии первой половины XIX в., мы с уверенностью можем утверждать приблизительно лишь о 500 ссыльных; наличие здесь еще 9,5 тыс. чел. требует документального доказательства, а значит, дальнейшего архивного исследования.

Думается также, что эта тема давно нуждается в подлинной координации усилий российских и польских исследователей. Так, с большой долей уверенности можно утверждать, что фактические сведения польской стороны о своих гражданах, сосланных в пределы Иркутской губернии в первой половине XIX в., будут в количественном отношении более полными и исчерпывающими.

Литература

1. Болонев Ф.Ф., Люцидарская А.А., Шинковой А.И. Ссыльные поляки в Сибири: XVII, XIX вв. Новосибирск: Книжница, 2007. 228 с.
2. Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск, 2008.
3. Кучинский А. Польские известия о бурятах и их познавательная ценность (в переводе Б.С. Шостаковича) // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов междунар. науч. конф. Иркутск, 2001. С. 287.

4. Поляки / Р.В. Оплаканская, А.И. Савин, Е.Н. Туманик, Б.С. Шостакович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2: К–Р.

5. Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Т. 1 / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. 292 с.

6. Тимофеева М.Ю. Участники польского национально-освободительного движения в Забайкальской ссылке (1830–1850 гг.): Биобиблиографический справочник. Материалы к «Энциклопедии Забайкалья». Чита, 2001. С. 152.

7. Шостакович Б.С. Политические ссыльные поляки и декабристы в Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1973. Вып. 1. С. 243–295.

8. Шостакович Б.С. Ссыльные участники экспедиции Юзефа Заливского в Восточной Сибири (по материалам Государственного архива Иркутской области) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1980. Вып. 5. С. 20–52.

9. Шостакович Б.С. Материалы Восточносибирских архивов о ссыльных участниках организации Петра Сцегенного и связанных с ней польских конспиративных групп первой половины 40-х годов XIX века // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1980. Вып. 7. С. 21–38.

10. Шостакович Б.С. Материалы Государственного архива Иркутской области о пребывании в Восточносибирской ссылке свен-токшижцев – участников варшавской организации «Содружество польского народа» // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1983. Вып. 8. С. 61–70.

11. Шостакович Б.С. Ссыльные поляки – участники тайных национально-освободительных организаций и революционного движения 1848 года – в Восточной Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987. Вып. 10. С. 28–50.

**Б.С. Шостакович –
исследователь сибирско-польской истории**

А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин
Иркутский государственный университет

В статье рассматривается биография, а также творческий путь выдающегося сибирского историка Б.С. Шостаковича. Показана взаимосвязь между государственной политикой в сфере идеологии и развитием научных исторических школ в советский период. Рассмотрены структура и основные идеи кандидатской и докторской диссертаций Б.С. Шостаковича. Рассмотрена эволюция взглядов ученого, направления его исследовательской деятельности, педагогическая деятельность, в том числе и в зарубежных университетах, особенности научных работ, а также вклад Б.С. Шостаковича в исследование сибирско-польской истории.

Ключевые слова: биография, Б.С. Шостакович, сибирско-польская история.

**B.S. Shostakovich –
the Researcher of Siberian–Polish History**

A.A. Ivanov, S.I. Kuznetsov, U.A. Petrushin
Irkutsk State University

The article deals with the biography and creative development of outstanding Siberian historian B.S. Shostakovich. The relationship between the government ideological policy and the development of scientific historical schools in Soviet period has been shown. The authors examine the structure and the main ideas of B.S. Shostakovich's PhD and Post-Doctoral thesis, the evolution of the scientist's views, the lines of his research work, educational work, including educational work at the Universities abroad, the peculiarities of his scientific works as well as the contribution of B.S. Shostakovich in research into Siberian-Polish history.

Key words: biography, B.S. Shostakovich., Siberian-Polish history.

Имя Болеслава Сергеевича Шостаковича (1945–2015) – доктора исторических наук, профессора кафедры мировой истории и между-

народных отношений Иркутского университета, историка-слависта, специалиста в области полонистики, истории стран Центральной Европы, Сибири и международных отношений – известно далеко за пределами Иркутска. В списке его трудов свыше 260 научных публикаций, в том числе монографии, учебное пособие, сотни статей на русском и польском языках. Уже сложилась библиография о жизни и творчестве Б.С. Шостаковича. Назрела необходимость обратиться к научному творчеству этого талантливого ученого, требовательно-го педагога, известного в регионе общественного деятеля.

Б.С. Шостакович родился в г. Иркутске в семье известного педагога высшей школы, крупного ученого, юриста и историка-античника, впоследствии профессора ИГУ – Сергея Владимировича Шостаковича. В этой семье потомственных сибирских интеллигентов превыше всего ценились знания, стремление к учебе и служению народу. По окончании в 1962 г. с золотой медалью средней школы Б. Шостакович поступил на историческое отделение историко-филологического факультета ИГУ, которое окончил с отличием в 1966 г. (В 1964–1965 гг. он обучался на историческом факультете МГУ.) Затем он учился в аспирантуре при кафедре всеобщей истории ИГУ. Его научным руководителем был профессор Ф.А. Кудрявцев, известный историк Сибири, исследовательская работа которого когда-то, еще в 1920-е гг., началась с изучения вопросов сибирско-польской истории, а преподавательская деятельность включала дисциплины всеобщей истории, в частности историю славянских стран. Именно от Ф.А. Кудрявцева Б.С. Шостакович принял своего рода научно-педагогическую эстафету сибирско-польской проблематики и зарубежной славистики. Темой его кандидатской диссертации стали «Поляки в Сибири в 1870–1890-е гг. (Из истории русско-польских отношений в XIX веке)».

Ко времени подготовки Б.С. Шостаковичем кандидатской диссертации рассматриваемая проблема уже изучалась. Однако серьезной помехой для советских и польских исследователей являлись политические, национальные и религиозные барьеры, которые стали активно преодолеваться в послевоенные 1940-е гг. Хрущевская оттепель ослабила идеологический прессинг на историков, был облегчен доступ к архивным источникам, завязались связи с зарубежными исследователями. И все же основная тематика российско-польской истории лежала в русле революционного прошлого. К моменту утверждения темы для исследователей еще сохранялись какие-то позитивные импульсы оттепели, разворачивались косыгинские

реформы в контексте укрепления социалистического содружества на основе пролетарского интернационализма. Следует учесть и наработки школы иркутских историков в области политической ссылки в Сибирь, в поле зрения которых оказывались и сюжеты сибирско-польских связей (В.И. Дулов, Б.Г. Кубалов). Немаловажным фактором для молодого исследователя являлось знание польского языка и кровное родство с участниками революционных событий в Польше второй половины XIX в., затем ставшими политическими ссыльными в Сибири. Такая сопричастность создавала для молодого исследователя творческий психологический настрой, придавала дополнительные силы для изучения темы.

Б.С. Шостакович основательно засел за изучение документов местных и центральных архивохранилищ, мемуаров, эпистолярного наследия, печати, личных фондов. Казалось, что все другие проблемы, в том числе и личного характера, отошли на второй план. При подготовке кандидатской диссертации молодой исследователь использовал 41 фонд центральных и местных архивов, «перелопатил» более тысячи дел, многие десятки которых были впервые введены в научный оборот. Поистине уникальные сведения были получены соискателем из личных фондов Н.А. Виташевского, И.И. Попова, Э. Пекарского, Н.М. Мендельсона и др. Такая основательная архивная база позволила Б.С. Шостаковичу не только создать научную картину политической ссылки поляков в Сибирь последней трети XIX в., но и представить общий очерк истории поляков в регионе.

Каким-то образом в кандидатской диссертации ему удалось даже выйти за жесткие рамки господствующей в тот период марксистско-ленинской методологии. В диссертации он отмечал, что в рассматриваемый период дворянские революционеры уступали место революционерам-разночинцам (это было в тот период общепринятым мнением). В то же время исследователь утверждал, что постепенно нарастало «шляхетское освободительное движение» как более высокий уровень польско-русских революционных связей. И хотя исследователь пользовался ленинской терминологией, однако вызвал на себя немалый огонь критики ортодоксальных марксистов.

Еще один вывод, высказанный Б.С. Шостаковичем в кандидатской диссертации и настойчиво проводимый им до последних дней жизни, касается понимания общности, неразрывности истории «сибирских поляков» и истории Польши в целом. При этом ссылка и репрессивная политика рассматриваются как комплексный объект

изучения в отечественной истории и российско-польских отношениях в частности.

В ходе изучения темы, опираясь на архивные источники, Б.С. Шостакович попытался установить приблизительную численность польских политических ссыльных в Сибири и сделал это, однако и сегодня приходится констатировать, что эта проблема до настоящего времени не решена. В контексте выяснения численности автором был высказан тезис о том, что царизм надежно «прятал» в ссылке польских революционеров, направляя в Сибирь наиболее активных и стойких теоретиков и практиков. Он в целом не оспаривается и в современной историографии.

Во второй и третьей главе кандидатской диссертации Б.С. Шостаковича ставились и решались научные проблемы, связанные с пребыванием ссыльных поляков в Сибири и тех, кто прибыл сюда добровольно. В данном случае научная логика исследования создавала цельную картину изучаемой темы, выходила за рамки принятых в ту пору идеологических схем. Это существенно усложнило структуру диссертации и спектр изучаемых вопросов и в то же время убедительно заявило о сложном составе «Сибирской Полонии». Она складывалась из представителей двух поколений политической ссылки 60-х и 70–90-х гг. XIX в., а также из поляков, которые в Сибири находились добровольно. В дальнейших исследованиях автор расширит хронологию вопроса. Соискатель убедительно доказал своим оппонентам (доц. В.М. Андрееву и проф. В.А. Дьякову), а также научному сообществу многоаспектность избранного для изучения периода. Это вытекало из многообразной деятельности поляков в Сибири, касающейся не только польско-российских революционных связей, но и их экономической, общественной и культурной жизни в регионе. Серьезное расширение поля познания предмета было несомненным новаторским шагом в осмыслении исторического процесса, истории поляков в Сибири как составной части евразийской истории, идеи которой исследователь стал развивать в 1990-е гг. Интересно, что в этом же направлении работал еще один исследователь политической ссылки в Сибирь – профессор ИГУ Н.Н. Щербаков, перенесший центр тяжести в изучении темы на культурную, научную и леворадикальную деятельность политических ссыльных начала XX в.

Подготовка и защита кандидатской диссертации Б.С. Шостаковичем явилась важным этапом в исследовании темы взаимного влияния поляков и русских в специфических условиях сибирского края. Этот аспект особенно был выделен в отзыве ведущей орга-

низации – Томского государственного университета, подготовленном известными учеными, докторами наук, профессорами З.Я. Бояршиновой, И.М. Разгоном, С.С. Григорцевичем. Так к 30-летнему ученому пришло признание специалистов-коллег из Сибири, центра нашей страны и Польши. Это придало Б.С. Шостаковичу новые силы и уверенность в дальнейшем изучении избранной проблематики. Он не теряет темпа в исследовательской работе, является непременным участником крупных научных конференций, участвует в подготовке и издании научного сборника по истории политической ссылки в Сибирь. После защиты кандидатской диссертации список его научных работ ежегодно пополняется 3–4 статьями по теме, в том числе на польском языке. Возрастает доля историографических и особенно источниковедческих статей по избранной проблематике. Исследователь продолжает работать в архивах нашей страны и Польши.

Новые знания, полученные Б.С. Шостаковичем в процессе научных изысканий и апробированные в публикациях, вводились не только в научный оборот, но и в учебную практику. Хорошо помнится время подготовки и защиты Б.С. Шостаковичем кандидатской диссертации. Будучи студентами, мы ощущали напряженный ритм его жизни, не успевали осмыслить огромный массив нового материала, вводимого им в лекционный курс. Не случайно он всегда был в поиске, участвовал в многочисленных научных и культурных мероприятиях, цейтнот свободного времени был образом его жизни, научного и педагогического творчества.

С 1990-х гг. разнообразная сфера научно-педагогических интересов Б.С. Шостаковича еще более расширяется в связи с его обращением в преподавательской практике к комплексу дисциплин, относящихся к международной проблематике: истории и современности международных отношений и мировой политики, мировой экономике и международным экономическим отношениям, международным интеграционными процессам и международным организациям.

Авторы попытались перечислить все темы и направления, которые были в поле научных и педагогических трудов Болеслава Сергеевича. К ним относятся:

1. История российско-польских отношений в XVII – начале XX в.
2. История Польши; история стран Центральной и Юго-Восточной Европы (в русле дидактики; учебные курсы, пособия, справочники и т. д.).

3. История полонийных процессов («полонийная» история): общетеоретическая и прикладная проблематика – в рамках обозначенной тематической области.

4. Польско-сибирская история (в прежде распространенной, но ныне уже устарелой «традиционалистской» версии – «История поляков в Сибири»): всесторонняя разработка данной проблематики в теоретико-методологическом, источниковедческо-историографическом, конкретно-фактологическом, культурологическом.

5. История Сибири в XVIII – начале XX в. (биографистика, отдельные разделы, вопросы и проблемы).

6. История политической ссылки в Сибирь (XVIII – начало XX в.): большой цикл публикаций проблемно-теоретического, конкретно-фактического, биографического и иного характера.

7. История Иркутска и некоторых иных сибирских городов (отдельные разделы, проблемы и тематические вопросы, биографистика).

8. История международных интеграционных процессов (в русле дидактики – учебные курсы, пособия, справочники и т. д.; подготовка учебного пособия по данной дисциплине – по специальности «Международные отношения»).

9. История мировой экономики и общие проблемы МЭ и МЭО (в русле дидактики – учебно-методические пособия, рекомендации и проч.).

10. Источниковедение и историография (применительно ко всем обозначенным направлениям исследований и учебно-образовательной деятельности).

11. Идеология и культура в целом ряде ее прикладных аспектов (применительно ко всем обозначенным направлениям исследований и учебно-методической деятельности, а также и в публицистических выступлениях в СМИ).

12. Теория и история международных отношений: а) в русле дидактики по обозначенному тематическому направлению – учебные курсы, пособия, справочники и т. д.; б) в целом ряде прикладных аспектов указанного тематического направления: авторские исследовательские разработки и публикации.

Эти и другие спецкурсы он читал не только на истфаке Иркутского университета, но и на историческом факультете Университета А. Мицкевича в Познани, в Университете Марии Кюри-Склодовской в Люблине и во Вроцлавском Университете (Польша). В итоге эта

деятельность была увенчана изданием крупного учебного пособия «История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.)» (1995 г.) В нем в форме исторических очерков (наиболее применявшийся Б.С. Шостаковичем жанр), основанных на новых источниках и научной литературе, были освещены теоретические и конкретно-исторические сюжеты межнациональных, российско-польских отношений в Сибирском регионе.

Выход этого пособия вполне можно приравнять к монографическому исследованию. Это было время перехода отечественной историографии на принципы научной методологии, что благоприятно сказалось на историографии истории поляков в Сибири. Новая ситуация позволила автору на основе объективных знаний и комплексного изучения темы сформулировать целостный взгляд на историю поляков в Сибири, преодолеть классовый, партийный подход в изучении данной проблематики.

Демократизация общественно-политической жизни в России открывала новые возможности отечественным историкам знакомиться с интересной польской историографией по этой теме. Обозначились совершенно новые исследовательские аспекты, разрабатываемые польскими историками. В их числе известия о сибирских народах и цивилизованном влиянии поляков на Сибирь в ранний период ее становления, история организации помощи польским узникам и ссыльным в Сибири, в том числе об участии в этом процессе патристически настроенных польских женщин.

Представленный в пособии анализ позволил Б.С. Шостаковичу сделать вывод о том, что история поляков в Сибири в дореволюционном прошлом являлась составной частью совместной борьбы народов России и Польши с общим противником – самодержавным государством, с проявлением национального и социального гнета. Одновременно изучаемая тема высветила параллельный ракурс – историю складывания основ русско-польских взаимоотношений в Сибирском регионе.

Выход пособия стал не только явлением в историографии изучаемой темы, но и важнейшим этапом в подготовке и защите Б.С. Шостаковичем докторской диссертации в форме научного доклада в диссертационном совете при Институте славяноведения и балканистики РАН (г. Москва). Между защитой кандидатской и докторской диссертациями у Б.С. Шостаковича прошло 23 года, почти четверть века. За это время ученым было опубликовано более 60 работ общим объемом около 70 п.л. Часть из работ вышла в Польше.

Апробация исследования была осуществлена на 8 международных, 9 всесоюзных (всероссийских), 12 общесибирских и региональных конференциях, посвященных проблемам истории славянских стран, историографии и источниковедения, международных отношений, истории деятельности поляков в Сибири.

Соискатель вынес на защиту докторскую диссертацию на тему «Узловые вопросы истории поляков в Сибири (конец XVIII – конец XIX в.)». Существенно расширив хронологические рамки (изучению темы отведено целое столетие), автор поставил ряд разнообразных проблемных вопросов из истории Польши и России, в особенности Сибири, ее хозяйственного и культурно-научного освоения, а также общественно-политического развития и освободительных движений, обнимавших как собственно этнические польские земли, так и геополитическое пространство регионов.

В докторской диссертации соискатель с учетом современной методологии представил обстоятельный историографический анализ темы с выделением характерных этапов ее становления и некоторых перспектив дальнейшего ее развития. В диссертации соискатель окончательно утвердился во мнении, что по логике своего происхождения «сибирско-польская» история оказывается органически непреложным компонентом истории межнациональных и международных отношений. Он убедил своих коллег по историческому цеху, а также оппонентов, известных профессоров С.М. Фальковича, Е.Л. Рудницкую, В.Г. Тюкавкина, что монографическая форма изложения в подобных обстоятельствах оказывается неприемлемой, ибо самая ее структура предполагает однородность всех элементов описываемого предмета исследования. Отсюда проистекают известные дискретность и неровность нынешнего реального научного содержания темы при первом опыте представления ее в полном объеме. Отсюда целью докторской диссертации являлось создание собственной концепции и структуры истории поляков в Сибири от конца XVIII в. на протяжении всего XIX в. как широкой, комплексной и многоплановой темы, являющейся интегральной, равнозначной частью истории Польши и истории России (Сибири).

Понятно, что соискатель с максимальной полнотой старался учесть всю сумму результатов своих исследований за многие годы. Отсюда вытекал целый ряд крупных задач диссертационного исследования. В их числе всесторонний анализ историографии и источников по теме, с выделением мемуаристики, установление причин

и мотивов пополнения Сибири поляками и их правового статуса, характеристика этапов политической ссылки поляков, а также процесса добровольного пребывания поляков в Сибири. По-новому была поставлена проблема их взаимоотношений с российскими политссылными и сибирским населением с выходом на междисциплинарные сферы истории, социологии, психологии.

Для проведения исследования соискатель опирался на широчайшую и многообразную документальную основу. Наряду с опубликованными источниками он обработал огромный массив архивов, просмотрев более 100 фондов в 57 архивохранилищах, а это тысячи дел. Автором были привлечены источники из 22 архивов и рукописных отделов библиотек Республики Польша, а также документы и материалы из разнообразных коллекций и личных фондов. Чем не наглядный пример огромной трудоспособности современным молодым исследователям!

В ходе диссертационного исследования автор высказал и защитил несколько важных выводов. Анализ всей существующей историографии темы истории поляков в Сибири позволил с позиций современной научной методологии четко определить этапы ее становления, пути ее будущего развития как комплексного, систематизированного изучения.

Изучая политическую ссылку поляков в Сибирь, Б.С. Шостакович подтвердил мнения других исследователей темы (В.М. Андреева, С.В. Кодана, Э.Ш. Хазиахметова, Н.Н. Щербакова и др.), что карательная система царизма претерпевала изменения. Главной репрессивной мерой против основной массы политических противников с 1880-х гг. становится административная ссылка. Судебная ссылка на каторгу и поселение уменьшилась и стала распространяться лишь на причастных к террористической деятельности или наиболее выдающихся руководителей революционной деятельности. Иркутское генерал-губернаторство – для «политиков» и остров Сахалин – для уголовных становились основными местами дислокации ссыльного контингента.

Автор подробно осветил все основные формы деятельности поляков в Сибири, в том числе повседневную жизнь и всевозможные виды творчества.

Успешная защита докторской диссертации, вкуче с многочисленными солидными публикациями исследователя, открывала реальную перспективу создания обобщающего труда по истории поляков в Сибири в дореволюционную эпоху. Для Б.С. Шостаковича

завершился важнейший этап его научно-педагогического творчества. Наступало время зрелости в его жизни и деятельности.

Отдельная тема его творчества – участие в сборнике научных статей «Сибирская ссылка». Совершенно нелишним будет подчеркнуть на этих страницах, что у истоков этого старейшего научного издания нашего региона (да и страны!), отметившего в 2013 г. свой сорокалетний юбилей, стоял отец Б.С. Шостаковича Сергей Владимирович, который тогда, в начале 1970-х гг., настоятельно советовал молодому ученому, кандидату исторических наук Н.Н. Щербакову заняться изданием в Иркутске сибирского специализированного журнала, «своего рода научного варианта» московской центральной «Каторги и ссылки». При этом понятно, что С.В. Шостакович тему политической ссылки знал не только по книгам и изданным документам – он помнил, как его отец, привлекавшийся по каракозовскому делу и сосланный в Томскую губернию за содействие в побеге Я. Домбровского, вел постоянную переписку со многими сибирскими ссылными и хорошо был осведомлен о положении и бытовых условиях «политиков» в колониях по Лене, Енисею и Ангаре.

Уже в первом выпуске «Ссылных революционеров в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)» (именно под таким названием сборник выходил первоначально, с 1973 по 1991 г.) Б.С. Шостакович опубликовал сразу две крупные статьи, посвятив их истории политических ссылных поляков конца 70-х – начала 90-х гг. XIX в. в Сибири, а также их связям с декабристами, проживавшими здесь на поселении с 1840-х гг. Настоящими работами автор не только заявляет о начале планомерной разработки этого почти не тронутого «плугом историка» (П.М. Головачев) пласта богатого и разнообразного научного материала, он уже ставит и делает многое для решения нескольких актуальных исследовательских задач: определение численности и социального состава поляков – политических ссылных, особенности их материального положения, характер занятости, география размещения, связи внутри региона и за его пределами, в том числе с Европой и Америкой, отношения с администрацией, «простыми» сибиряками и декабристами.

Надо подчеркнуть, что Б.С. Шостакович – самый результативный автор «Сибирской ссылки». В девятнадцати выпусках этого издания им опубликованы 24 статьи (три – в соавторстве). Именно здесь изложены, подробно или вскользь – как позволяли источники, основные положения его научных представлений об истории польской ссылки. Чтобы показать, насколько был широк диапазон

конкретно-исторических исследований автора, лишь перечислим здесь некоторые из тем. Это и история польской политической ссылки в Сибирь 1840, 1860 и 1890-х гг.; историко-правовые аспекты высылки; деятельность участников тайных национально-освободительных организаций в Восточной Сибири; различные стороны организации и управления каторгой на протяжении значительного периода времени, сотрудничество декабристов с польскими ссыльными и некоторые другие.

Следует здесь отметить и характерную особенность творчества Б.С. Шостаковича: автор с видимым удовольствием занимается отдельными примечательными личностями из сибирско-польской истории, профессионально создавая яркие политические портреты как участников Январского восстания, первых историкографов ссылки, членов партии «Пролетариат», так и художников и поэтов. При этом подробное описание творческого пути человека для автора не самоцель. Через особенности его биографии Б.С. Шостакович умел передать не только череду событий, но и видел их объективную причину и неизбежность. Обладая хорошим художественным вкусом, автор на страницах «Сибирской ссылки» сумел создать целую галерею своих героев: Агатон Гиллер и Юзефат Огрызко, Петр Сцегенный и Бенедикт Дыбовский, Зыгмунд Либрович и Юльян Сабиньский... Все тематические статьи автора также плотно «населены» реальными людьми, а потому интересны и содержательны.

В работах, помещенных в «Сибирской ссылке», Б.С. Шостакович выступил и последовательным публикатором уникального документального материала, превращая страницы сборника в своеобразную хрестоматию, а также площадку для подлинно научной дискуссии со специалистами своей проблематики из центра страны и Сибири по весьма спорным вопросам численности, географии размещения, протестным настроениям своих ссыльных. Им не забыт и историографический аспект исследования – каждая статья (есть и специальная, посвященная только этому анализу) начинается добротным историографическим и источниковедческим обзором, свидетельствующим о высокой исследовательской культуре автора.

Читая статьи Б.С. Шостаковича, опубликованные им в «Сибирской ссылке», без труда замечаешь еще одну особенность его творчества – повышенное внимание и бережное отношение к мемуарному наследию польских политических ссыльных. Б.С. Шостакович из выпуска в выпуск публикует фрагменты воспоминаний участников

национально-освободительного движения, снабжая их подробными и интереснейшими комментариями. Следует подчеркнуть, что автор выступал и профессиональным переводчиком многих забытых или неизвестных мемуаров, делая их достоянием современного исследователя. В этом мы видим особую ценность его работ.

Б.С. Шостакович участвовал в сборнике не только в качестве постоянного автора. Он по праву принадлежал к его организаторам, был неизменным членом редакционной коллегии, а с 17-го выпуска – одним из трех ответственных редакторов этого издания. Ему принадлежат две редакционные статьи, предваряющие одиннадцатый и тринадцатый выпуски. Их внимательное прочтение убеждает читателя в том, что он прекрасно ориентировался во всех направлениях этой обширной темы, видел перспективы ее дальнейшего обогащения и развития. Благодаря стараниям Б.С. Шостаковича научный сборник обрел и зарубежные связи, поддерживал отношения с авторами, исследующими различные аспекты ссылки поляков в Сибирь в самой Польше.

К слову сказать, с первых своих статей, опубликованных в «Сибирской ссылке», Б.С. Шостакович пытался всячески разрушить имевшийся в историографии стереотип – исследователи различного уровня – от популяризаторов этой темы до серьезных специалистов, – говоря о поляках, высланных в Сибирь за участие в национально-освободительном движении, постоянно именовали их «польскими ссылными», тем самым как бы подразумевая наличие в царской России ссылки по этническому признаку – к примеру, русской, еврейской, татарской, цыганской и т. д. Между тем массовой ссылки за определенную национальную принадлежность в империи не существовало (не надо путать практику компактного размещения в Сибири ссыльных одной национальности, что было всегда, в том числе и в советское время), а термин «польская ссылка» пришел в советскую историографию из дореволюционных законодательных актов, где именовали политическими ссылными всех сосланных в Сибирь поляков, высланных же за политические преступления русских (русскоговорящих) – государственными преступниками, например декабристов, петрашевцев, народовольцев и народников. Советский период страной пройден, но термин «польская ссылка» в ходу до сих пор и, учитывая стремительное увеличение рядов ищущих свои родословные корни и большой процент среди них «сибирских поляков», можно с уверенностью сказать, что он будет продолжать существовать и в будущем.

Примечательно, что в последующие годы профессор Б.С. Шостакович никак не снизил своей научной, педагогической и общественной активности. Он активно включился в учебно-педагогический процесс в связи с открытием на историческом факультете ИГУ новой специальности «Международные отношения», разработал и стал читать новые курсы. Не ослаблял он связи и с польскими вузами, где выступал с интересными и содержательными лекциями. По-прежнему руководил написанием курсовых и дипломных работ, работал в ГАК. Он был членом диссертационных советов по присуждению ученой степени кандидата и доктора исторических наук при ИГУ и Институте гуманитарных исследований АН Республики Саха (Якутия).

Год от года Б.С. Шостакович продолжал наращивать свой научный потенциал. Список его научных трудов постоянно пополнялся и достиг объема более 250 печатных листов. По его публикациям заметен и большой интерес к изучению мемуаристики и персоналий своих героев. Не случайно последние годы Б.С. Шостакович скрупулезно готовил солидную монографию «Воспоминания из Сибири: мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия» (Иркутск, 2009. 724 с.). Б.С. Шостакович выступил составителем, автором предисловий к книге и текстам польских изгнанников, комментариев и основным переводчиком. Книга открыла новую издательскую серию «Польско-сибирская библиотека». В ней впервые помещены переведенные на русский язык сибирские мемуарные произведения деятелей польского освободительного движения и политических ссыльных первой половины XIX в. В. Мигурского, Ю. Ручиньского, Ю. Сабиньского, А. Гиллера. Они являются универсальными письменными памятниками истории Польши, Сибири и Иркутска.

Особый интерес представляют новые свидетельства общения ссыльных поляков с российскими сотоварищами по сибирскому изгнанию – декабристами. Следует отметить огромную работу, выполненную Б.С. Шостаковичем по историографическому и источниковедческому обзору, составлению биографических очерков и комментариев к каждому из включенных в книгу текстов. В статьях и комментариях упоминаются сотни польских ссыльных, представителей администрации и сибиряков, вступавших во взаимоотношения с авторами мемуаров. Нелишне будет упомянуть, что издание было отмечено премией журнала «Przegląd Wschodni» («Восточное обозрение» – Варшавский университет, март 2011 г.). Десятки биографи-

ческих очерков написаны ученым для «Исторической энциклопедии Сибири» (Новосибирск, 2009).

Профессор Б.С. Шостакович был неутомимым общественником. Долгие годы он активно работал в клубе друзей Польши в Иркутске «Висла», а с организацией Польского культурно-просветительного общества «Огниво» стал заместителем его председателя. Многие годы он работал в Иркутском отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, руководил исторической секцией ВООПИК. Как настоящий патриот Сибири и Иркутска, Б.С. Шостакович активно пропагандировал исторические знания в газетах и журналах, выступал на телевидении.

Научно-педагогическая и общественная деятельность Б.С. Шостаковича была отмечена рядом почетных государственных и общественных наград России и Польши: знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», польским орденом «Золотой Крест Заслуги», медалью имени Виктора Годлевского (стоит отметить, что Б.С. Шостакович стал первым иностранным гражданином, награжденным этой медалью за исследования и популяризацию знаний о польских естествоиспытателях в Сибири), званием «Заслуженный деятель польской культуры». А в ноябре 2013 г., отмечая заслуги Б.С. Шостаковича в исследовании истории российско-польских отношений и вклад в развитие российско-польских связей, Генеральный консул Польши в Иркутске вручил Б.С. Шостаковичу Кавалерский крест ордена Заслуги Республики Польши. Кавалерский крест примечателен тем, что является высшей государственной наградой, которую могут получить от польского государства иностранные подданные.

До последних дней (он скончался 17 июля 2015 г.) Б.С. Шостакович работал над своей, однажды и навсегда выбранной, темой. Закономерным итогом многолетних трудов по изучению Сибирской Полонии является фундаментальная монография «Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.): Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы», которая увидела свет уже после смерти автора в 2015 г. Б.С. Шостакович представил во многом обновленную научную интерпретацию польско-сибирской истории как уникального многовекового, многоаспектного и многофакторного исторического феномена. В этом труде автор обобщил многолетний опыт исследования своей темы, дал исчерпывающий анализ как польской, советской, так и постсоветской историографии, сделал подробнейший

разбор достижений ее изучения, научно обосновал магистральные направления дальнейшего развития. Без большого преувеличения можно сказать, что эта 752-страничная книга будет достойным памятником исследователю, активному участнику и творцу многогранной сибирско-польской истории – Б.С. Шостаковичу.

УДК 94: 327(520) «1930/1941»

**Образ СССР
в общественно-политической мысли Японии
1930–1941 гг.**

А.А. Ипеева
Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается эволюция образа Советского Союза в общественно-политической мысли Японии в 1930–1941 гг. Выделены основные пласты противоречий между двумя странами и их влияние на отношение к СССР политических и общественных кругов в эти годы.

Ключевые слова: советско-японские отношения, образ СССР, Япония.

**The Image of the USSR
in Social and Political Thought of Japan
in 1930–1941**

А.А. Ipeeva
Siberian Federal University

The article describes the evolution of the Soviet Union image in the social and political thought of Japan in the 1930–1941s. There are several basic contradictions between two countries and their influence on the attitude of political and social circles to the Soviet Union during those years.

Key words: Soviet-Japanese relations, the image of the Soviet Union, Japan.

Образ Советской России как субъекта международно-политических отношений в довоенной Японии формировался несколькими путями и усилиями разных сил – от коминтерновских агитаторов до закоренелых антикоммунистов – и потому в разной интерпретации выглядел по-разному. Если в 1920-х гг. отношение общественно-политических кругов Японии к Советской России было более положительным, то начиная с 1930-х гг. оно претерпевает существенные изменения в связи с событиями в Маньчжурии и мнением японского правительства, а в особенности военных кругов, об СССР как об «угрозе с севера», которую необходимо устранить.

Начало новому этапу международных отношений, в том числе и отношений между СССР и Японией, положила японская агрессия в Северо-Восточном Китае. В 1931 г. Квантунская армия вторглась в Маньчжурию, следствием чего было образование Маньчжоу-Го.

Военные круги Страны восходящего солнца и Министерство иностранных дел Японии озадачились вопросом нарастания военной и политической мощи СССР и распространением коммунистических идей на Корею и Китай. Изначально посол Японии в СССР Танака и его сторонники согласись с мнением, что Советский Союз никак не влияет на национально-освободительное движение в Китае и не может угрожать интересам Японии. После того как СССР одержал победу над Китаем в конфликте на КВЖД, военное руководство Японии стало видеть в СССР явного противника, претендующего на влияние в Китае и вытеснение Японии. Военный министр Японии Угаки прямо высказывался о том, что СССР, как государство с революционной идеологией, увеличит свое влияние в Северном Китае и при этом будет главным противником Японии в Азии [1]. Особенно здесь выделяется вопрос о подписании двустороннего пакта о нейтралитете, который неоднократно предлагала подписать советская сторона. Япония, однако, видя в СССР в первую очередь геополитического противника, не рассматривала пакт о нейтралитете как необходимость, а в 1932 г. вообще отказалась от его подписания.

Япония в 1930-х гг. начала постепенно изменять свою политику в отношении СССР, а в прессе стали присутствовать лозунги против отношений между двумя странами. А в армии так называемое движение «фракция императорского пути» во главе с генералом Араки открыто говорило о «советской военной угрозе» и постоянно оказывало давление на правительство против сближения с СССР и говорило о необходимости военного вмешательства, уверенное в успехе локальной войны против СССР в Маньчжурии [2].

Главным идеологом «новой волны» взглядов на Советский Союз стал японский дипломат, член «обновленческих кругов» и главное действующее лицо японской внешней политики 1930–1940-х гг. Сиратори Тосио. Изначально его позиция была антисоветская, а МИД Японии в то время называли «оплотом антисоветизма». Сиратори не только прямо указывал на опасность военной мощи СССР для Японии, но и говорил о явном стремлении Советского Союза помешать Японии в ее китайском интересе. Вся политика Советского Союза представлялась захватнической и ничем не отличавшейся от политики российских царей. В своих политических комментариях и письмах Сиратори постоянно указывал на то, что главная задача японской политики – окончательное устранение иностранного влияния в Маньчжурии, и в первую очередь советского. Он часто указывал на то, что СССР на данный момент слаб и еще не до конца восстановился, несмотря на постепенное увеличение его военной мощи, поэтому он не способен противостоять Японии, и призывал военные и правительственные круги не только предотвратить какое-либо влияние СССР на Дальнем Востоке, но и вообще полностью разорвать отношения с ним, тем самым устранив угрозу «с севера» [4]. С его мнением было согласно большинство общественно-политических деятелей того времени. А заключенный в 1936 г. японо-германский Антикоминтерновский пакт практически полностью убедил многих в правоте такого развития событий в советско-японских отношениях.

Однако после событий на Хасане и Халхин-Голе ситуация резко изменяется. Получив достойный отпор от Советской армии, общественно-политические круги Японии начинают воспринимать СССР как мощного военного соседа, с которым нужно договариваться мирным, а не военным путем. Еще больше убедило японское правительство в этом подписание между СССР и Германией пакта о ненападении. Сиратори стал открыто выступать в МИД Японии за восстановление мирных соглашений между двумя странами и возможность заключения такого же пакта. В связи с неизбежностью войны с Японией и США тогда открыто говорилось, что «войны на два фронта» Япония не потянет [4].

Начиная с 1940 г. в японской прессе стали появляться такие лозунги, как «японо-советская нормализация», в которых говорилось о возвращении мирного и добрососедского сосуществования между двумя странами [1]. А после заключения новой рыболовной конвенции 1940 г. и демаркации границ в Маньчжурии заговорили о новом

этапе в советско-японских отношениях и сдвиге с мертвой точки всех спорных вопросов между двумя странами. В итоге заключение японо-советского пакта о нейтралитете в 1941 г. ознаменовалось как событие высокой важности в японской прессе, которая восприняла его как начало пути к новым добрососедским отношениям между двумя странами.

Таким образом, в 1930–1941 гг. в общественно-политической мысли Японии произошли существенные изменения в отношении СССР и политики страны в отношении него. Если в 1932–1939 гг. (в период, когда в Японии Советский Союз стал восприниматься как враг японского народа, а идея локальных войн против СССР и неизбежная победа Японии над ним привели к вооруженным столкновениям), то уже к концу 1939–1941 гг. (в период, когда в общественно-политической мысли Японии из-за произошедших на мировой арене событий) пришли к выводу о необходимости восстановления добрососедских отношений с СССР, и после этого он стал восприниматься как геополитический партнер.

Литература

1. Ёкотэ С. Представление японцев о России в начале периода Сёва (середина 1920-х – середина 1930-х гг.) // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. М., 2001. С. 514.

2. Молодяков В.Э. От вражды к партнерству: Сиратори Тосио и внешняя политика Японии в отношении СССР, 1930–1941 гг. // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. М., 2001. С. 530.

3. Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография / под общ. ред. А.В. Торкунова, М. Иокибэ. М., 2015. 1000 с.

4. Сиратори Т. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945 / сост., пер., вступит. ст. и коммент. В.Э. Молодякова. – М., 2008. 160 с.

**Кризисные моменты в истории
отечественных сберегательных касс
в дореволюционное время**

А.А. Кондратьева
Сибирский федеральный университет

В статье рассматриваются кризисные моменты в истории сберегательных касс дореволюционной России и Енисейской губернии с позиции войн и революций. Выделены основные моменты влияния Крымской и Русско-японской войны, революции 1905 г. и Первой мировой войны на развитие отечественного сберегательного дела. Показаны меры, предпринимаемые государством по урегулированию ситуации в моменты кризиса.

Ключевые слова: сберегательное дело, война, революция, вклад, государство, кредит.

**Critical Moments in History
of Domestic Savings Banks
in Pre-Revolutionary Time**

A.A. Kondaratyeva
Siberian Federal University

The article deals with critical moments in the history of savings banks pre-revolutionary Russia and Yenisei province from the position of wars and revolutions. The peculiarities of the basic points of influence of the Crimean and Russian – Japanese War, the 1905 Revolution and the First World War to promote domestic savings business. The article shows the measures taken by the government to resolve the situation in times of crisis.

Key words: savings business, war, revolution, deposit, government, credit.

Переломные периоды в истории российской сберегательной системы порождались войнами и революциями.

Положение отечественного государственного кредита и деятельность сберегательных касс во многом зависело от экономической, а также политической ситуации в стране.

Одним из глубоких спадов финансового хозяйства Российской империи стало поражение в Крымской войне, вследствие чего произошел поворот к правительственной политике обновления страны.

Следующим витком в переживании кризисной ситуации имперской России стала война с Японией, которая всколыхнула все русское общество. Социальный конфликт, вызванный слухами об осложнении выдачи вкладов из касс или использовании вкладов населения на нужды войны, будоражил российских вкладчиков. Вследствие подобных настроений среди населения происходили массовые изъятия вкладов из касс. Выявлялись случаи мошенничества населения в Енисейской губернии. Так, «в некоторых сберкассах имели место случаи подложного истребования сберегательных книжек, по заявлениям об утрате подлинных книжек, сделанным от имени неграмотных вкладчиков, причем лица, неподлежаще получившие дубликаты книжек, обращались в кассу с требованием о выдаче по ним денег и нередко получали их» [1]. Тем не менее ситуацию удавалось сдерживать с помощью полиции, которая задерживала «распространителей» слухов, а также успокоительными брошюрами и листовками среди населения о сохранности их вкладов. Успокаивало ситуацию и то, что сберегательные учреждения стали выдавать вклады всем желающим, появилась информация в газетах о том, что «сберегательные кассы и впредь намерены неукоснительно соблюдать свои обязательства перед клиентами» [2].

В итоге Русско-японская война 1904–1905 гг. породила значительный отток вкладов из сберкасс. Тем не менее правительственная власть активно противодействовала любым попыткам критически оценивать положение отечественных касс и тем самым поколебать доверие публики к ним.

Еще одним важным испытанием для российских сберегательных касс и государственного кредита стал революционный 1905 г. На первых порах правительству удавалось сдерживать как политическую ситуацию, так и денежные вклады населения, несмотря на то что произошло сокращение приливов новых капиталов в кассы. Постепенно старые методы правительства переставали работать.

В октябре 1905 г. произошла Всероссийская политическая стачка, которая парализовала жизнь в стране. Волнения в экономической сфере начались не только у простого населения, но и среди чинов и работников самих касс. Среди вкладчиков губернских касс также нарастала тревога по поводу возможного обращения их средств на военные нужды. Это негативно сказалось на капиталах сберега-

тельных касс. Дело дошло до того, что в октябре в результате митингов служащих была парализована деятельность самого Госбанка – сердцевины финансовой системы страны.

Подавление восстания в 1906 г. привело к спаду кризисного состояния и нормализации финансовой системы страны за счет государственного займа у Франции на громадную сумму – 2250 млн франков [3]. Тем самым страна спаслась от финансового краха и начала отходить от недавнего шока. Вкладчики стали возвращаться в сберегательные кассы. Возвращались не только старые клиенты, но и появлялся круг новых – более состоятельный слой населения, которые искали в сберегательных кассах прибежища от понижения курсов государственных фондов.

Таким образом, доверие к государственным сберегательным кассам постепенно восстанавливалось, однако полное спокойствие в стране еще не было установлено. Тем не менее из-за «тяжелого года в России» предпринимались определенные меры безопасности, это коснулось как дополнительных мер охраны касс, из-за участвовавших грабежей и нападков, так и вооружения служащих касс.

Накануне Первой мировой войны экономическое развитие страны отличалось необычайно высоким динамизмом, темп которого задавал индустриальный сектор народного хозяйства [4]. К тому времени Россия обладала довольно обширной кредитно-банковской структурой, которая представляла собой сеть многочисленных учреждений, аккумулирующих временно высвободившиеся средства населения. Важной составной частью системы являлись сберегательные кассы, которые в связи с промышленным подъемом развивались и увеличивали свою сеть.

Начало войны с Германией привело к снижению уровня вкладов в сберкассах, который тем не менее не превышал уровня осени 1905 г. (периода подъема революционных волнений в стране). Государственный банк принял меры, как и в 1905 г., предоставив сберегательным кассам денежные средства для массовой выдачи вкладов. В совокупности со свободными средствами касс это помогало восполнять массовый отток вкладов и предотвратило панику.

Первая мировая война резко ухудшила экономическое положение основной части населения Енисейской губернии и привела к росту массового недовольства и оттоку вкладов.

4 декабря 1915 г. вышло постановление «О предоставлении на время текущей войны несовершеннолетним, досрочно призванным на военную службу, права делать завещательное распоряжение

по своим вкладам, а также самостоятельно распоряжаться вкладами» [5].

Несмотря на тяжелейшие условия войны, доверие граждан не было подорвано к «полюбившимся» учреждениям. В годы войны в развитии сберегательного дела произошел резкий скачок, сравнимый только с периодом 1880–1890-х гг. Число касс выросло с 8 553 до 14 157 [6].

Для солдат и офицеров были созданы специальные полевые сберегательные кассы. Вкладчикам, оказавшимся в полосе боевых действий, предоставлялось право получить свой взнос в других центральных кассах. Призванные на войну мужчины, озабоченные будущим своих семей, получили право словесно заявлять о переходе вклада в случае их гибели к жене и детям.

С 1915 г. началось бурное открытие фабрично-заводских касс и выездных отделений сберегательных касс при горнопромышленных предприятиях и школах, элеваторах и винных лавках. Сберегательные кассы становились крупнейшими правительственными кредитными учреждениями, которые из-за умения подстраиваться под различные ситуации в стране заслужили широкое доверие у населения.

Февральская революция 1917 г. внесла свои коррективы в работу отечественных сберегательных касс. Управление сберегательных касс издало указ о проведении разъяснительной работы среди вкладчиков по поводу сохранности вкладов и их беспрепятственной выдаче. Во время событий Февральской революции 1917 г. сберегательные учреждения остались одними из немногих бесперебойно работавших государственных учреждений.

Таким образом, несмотря на любые изменения в течение всего периода развития государственных сберегательных учреждений, кассы оставались основными кредитными учреждениями. Для Енисейской губернии были характерны те же тенденции, что и в целом по России. Даже кризисные явления в социальной жизни развития общества не приводили к высоким издержкам в сберегательной сфере, о чем свидетельствует рост вкладов, наблюдавшийся в предреволюционный период. Органически вписавшись в общую систему кредитно-финансовых институтов империи, сберегательные кассы сыграли важную роль в формировании национального кредитного рынка. Поток политических событий сберегательные учреждения были использованы в личных целях новым правительством.

Дальнейшее развитие российского сберегательного дела было прервано революцией, гражданской войной и, как следствие, катастрофическим общеполитическим, экономическим и финансовым кризисом.

Литература

1. КГКУ ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1686. Л. 50.
2. Стариков Н.В. 1917. Разгадка «русской революции». СПб.: Издательский дом «Питер», 2013. С. 15.
3. Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897–1914. Л., 1970. С. 162.
4. Петров Ю.А. Российская экономика в начале XX в. // Россия в начале XX века / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 168.
5. КГКУ ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2452. Л. 64.
6. Казьмин А.И. История Сбербанка России (1841–1991). М., 2009. URL: <http://www.sberbank-history.ru> (дата обращения 04.11.2016).

УДК 94:355.257.7(470) «1920»

Концентрационный лагерь для советских военнопленных в Познанской области Польши, расположенный между местечками Щелковицы и Слупцы – Щелковский лагерь

В.Р. Лебединский
Сибирский федеральный университет

Данная статья – выдержки из воспоминаний советского заключенного польского концлагеря, попавшего в плен во время советско-польской войны в 1920 г. Автор пишет об ужасах польского концлагеря: суровом распорядке дня, тяжелой работе заключенных, издевательствах охранников. Автор воспоминаний считает, что пребывание в плену сократило его жизнь как минимум на 20 лет.

Ключевые слова: польский концлагерь, советско-польская война, заключенные.

**Concentration Camp
for Soviet War Prisoners
in Poznan Region of Poland
Situated between Shchelkovicy and Slupscy –
Shchelkovskiy Camp**

V.R. Lebedinsky
Siberian Federal University

The article is referring to the memories of a Soviet citizen being taken to a Poland prison during Soviet – Poland war. The author describes the horrors of Poland concentration camp: the daily routines, the prisoners' board and degrading treatment of superintendents. The author reveals how the prisoner was able to survive – owing to wood engraving mastery.

Key words: Poland prison, Soviet – Poland war, the prisoners.

1920 год

Гражданская война

Гражданская война – крупномасштабное вооруженное противостояние между организованными группами внутри государства, входившими в состав ранее единого объединенного государства. Целью сторон, как правило, является захват власти. Признаками гражданской войны являются втянутость гражданского населения и вызванные этим значительные потери. Способы ведения гражданских войн часто отличаются от традиционных. Наряду с использованием враждующими сторонами регулярных войск большое распространение получает партизанское движение, а также различные стихийные восстания населения и т. п. Нередко гражданская война сочетается с борьбой против иностранной интервенции других государств.

Гражданская война в России (ноябрь 1917-го – 1923 г.) представляла собой ряд вооруженных конфликтов между различными политическими, социальными группами и государственными образованиями на территории бывшей Российской империи, последовавшими за приходом к власти большевиков в результате Октябрьской революции 1917 г. Апогеем раскола, разделившим общество на отдельные враждебные группы, и стала ожесточенная война в масштабах всей страны между вооруженными силами советской власти и антибольшевистских властей. Гражданская война на территории России включала несколько отдельных периодов, одним из

них стала война между вооруженными силами молодой советской республики и Польшей.

Автор воспоминаний Георгий Ильич Кучков, часть из которых мы публикуем, принял участие в польско-советской войне и попал в плен. Он находился в концлагере на территории Польши. Его рассказ об ужасах плена мы публикуем.

Концентрационный лагерь

Этот лагерь раскинулся на равнине под тем же солнцем, что и вся наша планета. Там так же на востоке всходило солнце и закаты-валось на западе. Ночами там так же сверкали звезды, проплывали облака, так же там приходила весна, наступало лето, которое сменяла осень и сырая, грязная зима с ее морозами, доходящими иногда до 15 градусов.

Но загнанные туда 40–50 тыс. советских военнопленных жили тяжелой жизнью, как бесправные скоты у жестокого, бессердечного хозяина, безумствующего, злобствующего и кичащегося своим благородным происхождением и положением на земле.

Земляной вал, глубокий ров и до семи рядов колючей проволоки, высотой в полтора-два раза превышающей человеческий рост, высочайшей железобетонной стеной – квадратом вырезали территорию лагеря и превратили ее в затерянный мир на земле, где нет ни правды, ни совести, ни чести, ни сострадания к человеку, где царит вечный мрак, насилие, произвол и издевательство над человеком.

Жилые помещения в основном представляли собой землянки длиной 30–40 метров с проходом посередине и одноярусными деревянными нарами, на которых, прижимаясь друг к другу, могло разместиться до 150 человек. Каждый такой барак был обнесен высокой колючей проволокой, выходить за пределы этой территории не разрешалось. Территория лагеря была разбита на секции. Каждая секция включала в себя до 10 бараков. Никакой растительности на территории лагеря не допускалось. Всюду голый песок и колючая проволока. На несколько секций полагалась одна кухня, в которую организовано приходили пленные, чтобы получить свою жалкую порцию бурды. Лагерь охранялся усиленной военизированной охраной с пулеметными гнездами и прожекторами.

Распорядок дня в лагере: подъем в 5 утра, утренняя поверка, завтрак, обед, ужин, вечерняя поверка и сон с 22 часов. В каждом бараке назначался комендант из числа пленных. Он получал хлеб на всех членов барака, строил людей на поверку, водил их на кухню, назначал наряды по бараку и нес всю ответственность за своих людей,

за порядок в целом. Каждую секцию барачников возглавлял польский офицер. Мордобития, а порой и избиения отдельных военнопленных на глазах их товарищей «для острастки» были весьма частым явлением. Поводом для этого были незначительные причины как в поведении пленного, так и в его внешнем виде, а иногда и просто желание выразить презрение к коммунистам и показать свою беспредельную преданность Польше и ее главе пану Пильсудскому.

Исхудалость абсолютного большинства пленных достигала ужасающих размеров: с впалыми, с фосфорическим блеском глазами, с обострившимися носами, с провалившимися щеками, оскаленными зубами, с ярко вырисовавшимся на тоненькой шее кадыками, с обтянутыми кожей ключицами и ребрами, с присохшими к позвоночнику пупками, эти «призраки» топтались на месте, стуча колющими и костями, стараясь хоть сколько-нибудь согреться от проклятого холода, который, как назло, к ночи значительно усиливался до -12 градусов. И так изо дня в день, из недели в неделю, пока не приходила весна.

Как правило, грязи и холоду всегда и всюду сопутствуют болезни. Тифы всех «марок» свирепствовали в лагере, унося в братские могилы десятки тысяч жизней. Больных не успевали изолировать от здоровых. Приказ начальства о немедленной эвакуации больных из барака выполнять было трудно, так как болезнь поминутно поражала все новые и новые жертвы.

И вдруг... новая беда! Вспыхнула холера. Я был свидетелем этой опасной болезни. Человек неожиданно падал и начинал биться в конвульсиях, изо рта появлялась пена, смерть наступала через несколько минут. Встревоженное начальство строго распорядилось изолировать целые секции барачников, в которых появились очаги заболевания холерой. Вместе с заболевшими в изоляции оказались и здоровые, в том числе и я. Жестокий режим в наших бараках резко ухудшился. В бараки перестало заглядывать начальство, а «нижние чины» издевались над пленными как только умели и хотели. Был дан приказ по лагерю провести противохолерные прививки, крайне тяжелые по своим последствиям.

...На этот раз подъем был внезапным и преждевременным. Ворвавшиеся в барак поляки начали ремнями и палками поднимать спящих и выгонять на улицу, где шло построение в колонну по четыре и маршировка на плац. Люди покорно выполняли то, что им приказывали – четко «отбивали ногу» и «держали равнение в рядах». Людей все пригоняли и пригоняли на плац, а злой предрассветный

жгучий ветер с дождем все усиливался и усиливался. Наверное, душу каждого щемил тоска, каждому казалось, что он уже перешагнул потустороннюю грань и обитает в самых нижних этажах дантовского ада. Своего тела он уже не ощущает: оно перестало реагировать на холод и голод. В сознании одна мысль – не нарушить бы порядок в строю, не упасть бы, иначе поляки избыют тебя до смерти.

Пленных согнали на плац, чтобы сделать им противохолерные прививки. Эту операцию выполнял всего лишь один фельдшер. К столу подвели очередной барак, разворачивали его в одну шеренгу и, строго соблюдая порядок, делали уколы под лопатку каждому присутствующему. Пленный, получивший укол, отходил и снова становился в строй. К столу подвели новый барак, все остальные должны были стоять по стойке «смирно» и ждать, когда уколы будут сделаны остальным.

Наши надежды на то, что в бараке мы найдем оставленные нам пайки хлеба (по 100 грамм), не оправдались. Наш хлебный паек получили, но только не мы, а те, кто его нам должен выдавать – лагерное начальство. Бланду в этот день, по-видимому, тоже не варили. Продрогшие, усталые, голодные, мы начали устраиваться на ночлег. Постепенно наступила относительная тишина, периодически нарушаемая тяжким болезненным кашлем сотен людей и вздохами засыпающих. От укулов ныло все тело, болела голова и знобило. По существу, все люди были искусственно заражены холерой, и каждому хотелось поскорее согреться и спокойно уснуть.

Не помню, как я оказался в мастерской. Меня упрятали под стружки возле печки, где было тепло. Сколько времени это продолжалось, не знаю, но выздоровел я только благодаря Ивану Сергеевичу, который и пристроил меня в мастерской. После болезни он стал учить меня делать табуретки, рамы для скотного двора.

Между делом мы начали мастерить портсигары, которые у нас охотно брали по дешевке паны конвоиры. Я ухитрялся, кроме того, делать деревянные ложки, по размеру и толщине соответствующие серебряным десертным ложкам. Они хорошо продавались. Но все это было не то, надо было изыскивать что-то более эффективное, что приносило бы более ощутимый доход.

А помог нам случай. Нашим ведущим мастерам-краснодеревщикам заказывали делать шкатулки для гранения драгоценностей. Шкатулки обычно делали из разных пород дерева (дуб, клен, ясень, бук, граб и др.) Изделия хорошо смотрелись из-под прозрачного лака и очень нравились полякам. В крышку заказ-

чики требовали врезать монограммы. Однажды я наблюдал, как один ведущий мастер перочинным ножом вырезает в крышке шкатулки углубление для монограммы. Работа ему явно не по душе: дерево то и дело крошится, чистоты в работе не получается. Я подошел к нему и говорю: «Послушай, друг, ведь у тебя нет недостатка в работе, ты состоишь в разряде ведущих мастеров. Ну, стоит ли тебе терять время и тратить нервы на вырезание монограмм? Должи начальству, чтобы эту работу поручили делать мне».

Вначале это предложение несколько озадачило его, а потом он подумал, что ничего не потеряет. Пан Мороз по моей просьбе выдал мне инструмент – новенький лобзик. Я сел за стол и в карандаше разработал монограмму из трех начальных букв имени, отчества и фамилии, какие мне дали. Пану Морозу эскиз понравился, и он сказал: «Працуй» (делай). Тут же из мастерской принесли заготовленную досточку, я перевел на нее с бумаги эскиз монограммы и тут же ее выпилил. На крышке шкатулки по готовым буквам монограммы я выполнил углубление, вложил в него монограмму, и она точно, без малейших просветов впилась в крышку.

Я скромно показал свою работу пану Морозу, он посмотрел и говорит: «У, пся крев, як большевицы процевать мосют» (у, собачья кровь, как большевики работать умеют). Получив хорошую оценку со стороны главного инженера, я начал выполнять подобного рода работы. Имея на руках такой прекрасный инструмент, как лобзик, я решил действовать. Во-первых, я сагитировал пана Робака поручить мне выпилить рамку для его фотографии. Мало понимая меня, он все же согласился, чтоб я выпилил рамку и сам заказал в мастерскую выстругать 2-миллиметровую досочку из орехового дерева. Я же занялся разработкой рисунка для рамки. Вот где мне пригодилась работа по выпилровке, которой я много занимался в детстве. Пан Робак освободил меня от работы в мастерских, и я открыто занялся выполнением заказа начальства у себя в жилом бараке, где было и удобно, и тепло, и безлюдно. Заходившие в барак охранники любовались работой.

Наши специалисты, выполняя различные работы, бывали во всех уголках лагеря и знали, откуда и что можно извлечь для себя. И вот однажды один специалист говорит мне: «Если хочешь выгодно реализовать свою рамку, обратись к зав. продовольственным складом, он большой любитель ажурных вещей и хорошо заплатит». Я, вооружившись для маскировки пилой, молотком,

топором и, спрятав под рубашку рамку, направился на этот склад, будто на работу.

Рамка понравилась заведующему: «Чего хочешь?» – спросил он. «Марки надо. Сало надо», – говорю я. Он достал 50 марок, подал мне и распорядился, чтобы помощник дал мне сала. Тот подал мне кубик шпига толщиной сантиметров десять-двенадцать и еще три полосы сантиметров десять шириной. У меня дух захватило, но я увидел ящик рассыпанных папирос и указал на них заву. Он взял большую пригоршню двумя руками и подал мне. Пора было уходить. Все полученное я упрятал, как мог, под рубашку, рассовал по карманам, часть спрятал в пилотку. Надо было ухитриться все это добро донести до барака, чтобы патруль не отобрал по дороге. Опасения мои были не напрасными. Привязался патруль: «Покажи, что несешь и где ты это взял?» Я сунул патрульному горсточку папирос, и он отстал.

Вечером мои друзья и Иван Сергеевич угощались. Кто-то принес свежих яиц, тут же с салом их пожарили. Любители покурить получили по целой папиресе. Хлеба на стол наложили хлебопеки, которые работали на хлебозаводе.

Нашли еще один канал для пополнения запаса продуктов. Наша мастерская стояла на окраине лагеря. Колючая проволока отделяла от нас чистое поле, которое служило овощехранилищем. Стояла глухая осень. Урожай картошки был засыпан в гурты. Мы проделали в колючей проволоке проход и выползли к гуртам, чтобы набить пазухи картошкой. Делали это чрезвычайно осторожно, чтобы не попасть на мушку часовому. Вылазки мы совершали поочередно каждый день и ежедневно варили по ведру картошки, что стало большим подспорьем в питании.

Чтобы как-то скрасить вечерами нашу серенькую жизнь, Иван Сергеевич поручил своим мастерам сделать музыкальный инструмент – цимбалы. Начальство не возражало, и инструмент был сделан. Обладая неплохим музыкальным слухом, я часа через три-четыре сумел настроить инструмент. Сделали еще одну балалайку и одну гитару. Я взял на себя обязанности дирижера, научил, как надо играть на балалайке и гитаре двух пареньков, за собой оставил цимбалы. И мы начали исполнять сначала простенькие мелодии вроде «Светит месяц», «Коробушку», «Во саду ли в огороде», а потом перешли на более сложные – вальсы. В наш барак точно проник луч света. Настроение у всех улучшилось. Впоследствии Иван Сергеевич добился разрешения, и мы превратились в бродячую труппу –

ходили по баракам и давали концерты. Какую же живую струю мы внесли в мрачную, безутешную жизнь пленных!

Вот так мы и прожили в бараке специалистов месяца четыре. Я очень сомневаюсь, что остался бы жив, если бы не попал в барак специалистов, где встретил хороших друзей, расставаться с которыми было тяжело. Режим концентрационного лагеря был просто невыносимым. Со мною вместе находились пленные, которые в войну 1914 г. попали в плен к немцам и сидели в этом же Щелковском лагере. Они нам рассказывали о том, что поляки своей жестокостью далеко превосходили немцев времен 1914 г.

Я уверен, что Щелковский лагерь поубавил моей жизни, по крайней мере, лет на двадцать. Неудивительно, что каждая приходящая новая зима вызывает чувство страха за ее морозы, переносить которые я год от года затрудняюсь. А сколько же было за время плена поедено всякой гадости. Сколько было обглодано конских изгнивших костей! Мы боготворили повара, когда он бросал нам в котелок такую гнилую кость-мосол, которую мы грызли неделями поочередно, как самые голодные собаки. И вот все это позади. Прошло около полувека. Внешняя обстановка изменилась. Теперь мы стали «друзьями» с поляками, но обида на них никогда не пройдет в моем сердце.

УДК 902 (571.1/5)

Подготовка кадров историков в Приенисейском регионе: к вопросу об историографии проблемы

Е.А. Лисина

Сибирский федеральный университет

В статье анализируется историография истории развития исторического образования в Приенисейском регионе в 40-е гг. XX в. – начале XXI в. Представлен анализ работ исследователей, занимавшихся разработкой проблемы подготовки кадров по историческим специальностям.

Ключевые слова: историография, историческое образование, подготовка кадров историков, Приенисейский регион.

Historians' Training in the Priyeniseysky Region: to a Question of a Problem of Historiography

E.A. Lisina
Siberian Federal University

In the article the historiography of history development of historical education in Priyeniseysky region (the 40s of the 20th century – the beginning of the 21st century) will be analyzed. There will be represented analysis of the main works of the researchers who deal with a problem of historical personnel training.

Key words: *Historiography, historical education, historians' training, Priyeniseysky region.*

В представленной статье освещен историографический фрагмент по проблеме подготовки кадров в Приенисейском регионе в конце XX – начале XXI в. За рамками предмета исследования осталось рассмотрение некоторых опубликованных источников, таких как нормативно-правовые документы и неопубликованные архивные материалы, поскольку их анализ составляет предмет отдельного источниковедческого исследования.

Проанализированные материалы по проблеме исследования целесообразно разделить на несколько групп.

Первая группа – статьи и монографии, освещающие предмет исследования. Историей развития исторического факультета в КГПУ им. В.П. Астафьева, первого факультета на территории Приенисейского региона, начавшего подготовку кадров историков, с момента его открытия занимался профессор, доктор исторических наук Ю.Н. Яблоков, который назвал исторический факультет КГПУ им. Астафьева «сибирским Гарвардом» [1], так как его выпускники нередко становились и становятся крупными учеными, известными не только в нашей стране, но и за рубежом. Кроме того, автор проанализировал направления развития исторического факультета КГПУ, одним из которых стало включение его в систему международного сотрудничества.

Истории становления археологической науки в педагогическом университете, а также ее влиянию на развитие красноярской археологии посвящены статьи Е.В. Акимовой [2, 3], в которых описаны важные открытия, сделанные красноярскими археологами, а также основные направления их деятельности.

Ценная информация представлена в книге М.Д. Северьянова «Страницы истории и жизни» [4]. В работе указаны монографии, статьи, речи, документы, материалы разных периодов времени, фотографии, которые предоставляют возможность полнее узнать эпоху, в которой начинало свое развитие историческое образование в Красноярске, а также личность самого М.Д. Северьянова, который сыграл важную роль в становлении исторического факультета в СФУ.

Еще одной значимой работой является сборник научных трудов «Учитель жизни. К 75-летию В.В. Гришаева» [5], написанный коллективом авторов – учеников В.В. Гришаева. Сборник включает в себя краткую биографическую справку Василия Васильевича, список его научных работ, а также статьи бывших аспирантов, соискателей и докторантов по различным темам истории России и Сибири. В качестве приложения представлены фотографии из личного архива В.В. Гришаева, которые имеют большую ценность в изучении периодов становления исторического образования и личности В.В. Гришаева.

В монографии В.В. Гришаева «Живые книги с говорящими автографами» [6] показан процесс преобразования отделения истории, философии и политологии в историко-философский факультет, который в 2008 г. стал структурным подразделением Гуманитарного института СФУ.

Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные выдающимся историкам Красноярска, таким как Г.Ф. Быконя [7], Н.И. Дроздов [8], В.В. Гришаев [10], В.Г. Дацышен [11] и др., где представлены биографическая, а также подробная библиографическая справки, что имеет большую историческую ценность и дает сведения о профессиональной деятельности красноярских историков.

Сведения, освещающие развитие исторической науки и работу ученых-историков в Хакасии и Туве, скудны. Среди имеющихся научных работ можно выделить монографию Е.Н. Данькина «История развития исторической науки в Хакасии» [12], в которой автор провел комплексное исследование темы, выявил основные этапы становления, развития и специфику исторической науки в Хакасии. Специальных монографий по развитию исторической науки и образования в Туве нет. Имеющиеся сведения представлены фрагментарно в статьях профессора, доктора исторических наук З.Ю. Доржу.

Вторая группа – периодическая печать. Большое количество статей, посвященных историческому образованию в целом или отдельным личностям, игравшим важнейшую роль в развитии исто-

рии как науки в Красноярске, представлены в «Красноярской газете», в университетской газете КГУ, а позднее СФУ – «Университетская жизнь». Автором были проанализированы материалы данной газеты с 1998 по 2016 г. Также ценная информация была представлена в журнале, издаваемом в стенах педагогического университета «Геродот». Среди наиболее значимых и информативных следует выделить статью И.А. Прядко «Такая разная История» [13], где дано подробное описание деятельности исторического факультета после преобразования КГУ в СФУ, а также характеристика становления нового педагогического коллектива, описаны трудности в развитии нового факультета. Сведения, касающиеся подготовки кадров историков в Хакасии и Туве, в периодической печати не найдены.

Третья группа – воспоминания. Необходимый материал для исследования был получен в книгах, изданных самими вузами или по инициативе выпускников, приуроченных к юбилейным датам и событиям. В книге, посвященной 65-летию исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева «Историки! К торжественному маршу...»: Истфак глазами выпускников» [14], подробно описан процесс развития исторического факультета не только с точки зрения внешней политики по отношению к вузу и факультету, но и дано подробное описание событий прошлых лет изнутри, глазами самих студентов.

Четвертая группа – материалы, содержащиеся в справочниках, посвященных памятным датам и событиям. Следует упомянуть о справочнике, выпущенном под редакцией В.В. Гришаева «Наука Красноярск в лицах и трудах ученых» [15], в котором представлена информация о научных трудах и деятельности красноярских историков. В кратком биографическом справочнике, составителями которого являются В.В. Гришаев и И.А. Прядко «Кто есть кто в КрасГУ» [16] дана небольшая заметка об открытии отделения философии, истории и политологии при факультете филологии и журналистики. Кроме того, в 1999 г. со страниц справочника был объявлен набор студентов по специальности «история».

В 2008 г. вышел календарь памятных дат и событий «Край наш Красноярский» [17]. В издании представлены даты, отражающие важнейшие события политической, хозяйственной и культурной жизни края. Календарь адресован библиотекарям, историкам, краеведам, преподавателям, работникам средств массовой информации, читателям, интересующимся историей и культурой родного края. В календаре была опубликована статья В.И. Федоровой [18] о декане исторического факультета КГПУ им. Астафьева А.И. Кангуне,

в которой описаны моменты из жизни факультета и его декана, а также представлены некоторые научные труды А.И. Кангуна.

Комплексных работ по развитию исторического образования в Приенисейском регионе на сегодняшний день не существует: информация представлена в разрозненном и несистематизированном виде. Также стоит отметить, что в основном внимание акцентируется на личности и деятельности отдельных ученых. Проблема требует дальнейшего детального изучения.

Литература

1. Яблоков Ю.Н. Сибирский Гарвард на Взлетной // История образования и науки в Сибири. 2009. № 3. С. 157.

2. Акимова Е.В. Археология в Красноярском государственном педагогическом университете // История науки, образования и культуры в Сибири (материалы II Всероссийской научной конференции 23–24.10.2007). Красноярск, 2007. С. 319–322.

3. Акимова Е.В. История археологических исследований Красноярского государственного педагогического университета (1974–2008 гг.) // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Б.Э. Петри (Иркутск, 3–6 мая 2009 г.). Иркутск, 2009. С. 120.

4. Страницы истории и жизни: препринт / М.Д. Северьянов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 290 с.

5. Учитель жизни. К 75-летию В.В. Гришаева: сб. науч. тр. / науч. ред. А.А. Грязнухин. Красноярск, 2010. 296 с.

6. Гришаев В.В., Лебединский В.Р. Живые книги с говорящими автографами: монография. Красноярск, 2014. 176 с.

7. Дроздов Н.И. Быконя Геннадий Федорович: к 70-летию со дня рождения. Красноярск, 2011. 48 с.

8. Дроздов Н.И. Библиография. Новосибирск, 2007.

9. Прядко И.А. 70 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории России КГУ Гришаева Василия Васильевича // Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2005 год. Красноярск, 2004. С. 94–96.

10. Дацышен Владимир Григорьевич «20 лет в науке»: библиографический указатель научных трудов (1991–2011 гг.) / сост. С.П. Аникина, Е.С. Мальшакова, Н.М. Сафонова; отв. за вып. Е.Г. Кривоносова. Красноярск, 2012. 146 с.

11. Данькин, Е.Н. История развития исторической науки в Хакасии: монография. Абакан, 2011. 182 с.
12. Прядко И.А. Такая разная История // Новая университетская жизнь. 2009. № 4. С. 1–2.
13. «Историки! К торжественному маршу...»: Истфак глазами выпускников / отв. за вып. Е.А. Акимова. Красноярск, 2007. 116 с.
14. Наука Красноярска в лицах и трудах ученых: справочник / отв. ред. В.В. Гришаев. Красноярск: Универс, 2003. 544 с.
15. Кто есть кто в КрасГУ: краткий биографический справочник / сост.: В.В. Гришаев, И.А. Прядко. Красноярск, 1999. 378 с.
16. Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2015 год / сост.: Г.М. Гайнутдинова, К.Ю. Похабова, Н.В. Фефелова. Красноярск, 2014. 228 с.
17. Федорова В.И., Эберхардт М.В. 70 лет со дня рождения А.И. Кангуна, декана исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева (1971–2006) // Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2015 год / сост.: Г.М. Гайнутдинова, К.Ю. Похабова, Н.В. Фефелова. Красноярск, 2014.

УДК 372.893

Взгляд любителя на историю как часть образования

И.И. Мацюк

Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается система образования как сфера общественной жизни. Выделены цели исторического образования и степень их соответствия общим целям образования. Уделяется внимание ролям учебных дисциплин «История Отечества» и «Всемирная история» в формировании человеческого потенциала и необходимости инновационных технологий в подаче и для усвоения информации обучающимися.

Ключевые слова: *система образования, гражданское общество, историческое образование, отечественная и всемирная история.*

An Amateur's Look at History as Part of Education

I.I. Matsyuk
Siberian Federal University

The article deals with the education system as a sphere of public life. There are marked purpose of historical education and the degree of their compliance with the general objectives of education. Attention is paid to the roles of educational disciplines «History of the Fatherland» and «World History» in the formation of human capital and the need for innovation in the supply and assimilation of information by students.

Key words: *the education system, civil society, historical education, Russian and world history.*

Образование – одна из важнейших сфер общественной жизни. От его наполнения различными социальными институтами, учебными дисциплинами, системами методик подачи и усвоения информации, структурой построения образовательных учреждений самым важным образом зависит будущее народа и само направление его духовного и интеллектуального развития.

Важнейшим целям образования, таким как сообщение, выработка качеств, знаний и навыков, гарантирующих успешную социализацию выпускников, соответствуют и цели исторической ее части, а именно воспитание гражданина и патриота Отечества, ценностно-ориентированной личности, обладающей нравственными качествами, способной к самореализации в условиях современной российской социокультурной ситуации [1].

Историческая составляющая образования повсеместно присутствует в учебных планах всех уровней образовательной системы и направлена на формирование у обучающихся определенной базы, качество которой поднимает шансы человека на успешную интеграцию в общество. Так, например, в отечественной образовательной системе, действовавшей пару поколений назад, был выработан сильный, стройный стержень качества отечественного образования и предусматривался принцип научить человека мыслить глобально, уметь решать разнообразные сложные задачи и ориентироваться в самых различных жизненных ситуациях [2].

Учебные дисциплины «История Отечества» и «Всемирная история» как составные элементы образования одними из первых учат

человека собирать, систематизировать, обобщать факты, рассматривать их в тесной взаимосвязи и совокупности. Именно этим дисциплинам отдают должное из-за их направленности на развитие умений к поиску, анализу, сопоставлению и оценке информации, содержащейся в различных источниках, о событиях и явлениях прошлого и настоящего. Эти дисциплины совместно с литературой вырабатывают и тренируют способности определять и аргументировать свое отношение к различной информации [3].

В связи с новым социально-культурным витком развития общества возник вопрос необходимости пересмотра методических подходов в преподавании и разработке новых подходов. В результате рассмотрения предполагается переход к современным технологиям обучения, при которых логика истории как учебной дисциплины соответствует логике исторической науки, логике развития научных знаний в целом. Это в полной мере соответствует целям вузовского образования, направленного не только на овладение студентом знаниями, умениями и навыками, но и на способность свободно ориентироваться в окружающем его мире.

Применение инновационных технологий в вузе является важным фактором успешности учебного процесса. Во многих вузах созданы специальные структурные подразделения, отвечающие за качество образования и его информационное сопровождение. Дальнейшее активное внедрение в учебный процесс инновационных подходов стимулирует студентов к пополнению событийных знаний обращением к иным, интерактивным методам изучения, что составляет суть обновления и обогащения традиционного изложения российской истории. Историческое образование играет огромную роль в формировании личности, в сохранении и передаче социального и духовного опыта предшествующих поколений. Знание этой исторической ретроспективы, отраженное в собственном практическом опыте, обеспечивает ориентацию молодого специалиста в современном мире, помогает определить стандарты поведения, ответственного и в то же время творческого отношения к своей профессиональной деятельности.

Литература

1. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 2012. 30 дек.
2. Сергеев А.Л. Российская государственность в XXI веке: основные проблемы: монография. М.: Изд-во Проспект, 2016. 320 с.

3. Шендерова С.В. Институциональный механизм многоуровневого высшего образования в Российской Федерации: формирование и развитие: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05 / Шендерова Светлана Валерьевна. – СПб., 2012. 364 с.

УДК 947.1/9 (571.52) (04)

**Жизнь и судьба государственного деятеля
Тувинской Народной Республики
Адыг-Тюлюша Хемчик-оола¹**

Е.М. Ондар
Тувинский государственный университет

В статье рассматривается жизненный путь одного из видных государственных деятелей Тувинской Народной Республики – Адыг-Тюлюша Хемчик-оола, который показан на историческом фоне, раскрывающем особенности становления и развития молодой республики. Привлечение опубликованных источников и новых архивных документов позволило выявить ранее неизвестные факты, позволяющие по новому оценить его роль и деятельность в истории Тувы.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, личность, государственный деятель, Малый Хурал, Тувинская народно-революционная партия.

**The Life and Fate of the Statesman
of the Tuvan People's Republic
Adyg-Tulush Khemchik-ool**

Е.М. Ondar
Tuva State University

The article discusses the way of life one of the prominent statesmen of the Tuvan people's Republic Adyg-Tulush Khemchik-ool, which are shown against the

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-31-01083.

historical background, revealing the peculiarities of formation and development of the young Republic. The involvement of published sources and new archival documents helped to reveal previously unknown facts, allowing new appreciation of its role and activities in the history of Tuva.

Key words: *Tuvan people's Republic, personality, public figure, Small Khural, Tuva people's revolutionary party.*

В Республике Тыва в августе 2016 г. прошли праздничные дни, связанные с юбилейной датой – 95-летием со дня образования Тувинской Народной Республики (далее – ТНР), впервые в 1921 г. провозгласившей свою независимость. В истории тувинского народа это событие в корне изменило его дальнейшую судьбу. Именно в этот период была заложена система образования, здравоохранения, создана тувинская национальная письменность, развивались театральное, музыкальное и цирковое искусство и т.д. Образование ТНР стало возможным, прежде всего, благодаря поддержке советской России, имевшим место дружественным советско-тувинским отношениям, которые в конечном итоге привели в 1944 г. к добровольному вхождению ТНР в состав СССР.

Процесс становления и развития ТНР был трудным ввиду отсутствия опыта государственного строительства и потому имевшим свои особенности. В связи с этим представляется важным и актуальным обратиться к страницам жизни Адыг-Тюлюша Хемчик-оола – одного из видных государственных деятелей, в чьей судьбе отразились основные события истории ТНР 1920–1930-х гг.

Личность Адыг-Тюлюша мало изучена историками, его имя упоминается лишь в связи с политическими репрессиями 1930-х гг. [1, с. 45]. В советской историографии о нем писали как о контрреволюционере, враге народа, шпионе японского милитаризма. Несмотря на то, что Хемчик-оол Адыг-түлүш был реабилитирован еще в 1964 г., до сих пор его жизнь и судьба не получили должного освещения в исторических трудах.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде исполкома Коминтерна хранятся материалы Тувинской народно-революционной партии (далее – ТНРП), среди которых имеются и личные дела первых лиц республики с грифом «совершенно секретно». Это подлинники, которые отправляли в отдел кадров исполкома Коминтерна с печатью и подписью генерального секретаря ЦК ТНРП. Все анкеты заполнены от руки, с фотографиями, что представляет большую ценность. Среди этих

документов хранятся анкета и автобиография Адыг-Тюлюша Х., датированные 1935 г. На документах подписи самого Хемчик-оола Олдукаевича отсутствуют, но имеется подпись с печатью тогдашнего генерального секретаря ЦК ТНРП Салчака Тока. Анализ найденных материалов позволяет по-новому рассмотреть весь жизненный путь одного из незаурядных личностей, государственного деятеля Адыг-Тюлюша Х.

Хемчик-оол Адыг-Тюлюш родился в 1893 г. в сумоне Ийи-Тал Улуг-Хемского кожууна в многодетной семье. С детства был очень бойким ребенком, отличался смелостью. В его автобиографии читаем: «В старое время никаких чинов и званий я не имел. Я – арат, все время находившийся под жестоким гнетом феодалов» [2, л. 3]. Являясь выходцем из бедных аратов, испытывавшим в детстве и юности все тяготы подневольной жизни у феодалов, Адыг-Тюлюш всем своим существом принял произошедшие в стране изменения.

Ввиду отсутствия грамотных и образованных людей, в первые годы существования ТНР повсеместно руководящие должности занимали представители прежней тувинской элиты. Часто практиковалось замещение нескольких должностей в руках одного человека, что также объяснялось большой текучестью кадров.

С образованием ТНР Хемчик-оол активно включился в политическую жизнь молодой республики. На протяжении 1920-х гг. занимал разные руководящие должности, но, как правило, ни на одном из них долго не задерживался. В 1923 г. на хошунном хурале¹ он был избран членом и секретарем хошунного суда. В 1924–1925 гг., работая переписчиком копий ЦК ТНРП, становится одним из активных и видных членов партии, вступив в ее ряды в 1923 г. [2, л. 3]. В 1925–1926 гг. учился в партийной школе Монголии. За два года, по меркам того времени, он получил основное начальное и квалификационное образование. Хемчик-оол хорошо владел тувинским и монгольским языками.

В конце 1920-х гг. в результате критики деятельности представителей зажиточных слоев и религиозных кругов ТНР, занимавших руководящие должности, началась чистка состава партии и правительства. Вмешательство советской стороны в процесс формирования и деятельность органов государственной власти вызывало противоречия между старой элитой и новой, формировавшейся на партийной основе. Осенью 1929 г. Президиум Малого Хурала и Совет

¹ Хошунный хурал – местное собрание. Хошун – административно-территориальная единица.

министров ТНР лишили избирательных прав все «эксплуататорские элементы», в том числе баев, а также представителей религии – лам и шаманов [3, с. 185].

В этой непростой обстановке, вернувшись в Туву, Адыг-Тюлюш начал работать в правительстве ТНР, в 1927 г. став секретарем и начальником Управления внутренней охраны страны. На V Великом Хурале (1927) он был избран председателем Малого Хурала ТНР, проработав на этой должности около года, в 1928–1929 гг. избирался премьер-министром республики. В этот период Совет министров ТНР решал вопросы об охране телеграфных и телефонных линий, ответственности за нарушения общественного порядка, вопросы по кооперированию населения, проблемы денежной реформы 1931 г.

Хемчик-оол был в числе тех, кто активно выступал против сотрудничества с прежней правящей элитой. В 1929–1931 гг. он был избран заведующим организационным отделом ЦК ТНРП. В течение 1931 г. занимал пост министра народного хозяйства. С 1932 по 1933 г. Адыг-Тюлюш работал ответственным редактором газеты «Шын», сумев наладить выпуск газеты на тувинском языке, готовил и обучал тувинских журналистов.

В результате смены состава партии, правительства к власти пришли так называемые «левые», чей приход знаменовался многими коренными переменами в жизни Тувы [4, с. 188]. В системе власти главную роль начала играть ТНРП, направляемая Коминтерном. Началось внедрение в экономику Тувы плановых начал. Был провозглашен курс на ускоренное построение социализма, минуя капитализм, составными частями которого были коллективизация и перевод аратов на оседлость, а также ликвидация феодалов как класса.

В 1933–1938 гг. Хемчик-оол Олдукаевич, занимая должность председателя Президиума Малого Хурала ТНР, внес большой вклад в конституционное строительство, укрепление государственности республики и был активным участником разработки и принятия четвертой Конституции ТНР 1930 г., положившей начало некапиталистическому развитию Тувы. За заслуги в укреплении независимости и развития ТНР был награжден Орденом республики.

Политические репрессии в ТНР конца 1930-х гг. отражали аналогичные процессы в СССР. В стране шла борьба за власть между сторонниками и противниками немедленных социалистических преобразований. Сторонников радикальных перемен называли представителями «левого» крыла партии, боровшихся за строительство социализма в кочевой стране без учета особенностей экономики,

психологии кочевников и почти насильственного насаждения колхозов, за революционное изменение образа жизни [4, с. 189].

«Правые» были представлены высшим руководством страны, выступавших за сохранение традиционного хозяйства и культуры, за эволюционное развитие кочевой страны. Теперь уже к числу «правых» относился и А.-Т. Хемчик-оол. В октябре 1938 г. по решению Чрезвычайной коллегии Верховного суда ТНР он был расстрелян как один из главарей контрреволюционного заговора правотроцкистского толка, как шпион японского милитаризма, реабилитирован в 1964 г.

Таким образом, Адыг-Гюлюш Хемчик-оол прожил удивительную жизнь, был участником и современником многих событий истории ТНР, одним из образованнейших, разносторонних и интеллигентных людей своего времени. Не являясь противником преобразований в стране, тем не менее он выступал за сохранение традиционного хозяйства и культуры, за постепенное развитие кочевой страны. С одной стороны, благодаря произошедшим изменениям в стране, ему удалось сделать блестящую карьеру, с другой стороны, он стал жертвой политических репрессий, обусловленных как внутренними, так и внешними факторами, показывающими особенности развития ТНР.

Литература

1. Доржу З.Ю., Иргит О.Ю. Историография политических репрессий в Туве // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 1. Социальные и гуманитарные науки. 2016. С. 44–49.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 495. Оп. 264. Д. 3.
3. История Тувы: в 3 т. Т. II / под общ. ред. В.А.Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.
4. Моллеров Н.М. История советско-тувинских отношений (1917–1944 гг.). М., 2005. 326 с.

**Административно-управленческий ресурс
Красноярского края
в период антирелигиозной борьбы
второй половины 30-х. гг. XX в.**

И.С. Пшегорский
Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается деятельность краевой власти в условиях обострения антирелигиозной борьбы государства и церкви во второй половине 30-х. гг. XX в. Выделены особенности реализации краевой властью государственной антирелигиозной программы, механизмы административного контроля, а также особенности деятельности различных уровней власти в Красноярском крае при проведении партийно-государственной антицерковной линии.

Ключевые слова: Красноярский край, управленческая элита, антирелигиозная борьба, церковь, репрессии.

**Administrative-Managerial Resources
of the Krasnoyarsk Territory
during the Anti-Religious Struggle
in the Second Half of 30th Years of XX Century**

I.S. Pshegorsky
Siberian Federal University

The subject of the article is kray government activities during escalation of church oppression by antireligious state policy in the second half of 1930-s. The article distinguishes specifics of kray government execution of state antireligious policy, administrative control mechanisms and Krasnoyarsk Kray's levels of power activities in terms of state anticlerical policy execution.

Key words: Krasnoyarsk Kray, administrative elite, anti-religious struggle, the Church, repression.

В течение двух десятилетий в постсоветской России практически сформировался новый класс профессиональных управленцев.

К сожалению, в условиях рыночной экономики и отсутствия единой государственной идеологии часто такие нравственные категории, как хороший или плохой, порядочный или непорядочный управленец, подменяются более прагматичными, такими как эффективный и неэффективный, прослеживается оторванность от общественных интересов. В данной ситуации как никогда актуальным становится вопрос о негативном отношении значительной части общества к деятельности управленческого ресурса. Одним из ярких примеров может послужить региональный уровень государственной антицерковной политики 30-х гг. XX в., когда перед управленческими кадрами стояла задача, которую значительная часть общества не приветствовала, это борьба с религией.

Несмотря на наметившуюся в 30-е гг. «реабилитацию исторического прошлого, начатую по инициативе Сталина, и возрастающее в связи с этим внимание к истории своей родины и отечественной культуре [1] русская православная церковь, как пласт русской культуры, так и оставалась «вне закона» вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Роль региональных властей в реализации антицерковной программы на местах более ярко способен проиллюстрировать процесс закрытия и сноса храмовых сооружений, поскольку это требовало четкой работы административно-управленческих механизмов, а репрессии над служителями культа по большей степени осуществлялись под контролем внутренних органов.

Так процесс закрытия церквей становится по-настоящему массовым и отработанным. Анализ постановлений Краевого исполнительного комитета за неполный 1935 г. дает следующие данные: за девять месяцев было закрыто порядка 64 православных церквей, в среднем по пять церквей в месяц, плюс несколько храмов других конфессий. По некоторым данным, с 1935 по 1941 г. был закрыт 181 православный храм [2].

Несмотря на внушительные цифры, нельзя утверждать, что краевые власти подходили к данному вопросу чрезвычайно принципиально и решительно, но во многом осторожно и внимательно. Так, например, при разукрупнении Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев и создании Красноярского края в январе 1935 г. Комиссия по вопросам культа Восточно-Сибирского края передавала дела о закрытии десяти церквей Красноярскому краевому исполнительному комитету, которому оставалось только утвердить закрытие. Несмотря на это, половина данных церквей

была закрыта только через несколько месяцев, а другие были закрыты через несколько лет.

Еще одним важным аспектом являются особенности работы краевых, городских и районных властей, что, видимо, отражает степень их заинтересованности данным вопросом. Так, достаточно иллюстративно выглядит ситуация с закрытием Троицкой церкви в г. Енисейске и превращением ее в гараж по инициативе городского совета. В результате жалобы верующих Красноярский исполнительный комитет взял дело под свой контроль и определил немедленно исправить нарушение существующего законодательства [3]. Несмотря на нажим вышестоящего руководства нарушение не было ликвидировано.

На основании многочисленных примеров несанкционированных захватов и закрытий церквей, нарушения законодательства, прослеживается следующая тенденция, суть которой в том, что нижние уровни власти наиболее активно реализовывали в регионе государственные антирелигиозные установки.

Во многом данная ситуация сложилась потому, что именно на местную власть (районную, городскую, на сельские советы) выпадала проблема решения хозяйственно-экономических проблем, таких как нехватка помещений, строительного материала, металла, складов для зерна [4]. Тем самым, становясь заложниками сложившейся системы, органы власти были вынуждены искать возможности решения проблем, в том числе и за счет храмовых сооружений, чему способствовал благоприятный идеологический климат.

Таким образом, вопрос о морально-нравственных, этических, профессиональных качествах управленческих кадров, особенно в таких острых социально-политических аспектах, заслуживает дальнейшего более глубокого исследования.

Литература

1. Северьянов М.Д. Капитализм в Советской России 1917–1937: монография. Красноярск, 2001. С. 125.
2. Дворецкая А.П. Из истории уничтожения храмов на красноярской земле // Православие, Россия: размышление о прошлом, взгляд в будущее / Красноярская митрополия РПЦ, Красноярский региональный общественный фонд попечения о духовно-нравственном возрождении Сибири «Ладанка» и др. Красноярск, 2012. С. 157.
3. ГАКК. Ф. 1386. Оп. 1. Д. 261. Л. 1.
4. ГАКК Ф. 1386. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

5. Козлов В.Ф. Судьбы памятников истории и культуры Переславля-Залесского в 1920–1930-е годы // Малые города России. Проблемы истории и возрождения: материалы междунар. науч.-метод. конф. 16–17 октября 1998 г. в г. Переславле-Залесском / под ред. А.А. Черёмина. М.: Москвоведение, 1998. С. 99.

УДК 94(100)»1939/45»

Россия и Польша: «катынская проблема»

С.А. Сафронов
Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается одна из наиболее тяжелых проблем, которая существует на данный момент между российским и польским государством, – предполагаемый расстрел пленных польских офицеров весной 1940 г. сотрудниками Народного комиссариата внутренних дел в Катынском лесу на территории Смоленской области.

Ключевые слова: *Катынь, Вторая мировая война, Европейский суд по правам человека, В. Сикорский*

Russia and Poland: the Katyn Problem

S.A. Safronov
Siberian Federal University

The article discusses one of the most difficult problems which exists at the moment between Russian and Polish government – the alleged shooting of captured Polish officers in the spring of 1940 the people's Commissariat of internal Affairs in the Katyn forest in the Smolensk region.

Key words: *the Soviet-Polish war, Katyn, the Second world war, V. Sikorski, the European court of human rights.*

Катынское дело является одним из самых запутанных дел советского периода. Сложным взаимоотношениям между Россией и Польшей уже не один век. Особенно они обострились в период Гражданской войны в России. В марте 1919 г. Польша напала на Россию. Вначале польской армии сопутствовал успех, ей даже удалось занять Киев. Но Красная армия перешла в контрнаступление и подошла к Варшаве. В результате этого поляки пошли на переговоры и 18 марта 1921 г. был подписан Рижский мирный договор. Во время войны польская сторона поместила в концлагеря не только военнопленных, но и всех русских, которые находились на территории Польши, включая и беженцев из Советской России (всего 206 тыс. чел.). К концу войны из них погибли от голода, болезней, пыток, издевательств и казней 140 тыс. чел. Из 60 тыс. польских военнопленных после окончания войны в Польшу вернулось 27 598 чел., около 2 тыс. осталось в России. Судьба остальных 32 тыс. неизвестна. Несмотря на подписание мирного договора, отношения между двумя странами оставались напряженными на протяжении последующих 20 лет.

1 сентября 1939 г. войска германского вермахта напали на Польшу. Это явилось началом Второй мировой войны. 16 сентября польское правительство бежало в Румынию. 17 сентября части Красной армии перешли советско-польскую границу. К тому времени наиболее боеспособные польские части уже были разгромлены немцами, в Польше царил хаос. Красной армией было взято в плен 450 тыс. польских военных, из них 19 тыс. офицеров. Они были размещены в лагерях для военнопленных. 22 июня 1941 г. Германия совершила нападение и на СССР, оккупировав часть его западных территорий. В марте 1942 г. поляки, работавшие в располагавшемся в районе Козьих Гор (Катынь) в строительном взводе, раскопали захоронения и сообщили об этом немцам, но в то время те никак не отреагировали на эту информацию. Не вызвал интереса также доклад местного командира, полковника Фридриха Аренса, о найденной им (разрытой волком) могиле и слухах о расстрелах. Лишь 18 февраля 1943 г. немецкая полевая полиция приступила к раскопкам могил в Катынском лесу и допросам местных жителей. С 29 марта по 7 июня 1943 г. немецкими экспертами во главе с профессором Герхардом Бутцем, при участии представителей Технической комиссии Польского Красного Креста, была проведена эксгумация трупов [1].

Уже 13 апреля 1943 г. германское радио передало экстренное сообщение, в котором сообщалось, что под Смоленском найдено мас-

совое захоронение расстрелянных Народным комиссариатом внутренних дел СССР (НКВД) 10 тыс. польских офицеров. Москва отреагировала 16 апреля, обвинив Германию в «гнусных клеветнических измышлениях» и заявив, что убийство совершили сами немцы. Германия настойчиво приглашала принять участие в расследовании Международный Красный Крест, однако он отказался из-за запрета советского правительства (в соответствии с Уставом Международный Красный Крест не может действовать на территории государства, хотя бы и оккупированной, без согласия его официальных властей). Согласно выводам немцев, поляки были убиты в апреле-мае 1940 г. сотрудниками НКВД. Эти доводы подхватили польские газеты на оккупированной немцами территории. Своими сообщениями они пытались воздействовать на польское правительство в изгнании в Лондоне. Без их содействия данная акция не имела бы никакого смысла. На случай провала у немцев были и другие «заготовки» – могилы с расстрелянными румынскими гражданами под Одессой, украинскими в Виннице и т.д. Но они не потребовались: польское правительство заглотило наживку мгновенно. Его глава – генерал-полковник Владислав Сикорский сразу и полностью подтвердил версию немцев о том, что пленных расстреляли русские. Это подхватила пресса Великобритании и США. Сикорский начал требовать: не оказывать помощь России. Это привело в бешенство не только И.В. Сталина, но и правительства стран-союзников СССР, которые боялись раскола антигитлеровской коалиции. Однако в разгар скандала Сикорский вылетел на инспекцию польских войск на Ближний Восток, на английской военной базе в Гибралтаре его самолет поднялся с взлетной полосы и тут же упал в море. Выжил только летчик. После этого немецкая версия катынской трагедии несколько утихла. В ноябре 2008 г. тело Владислава Сикорского было эксгумировано и проверено польскими экспертами с целью подтверждения версии о причастности к его гибели советских спецслужб, но никаких фактов обнаружено не было.

После освобождения Смоленской области там начала действовать специальная комиссия из представителей НКВД и НКГБ (Народного комиссариата государственной безопасности). Официальный отчет о деятельности данной комиссии гласил, что летом 1941 г. лагеря, где содержались военнопленные поляки, не успели эвакуировать, и пленные были захвачены немцами. Некоторое время они по-прежнему работали на дорожных работах, но в августе-сентябре 1941 г. были расстреляны. Расстрелы осуществлялись «немецким

военным учреждением, скрывающимся под условным наименованием «Штаб 537-го строительного батальона» во главе с Фридрихом Аренсом», штаб которого находился на бывшей даче НКВД в Козьих Горах (в Катынском лесу). Все пленные поляки были убиты из немецкого оружия – пистолетов системы «Вальтер» и крупнокалиберных пулеметов, их руки были связаны бумажными немецкими веревками, а захоронены они были на территории пионерского лагеря, что при советской власти (когда он функционировал) было невозможно сделать. Весной 1943 г. немцы раскопали могилы и изъяли оттуда все документы, датированные позднее весны 1940 г., а проводивших эти раскопки советских пленных расстреляли [2].

После Второй мировой войны катынскую «карту» решили разыграть и американцы. В 1951 г. ими была создана специальная комиссия палаты представителей Конгресса США по вопросам Катыни под председательством Р.Дж. Мэддена. Заключение комиссии объявляло СССР виновным в убийстве 22 тыс. польских военнопленных (якобы по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.). Так И.В. Сталин отомстил полякам за расстрел ими в 1920 г. 20 тыс. пленных красноармейцев. Комиссия приняла решение вынести результаты расследования на публичное обсуждение в Организацию Объединенных Наций с целью созыва Международного трибунала, однако Белый дом не поддержал эту инициативу.

Второе дыхание данная версия получила в феврале 1990 г. (в самом конце перестройки), когда М.С. Горбачев получил докладную записку от заведующего международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалина, в которой шла речь о том, что в архивах были найдены документы, подтверждающие связь между отправкой поляков из лагерей весной 1940 г. и их расстрелом. В.М. Фалин высказал М.С. Горбачеву свои сомнения в происхождении этих документов, но тот был иного мнения, и весть об «истинных виновниках» катынского расстрела разлетелась по миру. 13 апреля 1990 г., во время визита в Москву руководителя Польши генерала Войцеха Ярузельского, было опубликовано заявление Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) о катынской трагедии, в котором говорилось: «Выявленные архивные материалы в своей совокупности позволяют сделать вывод о непосредственной ответственности за злодеяния в Катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных. Советская сторона, выражая глубокое сожаление в связи с катынской трагедией, заявляет, что она представляет одно из тяжких преступлений сталинизма». 27 сентября 1990 г. Главная военная прокуратура приступила к расследова-

нию уголовного дела по факту убийств в Катыни, но в 2004 г. оно было прекращено со ссылкой на смерть обвиняемых. Как и все материалы дела, соответствующее постановление являлось секретным, поскольку, по утверждению властей, содержало сведения, составляющие государственную тайну. Поэтому материалы расследования не были доступны заявителям.

24 октября 2004 г. Хамовнический суд Москвы отклонил жалобу родственников расстрелянных польских офицеров на отказ Главной военной прокуратуры в политической реабилитации погибших. После этого польское правительство объявило о том, что оно организует иск в Малую палату Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в Страсбурге от 800 тыс. родственников погибших поляков, сумма компенсации должна была составить 100 млрд евро. Однако подать в суд на Россию в 2008 г. согласилось только 12 семей убитых полицейских и военнослужащих польской армии, военного врача и директора начальной школы (дело «Янович и другие против России»), которые потребовали выплатить им 2 млрд евро. Суд продлился 4 года, в нем приняли участие сотни экспертов.

В 2008 г. во время президентских выборов в США министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский (польское руководство поддерживало республиканцев) рассказал анекдот неpolitкорректного содержания: «Знаете, почему у Обамы польские корни? Его дедушка съел в Африке польского миссионера». Утром 10 апреля 2010 г. президент Польши Лех Качинский с супругой Марией вылетели из Варшавы в Смоленск на борту польского правительственного самолета Ту-154М, пилотируемого польским экипажем. Вместе с президентом летела делегация, состоявшая из политических, военных, общественных и религиозных деятелей Польши. На борту самолета было 89 пассажиров и 7 членов экипажа. Целью визита было посещение Катынского мемориала под Смоленском в день 70-летия Катынского расстрела. При заходе на посадку в аэропорту «Смоленск-Северный», в тумане, самолет (из-за неполадок в приборах) на удалении 1,5 км от взлетно-посадочной полосы пошел ниже глиссады. Не долетев до полосы, он столкнулся с деревьями и развалился в воздухе. Все 96 человек на борту погибли. Никто из основных западных лидеров, включая и Барака Обаму, на похороны Леха Качинского не приехал.

26 ноября 2010 г. Государственная дума России (несмотря на протесты коммунистов) приняла заявление «О катынской трагедии и ее жертвах», в котором говорилось, что «катынское преступление было

совершено по прямому указанию И.В. Сталина и других советских руководителей». Тем не менее поляки не смогли предоставить практически никаких доказательств вины российской стороны. Документы, предъявленные Россией, также не вызывали доверия. Так, например, на них стояла печать ЦК КПСС (это название появилось после войны в 1952 г.). В результате 18 июня 2012 г. Европейский суд признал только сам факт расстрела польских пленных. Двенадцати участникам процесса с польской стороны была присуждена компенсация в размере 5 тыс. евро каждому на покрытие судебных издержек, а вопрос о том, кто это сделал, так и остался открытым.

Однако поляки подали апелляцию в следующую инстанцию Европейского суда по правам человека. 21 октября 2013 г. судьи Большой палаты Страсбургского суда большинством голосов постановили: они не могут вынести решение о том, что было нарушено право жертв Катынского расстрела на жизнь. Причина – то, что это преступление было совершено задолго до заключения Европейской конвенции по правам человека, на основании которой истцы просили вынести судебное решение, и до появления самого ЕСПЧ. Суд отметил, что к 1998 г., когда эта конвенция вступила в силу в России, «смерть польских военнопленных уже являлась установленным историческим фактом, и не оставалось никакой неясности относительно их судьбы» [3]. Тем самым ЕСПЧ оставил в силе собственное решение 2012 г., когда он признал Катынский расстрел военным преступлением, но отказался рассматривать детали этого дела по существу, исходя из вышеприведенных аргументов. После этого польская «Газета wyborcza» написала: «Россия может радоваться. Суд в Страсбурге умыл руки при рассмотрении катынского иска». С юридической стороны Катынское дело было закрыто.

Литература

1. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / Н.С. Лебедева, Н.А. Петросова, Б. Вошинский, В. Матерский. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 608 с.
2. Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов. М., 2004. 936 с.
3. ЕСПЧ окончательно разрешил дело о катынском расстреле. URL: <http://europeancourt.ru/2013/10/21/13655/>

**Пенитенциарная деятельность монастырей
Енисейской епархии
во второй половине XIX – начале XX в.**

А.А. Терскова
Сибирский федеральный университет

В статье представлены материалы о попытке привлечь монастыри Енисейской епархии к пенитенциарной деятельности во второй половине XIX – начале XX в. Монастырские обители не спешили участвовать в мирской жизни, боясь разрушения покоя монашеского мира, поэтому только совершали денежные пожертвования на благое дело.

Ключевые слова: Русская православная церковь, монастыри, пенитенциарная практика, несовершеннолетние преступники.

**Penitentiary Activities of the Monasteries
in the Yenisei Governorate
in the Second Half of the 19th
and the Beginning of the 20th Centuries**

A.A. Terskova
Siberian Federal University

The article contains data about penitentiary activities of the monasteries in the Yenisei Governorate in the second half of the 19th and the beginning of the 20th Centuries. Being afraid of demolition of monastic world monasteries did not hasten to take part in secular life so they were making donations for a good cause but did not load themselves with any other activities.

Key words: The Russian Orthodox Church, Monasteries, Penitentiary practice, Juvenile Delinquents.

Интерес к истории монастырей, возникший в постперестроечное время, не ослабевает до сих пор. Историки исследуют обширный комплекс вопросов: доходы и способы организации хозяйства монастырей, состав монашествующих [1, 2], особенности благотворительной и просветительской деятельности [3, 4], миссионерскую работу и роль мо-

настурей в культурной жизни городов и регионов России [5, 6]. Среди работ по истории монастырей внимание уделено также церковно-пенитенциарной практике обителей в регионах России [7, 8]. История монастырей Енисейской губернии частично освещена в трудах краевых исследователей Г. Персианова [9], Г. Фаста [10], И. Федорова [11]. Дан анализ истории строительства епархиальных обителей, их хозяйственной и просветительской деятельности. Пенитенциарная деятельность монастырей не была предметом исследования в истории Енисейской губернии, поэтому задача данной статьи – определить степень участия губернских монастырей в пенитенциарной деятельности государства и оценить влияние этой работы на жизнь православных обителей.

В Енисейской губернии во второй половине XIX в. было пять православных монастырей: два монастыря в городе Енисейске, один в Туруханске, а также мужской общежительный скит и два монастыря около города Красноярска. Красноярские монастыри были более богатые и посещаемые паломниками, здесь находились основные религиозные святыни губернии; монастыри городов Енисейска и Туруханска были бедны и посещались в основном местными жителями.

На протяжении многих веков Сибирь являлась местом ссылки. Выполняя государственные задачи, монастыри Енисейской губернии до конца XIX в. использовались в качестве мест заключения для преступивших закон. По закону ссылались в монастырь на разные сроки неверные супруги, лица, вступившие в кровосмесительную связь, дети от 10 до 14 лет, совершившие преступление с разумием. Ссылали за принадлежность к старообрядству, за богохульство, воровство, лжесвидетельство [1, с. 99]. В монастырь на исправление могли быть также отправлены представители духовного сана нетрезвость, самовольную отлучку и упущение по должности, повенчание незаконных браков [1, с. 101]. «Исправительными» монастырями в Енисейской епархии были Енисейский Спасский мужской и Енисейский Иверский (Христорожественский) девичий монастыри.

В Государственном архиве Красноярского края обнаружен ряд дел, которые позволяют рассмотреть пенитенциарную практику на примере Енисейского Спасского мужского монастыря. В 1869 г. в монастыре находилось четыре человека, отбывающих епитимью, из податных сословий. Все несли наказание за кровосмесительную связь и были определены в монастырь на тяжелые работы на всю жизнь с исполнением церковного покаяния. Из Енисейского окружного казначейства на каждого из епитимийцев в сутки выделялось по 5 коп. Монахи писали письма епархиальному и гражданскому начальству с просьбами оградить

их от этих людей. Причина была в том, что епитимийцы почти не работали, в их труде у монастыря не было надобности, пили и воровали вещи из келий. Монахи боялись за свою жизнь. Епархиальные власти и гражданское начальство приняли решение не удовлетворять просьбу монахов, оставить епитимийцев в монастыре, а при следующем инциденте советовали обратиться в полицию. Отбывающие епитимью люди нарушали образ жизни обители, но монахи вынуждены были смириться с этой ситуацией и терпеть [12]. В 1897 г. в Енисейском Спасском монастыре находилось также четыре епитимийца из крестьян, но, как отмечали сами монахи, поведение их не одобрялось и исправления не предвиделось. Епископ Иркутский Тихон, который ранее занимал епископскую кафедру в Красноярске, ходатайствовал перед генерал-губернатором Восточной Сибири П.М. Преклонским об освобождении монастырей Енисейских от обязанности содержать епитимийцев. Он писал в письме: «В трех монастырях Енисейской епархии нет ни помещений для таких пожизненных арестантов, ни лиц для надзора за ними. Наличный штат монахов в мужских монастырях Енисейской епархии состоит из нескольких монахов, дряхлых, болезненных, требующих за собой ухода. Люди эти большею частью смиренные старцы, принадлежащие к священству и посвятившие себя иночеству при последних годах жизни. Напротив того, епитимийцы, будучи весьма испорченной нравственности и не имеющие за собой никакого надзора, никаких работ при монастыре исполнять не желают, пьянствуют, добывают себе средства кражею у тех же старцев. Т.о. вместо духовного врачевания от глубокой нравственной испорченности, епитимийцы эти лишь с большею дерзостью развивают свои преступные наклонности, бьют монахов и держат их в полном страхе, и оградить иноков от обид нет решительно никаких средств. Имею честь ходатайствовать, не изволите ли признать содержание епитимийцев при монастырях Енисейской губернии несоответствующим, заменив этот вид наказания выселением названных преступников в отдаленные и малолюдные округа вверенного вам края» [13]. Указом от 31 января 1898 г. сибирские монастыри были освобождены от обязанности принимать епитимийцев.

Решая вопрос перенаселения тюрем, правительство предложило помещать в монастыри несовершеннолетних преступников.

2 июня 1897 г. был принят закон об изменении в судопроизводстве по делам о несовершеннолетних преступниках и о мерах их наказания. В законе говорилось, что если нет приютов и колоний для несовершеннолетних преступников, то они могут отбывать наказания в монастырях. В случае помещения в монастырь таковые долж-

ны быть подчинены всем правилам монастырской жизни, назначаемы в клировые послушания или на черные работы по ближайшему рассуждению монастырского начальства [1, с. 114].

19 апреля 1909 г. вновь последовало «Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних», согласно которому исправительно-воспитательные учреждения могли создавать правительства, земства, города, духовные и общественные учреждения, частные лица. 19 февраля 1910 г. был разослан запрос Синода по епархиям, чтобы собрать информацию о том, какие обители могут принять несовершеннолетних преступников. Епископы посчитали возможным принимать к себе подростков, но выдвинули ряд оговорок: чтобы прием несовершеннолетних преступников не был обязательным для монастырей, а решался в каждом отдельном случае; чтобы воспитанника, если нет на него управы, можно было сдать опять гражданским властям и др. [1, с. 113].

Монастыри же епархии ответили на официальный запрос Синода от 19 февраля 1910 г. следующее: Успенский мужской монастырь, Красноярский Знаменский скит и Туруханский Троицкий монастырь отказали в принятии детей за неимением помещения и средств. Енисейский Спаский мужской монастырь может предоставить помещение для трех детей, но всего лучше, если возможно не посылать их в монастырь, потому что монастырю с такими детьми справиться трудно и невозможно. Енисейский Иверский девичий монастырь отказал в связи с тем, что в школе при монастыре обучается 150 девочек и обитель содержит 12 сирот в возрасте от шести лет. Преступники будут губительно влиять на других детей. Но монастырь предложил посильную денежную помощь в размере 5 руб. Знаменский женский монастырь города Красноярска готов был оказать временный приют и принять для исправления трех девочек, если только они не будут приносить вреда монастырю [14].

В итоге было решено, что монастыри России будут делать ежегодные отчисления тюремному ведомству на содержание воспитательно-исправительных учреждений. Это решение позволило уклониться монастырям от предоставления помещений несовершеннолетним преступникам, заботясь о сохранении неприкосновенности устройства монастырской жизни и о возвышении иноческой жизни в обителях. Епархиальным начальством было принято решение: «Установить ежегодный однодневный сбор пожертвований по всей епархии в третье воскресенье Великого поста. Обязать монастыри отчислять 1 % от общей суммы годового прихода, не исключая проценты от неприкосновенного капитала, в консисторию» [15]. Консистория должна передавать эти средства министерству юстиции.

В целом, оценивая пенитенциарную практику монастырей Енисейской губернии, можно сделать вывод, что монастырские обители стремились освободиться от данной деятельности, ходатайствуя об этом перед правительством, считая, что подобная практика бесполезна и не ведет к исправлению преступников, а также разрушает иноческий уклад обителей.

Литература

1. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX в. М., 1999. 311 с.
2. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. 480 с.
3. Колесникова В.Л. Воспитание и образование в женских монастырях Курской и Тамбовской губернии: вторая половина XIX – начало XX вв. // Фундаментальные исследования. 2006. № 11. С. 45–48.
4. Мутасова М.В. Социально-благотворительная деятельность монастырей в контексте культуры России второй половины XIX в. // Вестник славянских культур. 2008. Т. X. № 3–4. С. 82–87.
5. Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры. Тула, 2009. 139 с.
6. Дроботушенко Е.В. Читинский женский Богородицкий монастырь – пример сибирского городского монастыря начала XX в. // Баландинские чтения. 2014. Т. 9. № 2. С. 22–26.
7. Колосок С.В. Деятельность церкви в пенитенциарной системе Иркутской губернии в конце XIX – начале XX в. // Сибирский юридический вестник. 2007. № 1 (36). С. 8–11.
8. Ружинская И.Н., Кузнецова Н.Ю. Пенитенциарная практика в монастырях Русского Севера в последней трети XIX в.: по материалам А.С. Пругавина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 3. С. 107–112.
9. Персианов Г. Из истории Енисейской епархии // Журнал Красноярской-Енисейской епархии. Красноярск, 2000. С. 8–28.
10. Фаст Г. Енисейск Православный: очерк. Красноярск, 1994. 238 с.
11. Федоров И.Г. Монастыри Енисейской епархии в досоветский период и влияние на них уроженцев западной части Российской империи // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 20–24.
12. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 894. Л. 4
13. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2544. Л. 36.
14. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7843. Л. 8
15. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4867. ЛЛ. 19–21

**Памяти д.ф.н., профессора
А.Я. Райбекаса**

Эрих Фромм о противоречиях человеческого бытия

Р.Н. Горбунов
Сибирский федеральный университет

В статье анализируются творчество Эриха Фромма. Предметом исследования является диалектика человеческого бытия. Автор статьи размышляет об исторических и экзистенциальных противоречиях, обнаруженных Фроммом.

Ключевые слова: Э. Фромм, противоречие, бытие, диалектика, человек, свобода, религия, общество.

Fromm about Contradictions of Human Existence

R.N. Gorbunov
Siberian Federal University

The article analyzes the work of Erich Fromm. The subject of study is the dialectic of human existence. The author reflects on the historical and existential contradictions found Fromm.

Key words: Erich Fromm, contradiction, being, dialectic, man, freedom, religion, society.

Человек

В человеке нет ничего прирожденного. Все психические проявления – это следствие погруженности личности в различные социальные среды. Фромм выводит характер формирования того или иного типа личности не из прямого воздействия социальной среды, а из двойственности человеческого существования: «экзистенциального» и «исторического».

К экзистенциальной составляющей человеческого бытия он относит два факта:

1) человек изначально находится между жизнью и смертью, он брошен в этом мире в случайном месте и времени и выбирается из него опять же случайно;

2) существует противоречие между тем, что каждое человеческое существо является носителем всех заложенных в нем потенциалов, но не может реализовать их в результате кратковременности своего существования. Человек не может избежать этих противоречий, но реагирует на них различными способами, соответственно своему характеру и культуре [1]¹.

Историческая составляющая не является необходимой частью человеческого существования, а создается и разрешается человеком или в процессе его собственной жизни, или в последующие периоды истории².

Свобода

Взлет капитализма, по Фромму, дал людям личную свободу и досуг, но вселил в них чувство тревоги, изоляции и бессилия. Цена свободы превышает ее преимущества. Неизбежное чувство изоляции, рожденное капитализмом, оставляет людям всего две альтернативы: укрыться от свободы в межличностной зависимости или двигаться к самореализации через любовь, творчество и работу. Новое индивидуальное общество не создает свободного человека – давая независимость, делает его бессильным, рациональным, но оставляет неуверенным и трусливым.

Свобода у Фромма делится на позитивную и негативную.

Позитивная свобода состоит в спонтанной активности всей целостной личности человека.

Разум, приставленный надзирателем к своей узнице – натуре человека, стал, в свою очередь, узником, и обе стороны человеческой личности, разум и чувство, калечили друг друга. Реализация своего «я» достигается не только усилиями мышления, но и путем активного проявления всех его эмоциональных возможностей [2]³.

Эти возможности есть в каждом человеке, но они становятся реальными лишь в той мере, в какой они проявляются. Фромм подчеркивал, что любовь и труд – это ключевые компоненты, с помощью которых осуществляется развитие позитивной свободы посредством проявления спонтанной активности. Благодаря любви и труду люди

¹ Здесь история скорее воздействует на социальность, которая создает экзистенциального человека. То есть если брать личность современного человека, то она как создается средой социальной, так и задается нормами историческими, поскольку среда сформировалась на протяжении истории.

² Здесь можно прийти к мысли, что человеку нужно меняться, но при этом оставаться собой. «Покорного судьба ведет, непокорного тащит».

³ То есть взаимодействие мышления и эмоциональности в человеке как раз неизбежно вступает в противоречие, и итогом всего появляется человеческое «я».

вновь объединяются с другими, не жертвуя при этом своим ощущением индивидуальности или цельности, избегая, таким образом, возникновения невроза или депрессии [2].

Однако идеальное объединение людей подразумевает собой переживание у человека периода негативной свободы, которая как раз заставляет обратить внимание на важность той ситуации, в которой он оказался, – той самой позитивной свободы.

Негативная свобода – ее основой является одиночество и отчуждение и стремление от нее избавиться. Такая свобода – тяжелая ноша для человека. Фромм описал три типичных невротических механизма «бегства» как защиты от негативной свободы. Это авторитарная, конформистская и деструктивная свобода. Авторитарная выражается в мазохистской страсти к подчинению себя другим или в садистической страсти к подчинению других себе. Конформистская состоит в отказе от своей индивидуальности и стремлении быть как все. Деструктивная – в неудержимой тяге к насилию, жестокости, разрушению¹.

Религия

Религии подразделяются на авторитарные и гуманистические. Авторитарная религия заключается в признании высшей силы, управляющей человеческой судьбой. В авторитарной религии бог – это символ власти и силы. Он высший, потому что он высшая сила, и человек по сравнению с ним совершенно беспомощен.

В гуманистической религии главным выступает не доктрина, а отношение к человеку как символ собственных способностей человека, которые он стремится реализовать в своей жизни, и не является олицетворением силы и превосходства, имеющей власть над человеком. Цель индивида – в достижении высшей силы путем самореализации, а не поклонения [3]².

Общество

Человеческий мозг живет в двадцатом веке, сердце же большинства людей – в каменном. Отсюда недостаточная зрелость людей

¹ Вся жизнь идет к смерти – это неизбежный факт человека на протяжении всей истории. Стремление к смерти сделает его свободнее, пока смерть не будет достигнута. В противоположность этому стремление к жизни закрепощает его. Если найти между этим меру, то можно как раз поймать середину – всю свою жизнь во всех возможных проявлениях.

² Религия, по сути, является тоталитарной. Есть общая доктрина, правила, религиозные нормы, которые ее и составляют. В ней же человек реализует себя, но делает это в соответствии с доктриной. Иное не религия, а просто духовная практика.

быть независимыми, разумными и объективными как неспособность вынести то, что человек предоставлен собственным силам и сам должен придать смысл своей жизни [1]. Различные проявления не ведут к логичному результату. Например, подавление иррациональных позывов, влечения к разрушению, зависти и мести, но вместо этого наблюдается преклонение перед властью, деньгами, суверенным государством, нацией. Или превращение учений духовных вождей человечества в клубок суеверий и идолопоклонства. Преодоление заблуждений сердца на протяжении жизни одного поколения невозможно, чтобы перерасти свою дочеловеческую историю, длившуюся тысячи лет; человечество затратит гораздо больше, чем время жизни одного поколения. Для этого и необходимо развитие социальной психологии, которая в состоянии противодействовать опасностям, вызванным прогрессом физики и медицины.

Рассматривая фашистские режимы и отмечая тот факт, что в Германии миллионы людей отказались от своей свободы с таким же пылом, с каким боролись за нее, Фромм пришел к выводу, что, если на свободу нападают во имя антифашизма, угроза не становится меньше, чем при нападении самого фашизма, подразумевая под фашизмом диктатуру типа итальянской или германской. Кроме этого, для результативной борьбы с фашизмом необходимо понимать его сущность; борьба же без понимания неадекватна и бесполезна [2].

В психологии известно явление псевдомышления, когда люди, как правило, имеющие потребность иметь собственное мнение на вопрос из какой-либо сферы, где их знания и опыт ограничены, отвечают со знанием дела. Причем делают это не для создания эффекта; более того, они искренне верят, что это мнение принадлежит им, хотя на самом деле это не так. Псевдомышление может быть вполне логичным и рациональным, как и рационализации, имеющие целью объяснить действия и чувства, однако фактически любая рационализация псевдомышления иррациональна, так как не является подлинным мотивом действия, а лишь выдает себя за таковой [3].

Потеря собственной сущности превращает конформизацию в императив, где человек может быть уверен в себе, только если живет в соответствии с ожиданиями других, в противном случае имеется риск потерять психическое здоровье.

Можно глушить сомнения по поводу собственной сущности и приобрести уверенность, приспособляясь к общественному шаблону, но происходит это через отказ от своей спонтанности, индивидуальности и свободы. Остается мертвый безэмоциональный робот.

Основная мысль Фромма заключается в двойственности свободы для современного человека: человек освободился от прежних оков и превратился в индивида, но в то же время стал изолирован и бессилен. Это подрывает человеческую личность. Свобода может превратиться в свою противоположность, и проблема, с которой общество столкнулось сегодня, – это организация социальных и экономических сил, чтобы они работали для самого человека. По мнению Фромма, цель современности – в сохранении достижений современной демократии и ее прогресс в направлении развития свободы, инициативы и спонтанности индивида как в его труде, так и в личных целях¹.

Литература

1. <http://www.studfiles.ru/preview/5439677/>
2. http://studbooks.net/671043/psihologiya/suschnost_soderzhanie_teorii_eriha_fromma.
3. <http://azps.ru/sch/frd/frd8.html>.
4. Фромм Э. Иметь или быть (1976). М.: АСТ, Астрель, 2010. 320 с.
5. Фромм Э. Бегство от свободы (1941). М.: АСТ, 2011. – 288 с.
6. Фромм Э. Психоанализ и религия (1949). М.: АСТ, 2010. – 160 с.

УДК 1(091)+808.5

Речь Константина Райкина о цензуре в искусстве в ракурсе античной риторики

К.Д. Коловская, А.Ю. Коловская
Сибирский федеральный университет

В статье рассмотрены приемы красноречия одной из современных ораторских речей в сопоставлении с примерами из далекой античной эпо-

¹ Свобода воли и определенность, оптимизм и пессимизм, сознание и подсознательные силы, уникальность и похожесть – Фромм придерживается золотой середины как единственно верного выбора.

хи, что не только иллюстрирует историю риторики, но и наглядно демонстрирует преемственность в европейской культуре. Более того, проведение данных историко-философских параллелей помогает ощутить связь времен, рассмотреть мировосприятие наших современников в ракурсе античной риторики.

Ключевые слова: оратор, красноречие, софист, античная философия, диалектическое развитие, бинарные оппозиции.

Speech of Konstantin Raikin Against Censorship in the Art from the Perspective of Ancient Rhetoric

K.D. Kolovskaya, A.Y. Kolovskaia
Siberian Federal University

The paper describes methods of eloquence of one of contemporary oratorical speeches in comparison with examples from the distant ancient times. This not only illustrates the history of rhetoric, but also demonstrates the process of the development of European culture. Moreover, conducting historical and philosophical parallels data helps to feel the connection to time, consider the worldview of our contemporaries from the perspective of ancient rhetoric.

Key words: *speaker, eloquence the sophist, ancient philosophy, dialectical development, binary oppositions.*

Античная культура оказала колоссальное влияние на развитие европейской цивилизации. Именно в Древней Греции были разработаны прогрессивные концепты устройства общественной жизни: демократия, правовое государство, суд присяжных. Философия, выросшая из софистики, подарила миру логику и немало способствовала развитию рационального мышления и научного способа познания мира.

Красноречие, связанное и с политикой, и с судом, и с искусством, высоко ценилось в античном мире и достигло там настолько высокого уровня развития, что до сих пор продолжает оставаться эталоном и не теряет эвристической ценности. Знание античной риторики помогает писателям, журналистам, политикам, общественным и культурным деятелям уже на протяжении нескольких веков. Джон Мильтон создал одну из самых своих известных речей – «ареопажитику», опираясь на риторику древнегреческого оратора Исократа. Само название речи отсылает к ареопагу – суду в Древней Греции.

И в XXI в. все три вида красноречия: судебное, торжественное и политическое – продолжают существовать, хотя, конечно, их форма несколько изменилась. Тем не менее все, кто профессионально занимаются риторикой, изучают эти классические образцы. Вероятно, поэтому сегодня также встречаются речи, вполне соответствующие античным канонам.

В работе предпринята попытка проанализировать речь современного режиссера Константина Райкина в ракурсе истории ораторского искусства, а именно в сравнении с древними речами Лисия и Исократа.

Теперь о риторических приемах. Главный из них в текстах обоих ораторов – логическая антитеза, прежде всего, противопоставление эпох.

Кроме временной антитезы, в обоих текстах прослеживается еще и типичная для совещательного типа речи конфронтация собственного политического мнения и взглядов оппонентов. Бинарная оппозиция как диалектическое начало придает речам динамику [5]. Ораторы как будто бы ведут диалог со своими противниками – врагами демократии, только их реплики опущены. Поразительно, что и более двух тысяч лет назад, и сегодня темами для публичных выступлений становятся борьба за свободу. Лисий стремится дать право свободного выбора каждому афинянину, Райкин ратует за свободу творчества от любых идеологических рамок.

В речи Райкина [1] есть еще несколько приемов, совершенно типичных для античной риторики, но почти не используемых Лисием [3]. Это, прежде всего, ссылки на общепризнанные авторитеты и цитирование. Для наглядности сравнений будем использовать «Панегирик» Исократа [4]. Тем более что на стиль этого оратора оказал влияние именно Лисий.

Хиазмы, божба, умолчание, горгианские фигуры: антитеза, равночленность, созвучие окончаний. Они применялись при создании не только речей, но и драматургических текстов [2]. Поэтому часто актеры, которые из-за преклонного возраста или в силу каких-то других причин больше не могли заниматься театром, становились логографами и зарабатывали себе на жизнь составлением речей для заказчиков.

Сопоставление социокультурных условий развития творческих личностей представляется нам довольно полезным и вместе с тем интересным методом. Для проведения аналогий между речами античных ораторов и наших современников в работе приведены известные биографические детали их жизни (ораторов).

Во всех трех речах, рассматриваемых в работе, ясно различим морализаторский пафос. Его присутствие в них не случайно. Общество нуждается в нем в кризисные и переломные моменты, когда потеряны ценностные ориентиры. Таким представляется мир и Лисию, и Исократу, и Райкину. Они берут на себя задачу спасти его.

Сравнение красноречия двух далеких друг от друга эпох не только иллюстрирует историю публицистики, но и демонстрирует преемственность культур. Более того, проведение параллелей помогает ощутить некую связь времен, приблизиться к пониманию мировосприятия наших предшественников.

На основе проведенной в работе аналогии с образцами классической древнегреческой риторики выявлены элементы исторической преемственности в речи современного оратора, актера и режиссера Константина Райкина. Преемственность носит как социокультурный, так и культурно-эстетический характер. Такие концептуальные основы античной риторики, как сочетание эстетического и нравственного понимания действительности, пространственно-временное понимание человека и его проблем, чувство меры и гармонии, состязательность, чувственность, эмоциональность, в общем и целом в значительной степени отвечают потребностям современной речевой культуры. Это проявляет себя даже в небольшом речевом действии, анализируемом в данной работе (речь К. Райкина).

«Переключки» между речами Лисия, Исократа и Райкина наблюдаются и на уровне стилистики языка, и в композиции, и в проблемно-тематическом содержании, и даже в идеях. Примечательно то, что проблематизируется в речах феномен личностной и общественной свободы как одной из самых широких категорий в творчестве. Причины возникновения созвучий можно объяснить как социально-культурными факторами, так и связью творческих личностей с театральным искусством и политикой. Категория свободы во все времена выступает не только предметом историко-культурных разногласий, философствования, нравственного поиска, размышления, но и ареной политической борьбы, полемики. Как следствие в общественном сознании возникают настроения и мотивы утраты чувства свободы, ее поиска или отрицания. В отношении свободы, стремления к ней или отрицания ее возникают риторические действия, речи, эссе, памфлеты и пр.

Наше предположение о том, что сравнение красноречия двух далеких друг от друга эпох иллюстрирует историю публицистики и ее наиболее значительную сторону – преемственность культур –

подтверждается совокупностью риторических приемов, выявленных в текстах речей. Более того, проведение параллелей помогает ощутить некую связь времен, приблизиться к пониманию мировосприятия наших предшественников.

Сопоставительный анализ позволил отнести речь Константина Райкина и речь Лисия к политическому или совещательному типу красноречия, на что указывает, в частности, отсутствие «сложных конструкций» в построении речи, употребление обоими ораторами слов, имеющих общепринятое значение, лаконичность выражений и краткость, которые не убавляют силы воздействия, а делают речь более убедительной. У Райкина, как и у Лисия, простота языка (у первого более разговорная речь) проявляется в основном на синтаксическом, а не на лексическом уровне, подчеркивает индивидуальность оратора и повышает эмоциональность речи.

Типичные для античной риторики приемы речи Райкина, такие как логическая антитеза, бинарная оппозиция, конфронтация с мнением предполагаемых оппонентов, ссылки на общепризнанные авторитеты, цитирование, подтверждают наличие преемственной связи на содержательном, смысловом, композиционном, эмоциональном уровнях. В целом проделанная работа позволяет делать предположения о глубоких историко-культурных и социальных корнях острых проблем, волнующих наших современников, и исследовать их.

Литература

1. «Мы клеветем, доносим. И опять хотим в клетку». Речь Константина Райкина – о цензуре и борьбе государства за нравственность // Интернет-издание Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2016/10/24/my-kleveschem-donosim-i-opyat-hotim-v-kletku>.
2. Корнилова Е.Н. Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистической античной эпохи. М.: Изд-во УРАО, 1998.
3. Лисий. Речи / пер. С. Соболевский. М.: Изд-во Ладомир, 1994.
4. Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы / под общ. ред. Э.Д. Фролова. М.: Изд-во «Ладомир», 2013.
5. Мазаева О.Г. О терминологическом смысле языковых образований античной философии // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политика. 2015. № 2 (30).

**Национальное достоинство
в свете диалектики национальных отношений
современности**

Г.Г. Коломиец
Оренбургский государственный университет

Национальное достоинство в свете диалектики национальных отношений представляется насущной проблемой. Выдвигается мысль о том, что достоинство становится доминантой сознания. Высказывается идея утопии этического симбиоза, противостоящая международному терроризму, на основе наднационального вектора цивилизационного развития в глобальном мире.

Ключевые слова: диалектика национальных отношений, глобальные вызовы, достоинство человека, национальное достоинство, этический симбиоз.

**The National Dignity in the Context of Dialectic
of National Relations of Today**

G.G. Kolomiets
Orenburg State University

The national dignity in the context of dialectic of national relations is a pressing issue. The opinion is suggested that the dignity becomes the dominant of conscience. It is proposed utopia idea of ethical symbiosis, opposing the international terrorism, as supranational vector of civilization development in a global world.

Key words: dialectic of national relations, global challenges, human dignity, national dignity, ethical symbiosis.

Диалектика национальных отношений, характерная для современного жизненного мира и охватившая демографию, экономику, социокультурную коммуникацию, указывает на новые условия современности, когда, с одной стороны, усугубляются расколотость мира и с другой – осознается необходимость более тесного взаимодействия

наций благодаря технологическому прогрессу, определяющему будущее всего человечества. Рефлексия саморазвития исторического процесса указывает на действие законов диалектики в национальных отношениях, в которых стимулирующим ядром выступает ценность человеческого достоинства. Если в современных условиях глобализирующегося мира представить в качестве тезиса нацию, а в качестве отрицания, антитезиса – глобализацию, то синтезом на современном этапе выступает этика наднациональных отношений, или политическая этика транснациональных интересов. Поясним свое положение. Тезис – нация трактуется в современной философии в двух смыслах, поскольку существует два подхода к пониманию нации, которые определили, с одной стороны, концепцию этнокультурной нации и с другой – концепцию гражданской нации. Согласно первой теории, национальная идентичность осознается как причастность к определенной историко-культурной общности. Другая концепция – гражданской нации – отождествляет национальную принадлежность человека с его гражданством и относит ее к таким характеристикам человека, которые могут быть изменены актом сознательного выбора [1, с. 833]. Таким образом, сам тезис – нация содержит в себе внутреннее противоречие: тезис – нация как этническая принадлежность и антитезис – нация как сформировавшееся гражданское самосознание. Что касается человека, выражающего космополитические взгляды, для которого нация является некоторым ограничением его бытийной характеристики, то он также не вполне свободен от национальных оснований. И в одном, и в другом, и в так называемом космополитическом случае национальное самосознание фундирует чувство собственного достоинства, обеспечивает самодостаточную пространственно-временную определенность в существовании индивида и его ценностную ориентацию в сложном, многослойном мире. Национальная идентичность представляет собой глубоко укорененную структуру личности, обусловленную биосоциокультурными факторами и модифицированную вторичными надэтническими, социополитическими условиями жизненного мира.

На следующей диалектической ступени тезису «нация» отрицанием выступает «антитезис – глобализация», который понимается нами как многовековой естественно-исторический процесс, как характеристика «интеграционных и дезинтеграционных процессов планетарного масштаба в области экономики, политики, культуры, а также антропогенных изменений окружающей среды, которые по форме носят всеобщий характер, а по содержанию затрагивают инте-

ресы всего мирового сообщества» [2, с. 8]. Синтезом представляется степень рациональности в диалектическом процессе национальных отношений с комплексным подходом, в котором важной составляющей является этическая компонента, а вместе с тем понятие национального достоинства. Современная философская мысль и широкая общественно-информационная среда взывает к чувству толерантности, ответственности, признавая гуманизм духовной основой человеческого существования. При этом поиски решения проблем глобализирующегося мира не могут миновать фундаментально обоснованные всечеловеческие ценности, культурные универсалии, в частности касающиеся национальных отношений, процесс становления нового сознания как субъективного фактора мирового развития, вышедшего на виток новой промышленной революции XXI в. Этическая категория достоинства человека в философском знании как-то не выделялась среди этических ценностей, однако в эпоху современных процессов возрастает ценность человеческого достоинства. Под понятием «человеческое достоинство» в условиях современного глобализирующегося мира мы берем следующее толкование: «человеческое достоинство – абсолютная этическая ценность, содержащая в себе неизменное ядро добродетелей (мудрость, ответственность, справедливость и др.) и принимающая конкретные значения в современном социокультурном пространстве путем осуществления человеком своей моральной сущности, утверждающей себя в творчески-созидательной деятельности, поведении, общении и являющейся гарантом ответственности человека в разных ипостасях субъект-объектных отношений бытия человека» [3, с. 10].

На современном этапе дискурс национального достоинства человека наполняется новым содержанием в связи с новой проблемой, обозначенной как проблема международного терроризма и терроризма как такового явления в целом. Терроризм имеет базовые основы человеческого поведения, глубокие истоки которого надо искать в этике диалектической взаимосвязи добра и зла, этике справедливости и свободы выбора как меры отношений, ответственности и т.д. Среди ценностей в ходе дискуссий по национальной проблематике с западноевропейской точки зрения выделяют ценность «права на жизнь», ценность жизни, а с «восточной» – акцентируют внимание на такой ценности, как справедливость. Проблема национального достоинства обострилась и заключается в том, что нации и национальные интересы должны отвечать на глобальные вызовы. В связи с этим достоинство человека становится доминантой со-

знания, претендующего на признание субъекта, а диалог культур – диалогом человеческих достоинств на разных уровнях – отношений. Трагический пафос национального человеческого достоинства в нынешнем существовании состоит в неготовности возвыситься до этики долга с осознанием причастности к всечеловеческому Целому. Этика человеческого достоинства в условиях глобализации в качестве одного из своих основных критериев выдвигает фактор ненасилия, ответственность в творчески-созидательной деятельности, мудрость в следовании договоренностям и в поиске компромиссов в современном мире, который наполнен актами напряженных военных действий и нерешенностью проблемы защиты прав человека. Человеческое достоинство, являясь ключевой в определении наднациональных (всечеловеческих) ценностей, обуславливает в качестве идеала глобальный этос, гипотетически достигаемый в свете творчески-созидательной деятельности человека. При этом человеческое достоинство выступает как возможность выбора ненасилия в условиях глобального транскультурного взаимодействия, когда принципы правового положения человека предполагают рациональность, ответственность, имеющую в основе нравственное содержание. Учитывая большие миграционные потоки и в связи с этим трансформацию чувства собственного национального достоинства с возможной утратой длительной укорененности этнонациональных традиций и ценностей в «чистом виде», мировое сообщество вынуждено декларировать умеренность в приоритете ценностей общества потребления и выдвигать пафос всечеловеческих ценностей, которые приобретают обновленное значение в глобализирующемся мире как наднациональные. Однако мировое сообщество составляют конкретные чувственные люди, психологически переживающие чувство собственного достоинства, но подчас пренебрежительно постулирующие достоинство Человека, имея в виду каждого и человечество в целом, что вызывает остроту в проблемном поле современной этической практики. Можно констатировать тот факт, что ни долг, ни добродетели с «золотой серединой», ведущие к счастью, ни вера, ни разум в социальной и индивидуальной этиках не стали доминантой сознания сегодня. Доминантой сознания в современном человеческом бытии является достоинство, претендующее на признание субъекта. Для национального человеческого достоинства стало важным не просто существовать, а существовать достойно, быть признанным участником диалога культур. Достоинство личности, нации, государства заключается в том, чтобы быть услышан-

ным, признанным, авторитетным в диалоге культур. В связи с этим нами выдвигается мысль о ценности надэтнического вектора развития национальных отношений, базирующихся на признании надэтнического пласта (гражданского, территориального, религиозного) национального достоинства человека. В таком случае национальное достоинство человека во многом определяют региональные взаимопроникающие связи. Современное представление о национальном достоинстве человека, как нам видится, все далее будет строиться не на этносе, а на надэтническом пласте национальной идентичности, обусловленном региональной сопряженностью (в том числе и межгосударственными отношениями) и все более связанным с этикой долга, этикой ненасилия, этическим симбиозом [4, с. 35]. Идея этического симбиоза выглядит утопичной в условиях изменяющегося мира, над которым зависла опасность актов международного терроризма, однако, как известно, утопические идеи могут помочь привнести реальные плоды в переосмысление глобальных вызовов.

В заключение выскажу три главных тезиса национального достоинства в свете диалектики национальных отношений современности: 1) ценность национального (надэтнического) достоинства человека – доминанта современного сознания; 2) национальное достоинство человека будет утверждаться через диалог национальных достоинств и выходить на всечеловеческий уровень; 3) оптимистическая утопия этического симбиоза может быть возможной реализацией проекции практической этики в свете глобальных вызовов.

Литература

1. Гусейнов А.А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. 848 с.
2. Чумаков А.Н. О природе и границах глобалистики // Век глобализации. № 1. 2008. С. 7–16.
3. Воропаева Ю.П. Этика человеческого достоинства в условиях глобализации: дис. ... канд. филос. наук. М., 2015. 188 с.
4. Коломиец Г.Г. Национальное достоинство и утопия этического симбиоза // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 5 (193). С. 31–35.

Техногенная реальность и будущее искусства

В.Н. Кульбижеков

Сибирский федеральный университет

Статья посвящена актуальной проблеме состояния искусства в современном обществе. В статье доказывается, что наука, техника и искусство изначально связаны неразрывно и всегда развивались, вдохновляя и обогащая друг друга. Грамотное, гуманистически ориентированное использование технологий обязано дать человечеству новые возможности для самореализации, творчества, свободы самовыражения и развития. Автор считает, что только союз искусства и науки может сохранить в человеке человеческое, сохранить его как вид.

Ключевые слова: техногенная реальность, научные достижения, искусствоведение, научно-технический прогресс, художник, человек, эстетика, философия искусства.

Techno Reality and Future of Art

V.N. Kylbizhekov

Siberian Federal University

The article is devoted to a very topical issue of the status of art in contemporary society. The article proves that science, technology and art are inextricably linked and initially are always evolved, inspiring and enriching each other. Competent, humanistic-oriented use of technology is obliged to give mankind new possibilities for self-realization, creativity, freedom of expression and development. The author believes that only a union of art and science can save the human in man, save it as a species.

Key words: man-made reality, scientific achievements, art, scientific and technological progress, the artist, the man, aesthetics, philosophy of art.

Гибель искусству предрекают на протяжении уже более трехсот лет. Философы и искусствоведы, филологи и эстетики констатируют значительные трансформации в мире искусства, причем трансфор-

мации не формальные, а ментальные, содержательные, в результате которых наиболее отчетливо вырисовываются два пути: либо невиданный взлет, переход на какой-то совершенно новый уровень, доселе невиданный и неслыханный, либо полная и окончательная деградация, которая, впрочем, произойдет не одновременно, а растянется на многие и многие годы.

Одной из причин угасания искусства исследователи видят в нарастающей технизации общества, становлении так называемой «техногенной реальности». В условиях современности человек испытывает жесточайший дефицит времени, не позволяющий заниматься искусством, творчеством, саморазвитием, потому что перед большинством, если не каждым, остро стоит вопрос выживания, банальная проблема сведения концов с концами.

Разорванное, фрагментированное существование (экзистенция) делает самого человека разорванным, фрагментированным, подменяет целостность и полноту человеческого бытия «следами», «протоследами», «означающими» и «означаемыми». В этом лабиринте знаков и значений полностью растворяется ощущение подлинности, ощущение реальности.

Современные арт-практики очень точно улавливают это состояние современной экзистенции, опредмечивают его в соответствующих объектах, которые далеко не всегда можно назвать произведениями искусства. Массовое сознание не понимает и не принимает экспериментов в области искусства: они вызывают у людей резкое отторжение. Действительно, дискомфорт при знакомстве с произведениями современного искусства бывает вызван отнюдь не только шокирующим содержанием, но и пониманием того, что «не все в порядке в датском королевстве», далеко не все благостно в окружающей реальности, что абсурд, заумь, безумие уже давно перешагнули с полотен, экранов и страниц художественных произведений в окружающую действительность и что с ужасами реальной жизни не сравнится никакая, самая дикая и несусветная фантазия...

Современная техника и технологии так вошли в нашу жизнь, что без них человеческое бытие просто немыслимо. Существование новых видов искусства (кино, телевидение) стало перманентным фактором, частью среды современного человека. Искусственные голоса заполняют пространство нашего дома наравне с человеческими, а порою заглушают естественную речь, делают человека «придатком» телевизора и компьютера. И такую ситуацию современное искусство отражает достаточно адекватно. С одной стороны, чело-

век опьянен открывающимися перед ним возможностями, с упоением описывает, какие еще невиданные возможности и перспективы готовит человечеству союз техники и интеллекта, и потому многие фантастические романы и фильмы превозносят эти достижения, приводящие к «головокружению от успехов». С другой стороны, во многих произведениях все отчетливее и тревожнее звучат трагические и апокалиптические нотки. И потому совсем не случайно таким популярным стал сегодня жанр фильмов-катастроф и ужасов.

Техника и высокие технологии играют огромную, если не ведущую роль в создании многих современных произведений искусства. И не просто в создании. К сожалению, нередко смыслом и содержанием некоторых произведений становится воспевание современных достижений в области техник и технологий. И для многих совершенно очевидно, что такое положение вызывает и не может не вызывать неприятие и отторжение.

Возможно, именно поэтому многие художники принципиально отказываются от использования высоких технологий и создают свои произведения, так называемые арт-проекты, из бытовых предметов, давно вышедших из употребления. По их мнению, современное искусство должно быть максимально простым, создаваться из подручных, даже «помоечных» средств, уже использованных, отработанных, вышедших из строя, то есть принципиально уже не участвующих в технологическом процессе. Эти художники дают вторую жизнь вещам и предметам, вышвырнутым из техногенной реальности, помещают их в новую среду, в новое художественное пространство, показывают их с другой стороны, наполняют новым содержанием. Возможно, это создается из протестных соображений, в качестве противопоставления технологической «навороченности», перегруженности техникой не только в быту, но и в искусстве.

На мой взгляд, это очень символично. Возможно, современным мастерам кажется, что если они хотят сказать что-то важное, то им нужно обязательно выделиться из общей массы, не быть в общем потоке, и они как бы выбрасываются из мейнстрима, потому что именно там, на задворках культуры, считают они, только и можно сказать самое важное, самое значительное и ценное. Но нельзя не учитывать и того, что такие явления связаны, возможно, со стремлением во что бы то ни стало удивить, эпатировать публику, потому что только эпатаж, скандальные акции, ставшие чуть ли не визитной карточкой некоторых современных художников, скажем, не особенно об-

ременных талантом, являются единственным способом обратить на себя внимание.

Обратимся к научно-технической сфере. И там нередко наблюдается то же самое стремление, которым движимы некоторые люди искусства (или параискусства): «выпендриться», удивить, поразить, шокировать. Зачастую в жизни спросом и востребованностью пользуются не действительно высокотехнологические изделия, а так называемые «раскрученные бренды».

Люди готовы понять и принять и малоэффективные технологические проекты, если они прорекламированы и поданы соответствующим образом. Выходит, и в научно-технической сфере главным оказывается не создание действительно чего-то ценного и нужного, а умение заявить о себе. К сожалению, нередко внедрение высокоэффективных технологий сознательно тормозится теми, для кого важны не технологический прорыв в области науки и техники, не стремление служить Отечеству, а только собственный материальный интерес. Продвижение высоких технологий не выгодно тем, от кого зависит их внедрение и кому привычные технологии приносят очень неплохие дивиденды. Таким образом, очевидно, что существуют некие единые интенции, пронизывающие всю современную культуру, проявляющиеся на разном уровне, от популярного до элитарного, и определяющие лик современной техногенной реальности.

Научно-технический прогресс отвечает на вопрос «что необходимо». Вопрос «во имя чего» – это поистине философский вопрос, и если люди принципиально не могут или не хотят на него отвечать, то вскоре хиреет и разрушается все остальное, в том числе и техника, и технологии. Не следует думать, что техногенная реальность есть прямой враг искусства. Напротив, многие инновации вначале были апробированы в искусстве, а затем востребованы и в научном творчестве. Искусство всегда вдохновляло научную мысль на создание принципиально нового, заражало общество жадой новизны и инноваций, транслировало и популяризировало возникающие под воздействием научно-технического прогресса новые идеи и ценности.

В свою очередь, именно благодаря техническому прогрессу искусство вошло в каждый дом, стало всеобщим достоянием. Спросим себя: многие ли в Италии знали произведения величайших гуманистов Возрождения? Нет! Таких были единицы. С изобретением книгопечатания произведения искусства стали фактором, формирующим сознание всей нации, всего народа, всего человечества. Без изо-

бретения Гуттенберга под вопросом, возможно, оказались бы и научные революции Нового времени, и новые социально-экономические отношения, и современность, какой мы ее знаем.

Но вместе с тем сомнения, вопросы относительно научно-технического прогресса и положения искусства в создавшихся условиях широко известны и обоснованны. Тревога за будущее и судьбу человечества, в которой безраздельно господствуют технократы, волнует не только представителей всех творческих профессий, но и общество в целом. Художники всегда участвовали в проектировании и моделировании будущего человечества, своими произведениями наглядно показывали, какие угрозы стоят за бездумным и неуправляемым развитием техники и технологий. Поэтому художники, творческая интеллигенция всегда будут востребованы обществом как «голос совести», голос тех, кто видит дальше и чувствует глубже. Угрозу искусству представляют не сами технологии и инновации, но неумное и неумелое их использование, преступная близорукость, не позволяющая видеть несоответствие уровня технической революции уровню сознания человека. Эти несоответствия и приводят к различным угрозам. Угрозам не только в отношении искусства, но и духовного, нравственного здоровья всего человечества.

Художники во все времена смотрели в будущее, стремясь не только предугадать, но так или иначе смоделировать его, тем самым создавая в головах реципиентов тот или иной образ, модель будущего развития. Не секрет, что художественное видение проблем предвосхищает их научную постановку и решение. Примеры здесь более чем многочисленны. Но современные творцы, погруженные в информационную среду, оказываются зачастую ее заложниками. Наверное, всегда есть возможность абстрагироваться от текущего момента, подумать о вечном. Но подобное «выпадение» из реальности грозит выпадением и из потока современной жизни, ее полным отторжением и неприятием. Это тоже путь, выбор человека. Однако современный художник, если он хочет быть актуальным, обязан, с одной стороны, держать руку на пульсе современной действительности, а с другой – иметь некую дистанцию, чтобы видеть ситуацию в целом и адекватно ее осмысливать. Это далеко не всегда возможно.

Ритм современной жизни таков, что человек вынужден выбирать между теоретическими исследованиями и практической деятельностью. Большинство людей на сегодня делятся либо на «действующих», либо на «созерцающих». «Действующие» в состоянии осмыс-

ливать и анализировать непосредственно те факты и обстоятельства, которые необходимы им для успешной деятельности в определенной сфере, прогнозировать события на определенное число ходов, но они не в состоянии (да и не хотят) взглянуть на ситуацию, выходящую за пределы их меркантильных, прагматических интересов. «Созерцающие» иной раз весьма точно в состоянии оценить ситуацию, выявить причины происходящего, могут выстроить алгоритм соответствующих действий для выхода из критической ситуации. Однако «созерцающие» практически никогда не в состоянии самостоятельно, без помощи извне, преодолеть все препятствия и найти оптимальный путь развития. Если подобного рода «созерцающие аналитики» делают весьма неплохие прогнозы и разрабатывают алгоритмы решения возникающих проблем, то к ним, как правило, очень редко прислушиваются, так как за ними нет авторитета «людей действия», в них не признают способности к реальным практическим действиям. Главный аргумент здесь прост: если человек не успешен или недостаточно успешен, если его стратегия развития самоактуализации не сделала его сказочно богатым и знаменитым, то что он может предложить другим?

Таким образом, превалирование какой-то одной способности человека сужает не только его возможности, но и значительно тормозит развитие общества в целом. Однако целостное гармоничное развитие человека в современных условиях попросту неосуществимо. Требуются новые, принципиально иные стратегии, объединение усилий теоретиков и практиков для движения вперед, для творческого, деятельного подхода к собственному бытию. Искусство как раз объединяет в себе и созерцающие, и деятельные интенции человека, художник всегда работает и на идеальном, и на материальном уровнях действительности. Но с каждым годом все острее возникает дисбаланс между требованиями к человеку со стороны техногенной реальности и физическими, биологическими возможностями человека. И для художественной, и для технической сфер необходимы дополнительные источники развития, настойчиво требующие усовершенствования, в том числе и биологической природы человека. Одним из главных препятствий творческого саморазвития является переизбыток информации, переизбыток информационных «шумов», убивающих лавину долей времени, сил и нервов.

Не только творческая деятельность, но даже простое восприятие и переработка «полезной» информации требует в сутках не 24, а 48 часов. Оказывается, человек не в состоянии держать постоянно

руку на пульсе времени, а если все же ему это делать удастся, то это приводит к перманентному стрессу, хронической усталости и сокращению жизни.

Следовательно, необходимо либо полностью перестраивать важнейшие человеческие детерминанты, такие как воспитание, обучение, ритм жизни, либо находить новые источники, позволяющие человеку эффективно и плодотворно функционировать в современных условиях на благо обществу, либо использовать и те, и другие, и третьи возможности.

Нам кажется, союз ученых и философов позволил бы решать самые острые проблемы современности, в том числе и вопросы взаимодействия науки и искусства. Только такой союз может привести и к прогрессу, и к решению проблем в области искусства. Но, к сожалению, в нашей действительности поражает то, насколько наше общество не готово к принятию (мы не говорим о внедрении) и обсуждению действительно прорывных проектов. Почти ни у кого не вызывает сомнений необходимость в повышении обороноспособности страны, внедрении новых технологий. Все эти меры, особенно в свете совершающихся геополитических событий, не только абсолютно оправданны, но еще и малодостаточны.

Но как только речь заходит о проблеме продления жизни, о повышении качества жизни, немедленно возникают вопросы и сомнения: к чему все это? В результате мы находимся то в застое, то в кризисе. Поражаешься, насколько человеческая жизнь в современном обществе перестала быть ценностью, когда даже за убийство дают срок меньший, чем за грабеж. Современный человек испытывает колоссальные психофизиологические нагрузки, и поэтому для развития его творческих способностей, наконец, для сохранения человека как вида абсолютно необходимо улучшение качества жизни и ее продолжительности. Грамотное, гуманистически ориентированное использование кибертехнологий обязано дать человечеству новые возможности для самореализации, творчества, свободы самовыражения и развития. Значит, обсуждение инновационных проектов должно стать открытым. Оно предполагает присутствие разных голосов, разных мнений, но при этом обязательно должны быть и группы единомышленников, способных сформулировать и обосновать новое видение в решении сложнейших проблем современности.

Искусству в техногенном обществе, по нашему мнению, будет принадлежать решающая роль. Именно искусство не позволит нам стать биороботами и механизмами, позволит сохранить челове-

ское в человеке, не позволит распасться человеческой личности, даст импульсы для новых свершений и открытий. Каким будет искусство будущего? Сложно сказать. Но если человек хочет сохранить себя как вид и не деградировать, искусство должно быть обращено к лучшему в человеке. Падать и катиться вниз, как известно, легче и проще. Куда сложнее сохранить в себе человеческое, оставаться человеком.

УДК 101.8

Программа диалектического преобразования науки и понятие времени

П.В. Полуян
Сибирский федеральный университет

В конце прошлого столетия в русской философии существовала уникальная исследовательская программа, – она предполагала внедрение в логику естественных наук особого диалектического противоречия. Однако провозглашенные цели не были достигнуты, диалектические концепции не нашли применения в физике. По мысли автора, это связано с тем, что программа диалектизации игнорировала понятие времени, следуя в данном отношении вслед за гегелевской диалектикой.

Ключевые слова: диалектика, противоречие, время.

The Program Dialectical Transformation of Science and the Concept of Time

P.V. Poluian
Siberian Federal University

At the end of the last century in Russian philosophy there was unique research program. It involves the introduction into the logic of natural Sciences special dialectical contradictions. However, the stated objective was not achieved. The dialectical concept has not found application in physics. According to the

author, due to the fact that the program of dialectical ignored the concept of time, following in this respect the Hegelian dialectic.

Key words: *dialectic, contradiction, time.*

В 1987 г. издательским советом Красноярского государственного университета по инициативе профессора А.Я. Райбекаса был выпущен в свет сборник статей «Проблема диалектического противоречия (методологический аспект)» [1]. Выбранная тема лежала в русле известной исследовательской программы, сформировавшейся в отечественной философии в 60–80-е гг. прошлого века и связанной с именами Э.В. Ильенкова [2], Г.С. Батищева [3], В.С. Библера [4] и др. Эта исследовательская программа провозглашала необходимость создания особой диалектической логики, которая должна найти свое воплощение в новых диалектических теориях – как в общественных, так и в естественных науках.

Родоначальник программы диалектизации науки Эвальд Ильенков предлагал соединить «точку зрения историзма вообще» с диалектическими идеями восхождения от абстрактного к конкретному, где абстрактное и конкретное – не гносеологические категории, а онтологические понятия, характеризующие объективный мир [5]. Именно для этого и требовалось создать Логiku «с большой буквы», которая будет использовать сознательно форму противоречий и их разрешения для отражения объективного развития предмета (диалектическое развитие).

В области физического познания, с точки зрения Э.В. Ильенкова и его последователей, надо вести речь о диалектическом развитии физической формы движения материи, о генезисе физических закономерностей, об исторических стадиях развития Вселенной, но для этого нужны не натурфилософские рассуждения, а новая Диалектическая Логика, которая должна стать организующим и направляющим началом познания. В рамках диалектической исследовательской программы философами на основе анализа структуры и логического содержания «Капитала» Маркса были сформулированы некие диалектические принципы. Во-первых, принцип «восхождения от абстрактного к конкретному» – то есть развития как движения от абстрактной первичной «клеточки», заключающей исходное противоречие, к конкретной, богатой определениями целостности. Во-вторых, сам принцип противоречия как ведущего момента такого восхождения, когда внутренняя противоречивость предмета (онтологическое, объективное противоречие), фиксируемое в теории строго

и антиномично, разрешается в новой форме, а это определяет логику развития диалектической теории, отражающей развитие предметности. Целью построения теории развития какого-либо объекта (отражающего его качественные изменения) должно являться получение «такой системы знания, которая сама организована внутри себя по законам процесса и которая представляет и развертывает логически очищенный творческий путь выработки каждого понятия», – писал философ Г.С. Батищев [6, с. 57]. В рамках названной исследовательской программы «Капитал» Маркса представлялся первым опытом теоретической науки, отражающей развитие предмета, поскольку вышеуказанные принципы в нем воплотились.

Однако никаких антиномий ученые в свои теории допускать не хотели, никаких таких диалектических принципов в научном естествознании не использовали и брать за образец «Капитал» Маркса физики не собирались. И в собственно философской области дискуссии сторонников программы диалектизации с ее противниками также ни к чему не привели¹.

«К сожалению, приходится констатировать, что, несмотря на многолетние усилия, представление о диалектическом объекте далеко еще не получило повсеместного распространения. “Объект природы” в сознании даже крупных ученых чаще всего ассоциирует с неким косным субстратом, безжизненной вещностью и механическим движением... хотя возрастающая роль экономической, социологической и экологической проблематики оставляет надежду на неизбежность диалектизации научного мышления», – утверждал Б.А. Ласточкин [8, с. 181]. «Развитие различных отраслей познания идет крайне неравномерно. ...Так, методологические подходы, развитые Марксом при исследовании капитала, могут и должны найти применение в других научных исследованиях, на той или иной ступени их теоретического “возмужания”», – писал В.П. Столяров [9, с. 236]. «Современная наука в целом не находится, однако на этом этапе и для нее пока остается лишь идеалом тот тип построения знания, который представлен “Капиталом” К. Маркса», – умозаключал В.П. Метлов [10, с. 152].

¹ Даже в «Философской энциклопедии» эта дискуссионность нашла отражение – там было две статьи на тему «Противоречие диалектическое» (авторы – И. Нарский и Г. Батищев) как выражение двух противоположных мнений по данному вопросу, существующих в философии диалектического материализма. См. статья «Противоречие» в «Философской энциклопедии» [7, с. 403–409].

Программа диалектизации науки не только требовала использования противоречия в качестве полноправной теоретической формы, но и предполагала открытие неких идеализаций, не таких как материальная точка в пустом пространстве, заданная в механике, а принципиально новых, построенных на принципах самоотнесения-рефлексии и сущностной противоречивости, где соединяются во-едино бесконечность и единичность. Об этом заявлял В.С. Библер: «Новый идеал только назревает, но без него, как без подводной части айсберга, теория микрочастиц и все другие теории, возникающие в XX в. в фундаментальных областях науки, теряют всякую устойчивость, лишаются смысла». Философ-диалектик предполагал, что принятие идеи диалектического самодействия, самопротиворечивого объекта, станет могучим инструментом в руках исследователя, «стремящегося преобразовать физику (или биологию, где проблемы еще более остры, или гуманитарное знание, где они остры до предела) в соответствии с этой идеей. Правда, пока такого исследователя еще нет...» [4, с. 193–206].

Теперь, спустя десятилетия, мы можем уверенно констатировать: ожидания философов-диалектиков не сбылись, программа диалектизации естественных наук осталась невыполненной. Ученым-философам так и не удалось доказать коллегам-физикам, что в естествознании надо применять какую-то особую диалектическую логику развития, допускающую формулировку содержательных противоречий, которые разрешаются с помощью введения новых качеств (что отражает исторический процесс развития предмета исследования). Более того, единственным как бы научным примером служил «Капитал» Карла Маркса, а с падением «реального коммунизма» (по терминологии Александра Зиновьева) этот политико-экономический трактат потерял кредит доверия.

Таким образом, ученые-физики остались чужды диалектике, и дело, надо полагать, отнюдь не в отсталой методологии или устаревших мировоззренческих установках, просто формальный аппарат физических теорий основан на традиционной математической логике, и даже квантовая революция не изменила логику физиков – как подчеркивал Марио Бунге [11, с. 196]. Впрочем, физики отрицали внутритеоретические противоречия еще и потому, что им никто не смог показать, как именно эта «диалектическая логика» могла быть реализована в физической теории. Между тем мышление практикующих физиков вполне толерантно к любой математической экзотике типа нестандартных логик (где значения истинности раз-

мыты), приемлет оно и рассуждения о некоей квантовой логике (где нет закона «исключения третьего») и т.п. Да и к декларациям диалектиков первоначально физики и математики проявляли любопытство. Однако философы-диалектики не смогли показать коллегам, как логически вразумительно могут быть введены в физику содержательная антиномия и ее разрешение.

Известно, что современная физика признает философскую идею развития и даже склонна изображать космогонический процесс в качестве направленного генезиса-становления, однако при этом используется метод модельного конструктивизма, где предполагается наличие вечных базовых кирпичиков и неизменных законов – их структурное переоформление и образует то, что физики понимают как развитие, процессуальность. Такой подход соответствует по большей мере философским построениям Герберта Спенсера, а вот философская теория развития Гегеля и его последователей – диалектиков-материалистов не воспринимается современными физиками-теоретиками.

В принципе, описанное положение дел можно было бы счесть вполне правомерным – со ссылками на «данные современной науки». В конце концов, если экспериментальная база физики и современные теории не воспользовались концептами диалектического развития, навязывание и внедрение таковых от лица философии – суть идеологические предписания и натурфилософское фантазирование. С другой стороны, в сложившейся познавательной ситуации это уже не страшно, поскольку в современной физике доминируют натурфилософские измышления и идеологические построения самого «безумного» плана. Более того, ситуация в современной науке характеризуется явными кризисными чертами. Знаменитый английский физик Роджер Пенроуз в своей недавней книге «Путь к реальности» назвал один из параграфов довольно многозначительно: «Откуда ожидать следующую физическую революцию?» Он резюмирует в конце книги: «Как мог понять из всего изложенного читатель, я считаю, что мы пока не нашли “путь к реальности”, несмотря на необычный прогресс, достигнутый за более чем два с половиной тысячелетия, а особенно за последние несколько столетий. Определенно необходимы некоторые принципиально новые сдвиги в понимании» [12, с. 850].

Таким образом, назревает концептуально-методологическая реформа в физике, она связана с необходимостью изменения логических оснований современного физического познания. Можно было бы утверждать, что она приведет к использованию в физическом

познании философского принципа развития во всей его полноте. Однако это утверждение, на наш взгляд, будет неверным. Философская идея развития выражается в разных формах, часто на уровне мало обоснованных деклараций. Единственный более-менее ясно выраженный концепт об использовании логики противоречия для теоретического отражения развития, по нашему мнению, имеет отношение только к частным формам прогрессивного изменения отдельных материальных систем¹. Что касается разговора о космогенезе в целом, здесь правомерно вести речь не о развитии как таковом (и тем более не о «диалектическом развитии»), а о направленности глобальных изменений, которые связаны с новой трактовкой категории ВРЕМЯ. И если признать необходимость изменения логических оснований современного физического познания, то в первую очередь необходимо изменение понимания именно этой базовой категории. Мы полагаем, что нежелание физиков принимать диалектические концепты было обусловлено, с одной стороны, тем, что в самой физике сохраняются неясности с понятием времени (оно в лучшем случае опространствливается, а в некоторых случаях субъективизируется), а с другой стороны, тем, что в концепциях диалектического развития время выносилось за скобки рационального дискурса (здесь материалисты-диалектики покорно следовали за Гегелем).

Автор настоящей статьи в своих выступлениях на научных форумах [13] и в книге «Гибель темной материи: философские принципы в физическом познании» постарался показать, как новое понимание времени, основанное на модели т. н. ареальных множеств, позволяет наметить пути для введения в арсенал физики идеи диалектического развития, связанного с сущностным генезисом и становлением [14].

Литература

1. Проблема диалектического противоречия (методологический аспект). Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1987. 109 с.
2. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
3. Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. 120 с.
4. Библер В.С. Мышление как творчество (введение в логику мысленного диалога). М.: ИПЛ, 1975. 399 с.

¹ Мы показали это в работе «О применимости логики противоречия в физической теории», опубликованной в сборнике [1, с. 22], упомянутом в начале данной статьи.

5. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 290 с.
6. Батищев Г.С. Категория противоречия и ее мировоззренческая функция // Диалектическое противоречие. М.: ИПЛ, 1979.
7. Философская энциклопедия. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967.
8. Ласточкин Б.А. О диалектическом объекте и модальной онтологии // Диалектическое противоречие. М.: ИПЛ, 1979.
9. Столяров В.И. Диалектика как логика и методология науки. М.: Политиздат, 1975. 247 с.
10. Метлов В.П. Ступени становления идеи диалектической противоречивости в философии и современной науке // Диалектическое противоречие. М.: ИПЛ, 1979.
11. Бунге М. Философия физики М.: Прогресс, 1975. 342 с.
12. Пенроуз Р. Путь к реальности или законы, управляющие Вселенной. Полный путеводитель. Москва/Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2007. 912 с.
13. Видеозапись выступления на семинаре Института исследования природы времени, 22.11.2016. URL: <http://www.chronos.msu.ru/ru/mediatek/videozapisi-seminara/item/zasedanie-seminara-22-noyabrya-2016-g>
14. Полуян П.В. Гибель темной материи: философские принципы в физическом познании: монография. Красноярск, 2015. 282 с.

УДК 114:791

Онтология кинореальности: пространство кинематографического образа

Е.Е. Селина

Сибирский федеральный университет

В статье предпринята попытка философской рефлексии о свойствах пространства в кинореальности. Исследуются особенности пространства кинематографического образа и кинокадра.

Ключевые слова: пространство, материя, кинореальность, кинематографический образ.

The Ontology of Cinema: the Cinematic Space Image

E.E. Selina
Siberian Federal University

The article attempts to philosophical reflection about the properties of space in reality of cinema. The features of the space of cinematic image and film frame.

Key words: *space, matter, reality of cinema, cinematic image.*

Читая тексты французского кинокритика Андре Базена или философа Жилия Делеза, мы понимаем, что взаимоотношения материи и сознания в современном киноискусстве приобретают все более сложные формы. Так, например, вопрос «Что такое кино?» перемещается в сторону размышлений о восприятии вообще, то есть становится поводом для метафизической рефлексии о свойствах объективной и виртуальной реальностей [1].

В данной статье нас будут интересовать пространственные особенности кинематографических образов, которым до появления звука, цвета и прочих технических возможностей принадлежала определяющая роль в конструировании кинореальности.

Рефлексия о пространстве кинематографического образа начинается с эпохи неподвижной камеры, когда кадр определялся единственной «точкой зрения», а план обозначал только пространственный срез на определенном расстоянии от камеры. Это был еще не сам кинематографический образ, а некий образ в движении, нечто, что движется в пределах обзора камеры. Примером такого кино можно считать произведения братьев Люмьер. Как представлено пространство в кинематографическом образе? Чем отличается пространство кинематографического образа от пространства в других изобразительных искусствах?

Прежде всего, кинематограф дает художнику свободу развития действия по отношению к пространству, свободу выбора угла зрения по отношению к действию. Он освобождает зрителя от «плена театрального кресла». Кинокамера создает единство и связь пространства и времени в сценах, когда для смены действия в театре нам требуется убрать сцену от глаз зрителя, разорвать эмоциональную связь и сменить декорации, перекраивая пространственно-временное полотно.

Театр и кино – два психологически разных вида зрелищ, предлагающие собственную феноменологию пространства. Театр сто-

ит на том, что зритель и актер осознают присутствие друг друга и строят на этом связь. Взаимное присутствие, нахождение зрителя и актера в рамках одного пространства – это не просто физическое явление, это онтологический факт, определяющий сущность спектакля как такового. В кино же мы находимся в одиночестве, в темноте, перед вертикальным экраном, словно перед зеркалом. Театр антропоцентричен, кино же может обойтись без актеров – драматическую силу могут обрести хлопнувшая дверь, лист, летящий по ветру, волны, лижущие берег [2].

Одно из главных свойств кино – то, что оно отрицает границы пространства и действия: у экрана нет рамы в том смысле, в каком она присутствует у живописной картины. Рама картины замыкает в себе микрокосм. Границы киноэкрана не ограничиваются рамками изображения, они лишь приоткрывают часть действительности. Картинная рама (и театральные кулисы) фокусирует пространство внутрь, а киноэкран имеет тенденцию бесконечно разбегаться, продолжаться во вселенной.

Кино открывает новые возможности осмысления пространства объективной реальности с помощью кинематографического образа. Кроме того, оно открывает возможность создавать кинематографические образы с пространственными и временными свойствами, отличающимися от свойств пространства и времени объективной реальности. Например, объект, исчезнувший за границу кадра, продолжает существовать в скрытой от нас точке пространства, сохраняя свойства. Мы можем слышать его, чувствовать его воздействие, ожидать его появления. Объект, исчезнувший за кулисами, теряет свои свойства. *Кадр* обладает центробежной силой, сцена – центростремительной. Кадр – это геометрически организованная искусственная система, в которую режиссером выборочно и намеренно включены элементы из закадрового пространства. Кадр, являясь частью более крупного кинематографического образа, конституирует пространство за своими пределами. С помощью кадра кино не только отражает, но и конструирует закадровое пространство.

Кинодеятели и исследователи кино отмечают особенность кинематографических образов: их нельзя остановить. Вырезанный кадр всегда обладает неким отчуждающим свойством: он не похож ни на сам эпизод, откуда он изъят, ни на фотографию. Он несет в себе некую испорченную фотографию. Кино по-своему воспроизводит тайну движения, поэтому благодаря кино можно изучать движение само по себе.

В статье «Онтология фотографического образа» А. Базен полагает, что в основе живописи и скульптуры лежит так называемый комплекс мумии. Задача мумии – спасти усопшего для загробного мира посредством сохранения видимости. Поздние «мумии» превратились в портрет. Портрет спасал изображенного на нем от «окончательной смерти» – забвения, закреплял его как феномен. Изобретение фото, а затем и кино удовлетворили потребность в сходстве. Образы окружающего мира фиксируются теперь автоматически. Жесткая беспристрастность камеры гарантирует достоверность. Классическому изобразительному искусству приходит конец. Живопись теперь вольна принимать любые образы, появляются такие направления, как кубизм, абстракционизм.

Фотография воздействует на нас как «естественный» феномен. Вместо изображения или копии мы видим сам предмет, однако этот предмет вырван из окружающего мира. Фотография «мумифицирует» предмет, останавливает время. Ее мгновенность как пример классической связи между образом и изображением позволяет только уловить и запечатлеть моментальный срез времени и пространства. Кино же парадоксально в рамках формальной логики: оно одновременно представляет собой и «пространственный слепок» объекта, и его след во времени. На последовательности фотографий мы можем видеть разные стадии существования вещи, но только кино позволяет запечатлеть вещь в ее естественном существовании – как процесс.

Такая природа кинематографа приводит нас к проблеме реализма кино. По мнению А. Базена, кино основано не на принятых зрителем условностях, как в театре, а на незыблемом реализме. Любые запечатленные мелочи и трюки должны органично «вписываться» в кинематографический образ, каждая неточность может разрушить его целостность.

У кинематографического мира и мира, в котором мы живем, есть общий знаменатель – пространство. Кинематографический образ может быть любым – образом сна, грезы или галлюцинации. Он может быть лишен всякой реальности, кроме одной – *реальности пространства*. Кино не может существовать без построения пространства, подменяющего собой пространство объективной реальности. При этом экран не смог бы создавать иллюзорного ощущения пространства без некоторых гарантий естественного порядка. Экран не может быть строго противопоставлен нашему миру: он всегда подменяет его собой в силу того, что самому понятию «мир» свой-

ственна пространственная исключительность [3]. Реальность, с которой имеет дело кинематограф, – это реальность мира, в который мы включены, это чувственная непрерывность, запечатленная на пленке в пространственном и во временном выражении. Кино является своеобразным воплощением экзистенциального контакта человека с иной экзистенциальной реальностью, которая «обрела бытие» на отчужденном от его создателей материальном носителе. Реальностью, заключенной не в предметах, изображенных правдоподобно, но в их взаимодействии. Для него важно не соотношение образа и подобия, объекта и его изображения, но такая связь изображений, которая имеет форму реальности вне возможного сходства с ней.

Итак, пространство – атрибут как объективной, так и кинематографической реальностей. В кинематографическом образе находит свое воплощение естественное для сознания человека единство и неразрывная связь пространства и времени. Пространство кинокадра, как и пространство человеческого бытия, центробежно: то, что происходит «в рамке», продолжается за ее пределами, бесконечно разбегается, продолжается во Вселенной, парадоксально не ограничиваясь пространством кадра.

Литература

1. Аронсон О. В. Метакино // М.: Ад Маргинем, 2003. С. 13.
2. Базен А. Что такое кино? М.: Искусство, 1972. С. 173.
3. Делез Ж. Кино. М.: Ад Маргинем, 2004. С. 179.

УДК 101.1::316

Наука и власть в современной России: социально-философский взгляд

М.В. Седельников
Сибирский федеральный университет

Статья посвящена актуальным проблемам взаимозависимости российского научно-технического потенциала и политического режима. Современная стратегия развития науки, утвержденная властью, подвергается

ется множеству критических замечаний со стороны научного сообщества России. Философское осмысление методов управления интеллектуальными ресурсами позволит эффективно решить стоящие перед страной и обществом проблемы модернизации научной сферы.

Ключевые слова: общество, наука, политический режим, модернизация, высокие технологии.

Science and Power in Modern Russia: Socio-Philosophical View

M.V. Sedelnikov
Siberian Federal University

The article is devoted to actual problems of the interdependence of the Russian scientific and technical capacity and political regime. The current strategy of scientific development, approved by the government, is subject to a variety of criticisms from the scientific community in Russia. Philosophical understanding of intelligent resource management will effectively solve the challenges facing the country and society, problems of modernization of the scientific sphere.

Key words: society, science, political regime, modernization, high technologies.

Яркое научное воображение позволяет ученому в первую очередь не столько предлагать решения, сколько выдвигать все новые и новые проблемы.

Д.С. Лихачев

Наука и техника, как часть совокупной культуры человечества, аккумулируя в себе гигантские объемы фактической информации и технических результатов, все больше увеличивают скорость развития общества. Вопросы о том, какую роль играет наука в современной России, а также каковы перспективы построения в стране «общества, основанного на знаниях» в последнее время небезынтересны многим: как философам с социологами, так и экономистам вместе с физиками-теоретиками. Предметом пристального рассмотрения учеными чаще всего становится именно характер нынешнего российского политического режима и его отношение к научной сфере. Можно констатировать, что у России сегодня имеется немало

актуальных задач в научной области: воссоздание развитой промышленности, создание и внедрение отечественных высоких технологий (high-tech), повышение степени научной просвещенности граждан, а также мониторинг позитивных либо негативных последствий применения обществом результатов научно-технического прогресса.

Для всего этого нужна четкая стратегия научного развития, однако в настоящее время она просматривается не вполне ясно. По мнению нобелевского лауреата Ж.И. Алферова, для того чтобы наука стала востребованной, нужна экономическая политика государства, направленная не на распродажу природных ресурсов, а на формирование экономики высоких технологий [1, с. 52]. К неблагоприятным тенденциям, ведущим к отставанию от мирового научно-технического прогресса, также можно отнести общее снижение уровня грамотности населения, противопоставление вузовской университетской науки и академической, искусственную коммерциализацию прикладной науки и сложности в финансировании фундаментальной. Эти проблемы требуют незамедлительного решения, поскольку, в конечном счете, жизнеспособность самого политического режима напрямую зависит от его «наукоемкости».

Попытки изменения научно-технической структуры в нашей стране в масштабах политики «перестройки» конца 1980-х – начала 90-х гг. и либерально-демократических реформ 1990-х гг. не достигли важных, на наш взгляд, целей. Не удалось создать новую прикладную научную систему для формирования предприятий, основным ресурсом которых выступал бы интеллект инженеров и изобретателей, а старая была разрушена. Наряду с крайне громоздкой системой патентного права, фундаментальная академическая наука в эти годы была фактически поставлена в условия самофинансирования, поскольку государственные расходы на нее непрерывно снижались. Задерживалась заработная плата научных работников. Таким образом, на пути технологической революции, начатой в 1980-х и связанной с компьютерными технологиями, Россия оказалась в «отстающих». Главные «эталоны» современного технического прогресса поступают сегодня к нам из-за рубежа в виде зарубежных компьютеров, автомобилей, смартфонов, бытовой техники.

Как полагает ряд современных исследователей, страны «золотого миллиарда» сейчас потребляют большую часть энергии и природных ресурсов, вырабатываемых на планете. Вследствие этого происходит размежевание по потреблению сырья, требуемого мировой экономикой. Цивилизация «рыночного потребления», которая ведет общество

в тупик, должна быть трансформирована, прийти к более справедливому экономическому устройству. Это будет возможно при помощи техники и технологий, не подтачивающих, а улучшающих ресурсную базу человечества (новых видов энергии, биотехнологий, интенсивного освоения космоса в мирных целях) [2, с. 5]. При этом Россия активно потребляет результаты научно-технического прогресса стран «золотого миллиарда», но свой собственный hi-tech представляет в очень ограниченных областях, довольствуясь экспортом природных ресурсов. Как показывает практика, такие составляющие, как коррупция и сырьевая экономика, оказывают пагубное влияние на политическую элиту, которая, конечно, участвует в создании и апробации технологий, но крайне нерезультативно.

Международные санкции и сложное геополитическое положение России вывели в свет политику «импортозамещения». Несмотря на определенные успехи, главные достижения отмечаются в сфере замещения технологий военного плана. Известный экономист Н.А. Кричевский считает специфическим российским феноменом то, что индустриализация в России эффективна, когда она направлена на увеличение оборонного потенциала, и сегодня за счет диффузии новых разработок в оборонной сфере можно направить развитие не только в сторону индустриализации, но и реальной модернизации производства [3]. Подтверждением этой мысли может служить то, что высокая ступень, на которой находилась оборонная наука и промышленность в Советском Союзе, не стала залогом политической и социальной стабильности в конце 1980-х.

Не вызывает сомнений то, что важнейшей целью власти в России сегодня является возрождение промышленности высоких технологий. Несмотря на очевидность этого тезиса, следует отметить противоречивость научно-технической модернизации в нашей стране в начале XXI в. Непоследовательность заключается в том, что в рациональных предложениях российского руководства не в полной мере учитывается как мировой модернизационный опыт, так и положительные стороны советского подхода к науке. Понимая потребность в совершенствовании научно-технической сферы, сегодня российское правительство постепенно отступает от демократических принципов управления, например, алогично реформируя такую организованную самоуправляющуюся систему, как Российская академия наук. Управление фундаментальной наукой отдается в руки чиновников, далеких от реального понимания научных процессов. Академические институты различного направления сли-

вают в огромные конгломераты. Как считает академик А.Л. Асеев, реструктуризация и политика объединения доведены до абсурда. И это, полагает ученый, колоссальная ошибка, потому что фактическая ликвидация академической науки в стратегически важных регионах страны приведет к тяжелейшим последствиям уже в самое ближайшее время [4]. Прослеживающиеся элементы авторитаризма в отношении науки ведут или к оттоку ученых из научной среды в принципе, или к так называемой «утечке мозгов». Редкие протестные настроения, направленные против существующего положения вещей, можно считать ответом научного сообщества на невысокие доходы большей части ученых и преподавателей и отсутствие реальных улучшений в научной сфере. Более того, несмотря на очевидную слабость элементов гражданского общества и его низкую активность, вышеназванный подход может вызвать в будущем эскалацию социальной напряженности, поскольку образованная часть общества зачастую находится на более высокой ступени понимания происходящих политических, экономических и социальных процессов.

С позиций успешности научно-технического развития и поощрения изобретательства часто приводится пример США, где многие ученые стали крупными предпринимателями, зарабатывая на внедрении своих ноу-хау (в том числе продавая изобретения государству). Данная модель имеет свою специфику и в российских реалиях в полной мере прижиться не может. Вместе с тем эффективная модель «симбиоза» власти и науки в масштабах нынешнего политического режима представляется потенциально возможной. В этом контексте небезынтересной видится концепция конвергенции, согласно которой в ходе эволюционного взаимодействия капиталистической и социалистической систем происходит их сближение и взаимопроникновение на методологическом уровне. Как свидетельствует опыт некоторых стран Юго-Восточной Азии, синтезу капитализма и «социализма» сопутствует ускоренное научно-техническое развитие.

Наука, стоящая на острие научно-технического прогресса, – это залог успешного экономического развития государства, создания надежной инфраструктуры, соответствующей приоритетам социума. Научно-технический прогресс должен быть направлен не на удовлетворение амбиций режима или запросов элиты, а на рост благосостояния общества и расширение демократических свобод граждан. Современные технологии неотделимы от общества, поскольку становятся определяющей системой во всех областях жизни. России на данном этапе нужны именно отечественные гражданские техно-

логии: промышленное оборудование, автомобили, гражданские самолеты, бытовая техника и электроника.

Учитывая собственный исторический опыт, России не следует возвращаться к управленческому авторитаризму. Однако стоит признать эффективными отдельные методы централизованного управления ресурсами государства, как интеллектуальными, так и природными, которые были разработаны в условиях социалистической модели хозяйствования (государственная поддержка науки и наукоемкой промышленности, государственный контроль над использованием недр). Именно сочетание передовой науки и внедрения научных технологий в индустрии способно организовать интеллектуальную и политическую элиту российского общества.

Литература

1. Алферов Ж.И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства. М.: Алгоритм, 2012. 224 с.

2. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Едиториал УРСС, 2003. 288 с.

3. Угланов А. Кто виноват? Что делать? Интервью с Н.А. Кричевским // Аргументы недели. 2016. № 46. URL: <http://argumenti.ru/politics/n566/474547> (дата обращения 29.11.2016).

4. Чуйков А. Тартария российской науки. Интервью с А.Л. Асеевым // Аргументы недели. 2016. № 46. URL: <http://argumenti.ru/toptheme/n566/474582> (дата обращения 29.11.2016).

УДК 141.32

Диалектика самости в экзистенциализме Ж.-П. Сартра

Ф.Г. Тамбовский
Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается становление понятия самости в истории философии и значение данного термина в философии Жана-Поля Сартра. Путем анализа и обобщения ключевых признаков самости у предшествую-

щих философов автор формирует понятие самости с ядром в виде самости в понимании Сартра.

Ключевые слова: самость, Жан-Поль Сартр, личность, мир, становление, субстанция.

Dialectics of the Selfhood in the Existentialism of J.-P. Sartre

F.G. Tambovskiy
Siberian Federal University

The article deals with the formation of selfhood concept in the history of philosophy and the meaning of that term in the philosophy of Jean-Paul Sartre. By analyzing and summarizing the key features selfhood in the preceding philosophers, the author creates the concept of selfhood with the kernel in the form selfhood in understanding Sartre.

Key words: Selfhood, Jean-Paul Sartre, personality, world, becoming, substance.

Без мира нет самости, без самости нет мира.
Ж.-П. Сартр

Самость является одним из интереснейших терминов, который мыслители используют для очерчивания бытия. На протяжении истории философии это понятие рассматривалось с разных точек зрения и получало все больше словесных нагромождений. Так что же можно понимать под самостью?

По мнению Г. Мида, самость создается социумом, она складывается из свойств, которые получает в ходе социального взаимодействия. Самость никак не может реализоваться без социума, т. к. человек изначально является социальным существом. Мир социума дает самости стабильность. Самость в отрыве от общества не может себя самоидентифицировать, в силу чего она не может реализоваться.

Г.В.Ф. Гегель трактует самость как процесс становления абсолютного духа. Самость характеризуется как развернутое становление и базис, к которому прикрепляется содержание. Становление самости является процессом самораскрытия, Гегель разворачивает ее на все бытие в целом и понимает под самостью Абсолютную идею, к которой все субъекты обращаются как к источнику всего сущего.

«Осуществленная цель или налично сущее действительное есть движение и развернутое становление, но именно этот непокой и есть самость, и она равна названной непосредственности и простоте начала потому, что она есть результат, то, что вернулось в себя; но то, что вернулось в себя, есть именно самость, а самость есть относящееся к себе равенство и простота» [4, с. 17].

К.Г. Юнг считает, что самость является важнейшим архетипом и глубинным центром человеческой психики, ее ядром, она выступает гарантом целостности личности каждого человека, то есть самость формирует нашу индивидуальность и включает не только сознательное, но и бессознательное психическое бытие. «Самость является нашей жизненной целью, так как она есть завершенное выражение той роковой комбинации, которую мы называем индивидуальностью» [9, с. 41].

Достаточно оригинальное видение самости открывается нам в работах М. Хайдеггера. Он считает, что подлинная самость человека в первую очередь сопротивляется своему растворению в мире, она умеет отличать себя от мира. В связи с чем отличительной чертой самости будет способность противостоять другим. Становление самости есть процесс заботы о себе самой. Бытие ее есть забота о своей самоидентичности. Сохраняя свою самоидентичность, самость становится различной, независимой ни от кого – свободной.

Это специфическое видение самости М. Бубер назвал «замкнутой самостью», поскольку, в отличие от других точек зрения, самость Хайдеггера не интересуется другими самостями и выражается не благодаря взаимодействию с другими самостями, а скорее вопреки.

Одно из интереснейших, на мой взгляд, видений самости является французский философ Жан-Поль Сартр. Некоторые идеи он заимствует у своих предшественников, но и сам вносит в становление понятия самости существенный и оригинальный вклад.

«Круговорот самости» понимается у Сартра как отношение между «для-себя и возможностью, которой оно (для-себя) является, и «миром», поскольку именно это отношение наделяет бытие целостностью.

Самость по Сартру является надличностной структурой, понимается как чистая потенция. Являясь неотторжимой стороной личности, самость присуща не только человеку, но и миру в целом, но самость является как бы разлитой в мире. Исходя из слов самого автора, «мир мой, потому что он преследуется возможностями, созна-

ниями которых являются возможные сознания себя, которыми я *являюсь*, и именно эти возможности как таковые придают ему единство и его смысл мира» [7, с. 158].

Можно полагать, что сам мир является личностным, но тем не менее у Сартра не обнаруживается той степени персонификации, какую мы видим, например, у Гегеля, поэтому наделять мир какими-то конкретными чертами мы не рискуем. В то же время, говоря о взаимодействии самости и мира, Сартр пишет: «Без мира нет самости, нет личности; без самости, без личности нет мира» [7, с. 158]. Эту цитату можно истолковать как взаимопроникновение и неразрывную связь понятий «самость» и «личность». Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что и сам мир является у Сартра личностным, поскольку отрицать его самостную природу в контексте данной теории будет абсурдно.

Самость является «второй существенной стороной личности», она является оборотной стороной монеты под названием «эго» и вместе они образуют цельного индивида. Самость есть «второе рефлексивное движение», которое также есть становление личности, т.к. «В самости мое возможное отражается в моем сознании и определяет его как то, что оно есть» [7, с. 158].

Самость у Сартра – это то, что делает человека человеком, различает его от бытия вообще и является одной из черт мироздания в принципе. «Круговорот самости» замыкается, и бытие обретает свою целостность, поскольку становится возможным переход между бытием-для-себя и бытием-в-себе, которые есть отрицания друг друга, и осуществляется этот переход именно посредством самости. Но сама самость остается как присущей человеку, так и отторгнутой от него, поскольку она сама есть приходящее из мира.

Рассматривая корреляцию взглядов Сартра на самость с другими точками зрения, можно отметить, что социологический аспект не отрицается как таковой, но и не играет столь значительной роли, какую играл у Мида, хотя здесь самость понимается сугубо социально, ибо сам круговорот самости являет собой широко развернутое социальное взаимодействие самостей друг с другом и с миром в целом.

Роль, которая отводится самости в процессе становления бытия, также является основополагающей. Здесь можно услышать мотивы, свойственные Гегелю, разве что Сартр не персонифицирует мир настолько, насколько это делал немецкий классик.

Огромное внимание уделяется самой личности человека, подчеркивается то влияние, которое самость оказывает на человека,

и наоборот. Ведь как «второе рефлексивное движение» самость не может быть оторвана от человека и даже проявиться в нем без должной работы со стороны последнего.

Хайдеггеровскую же точку зрения Сартр развил в нечто качественно новое. «Закрытая самость» сохранила свое бытийственное значение и, более того, обогатилась включенностью в самый процесс мирозидания. Она существует вместе с ним и для него, а не вопреки. Также добавляются социальный аспект и межсамостные контакты, которые у Сартра играют огромную роль.

Диалектическое понимание самости у Сартра как принадлежащей и в то же время не принадлежащей человеку усложняется еще и тем, что сам термин самости является диалектичным. Имея субстанциональные черты, самость участвует в сотворчестве мира и самой себя, в то же время являясь гарантом целостности бытия. Самость одновременно и самотождественна, и самонетождественна. Ограничиваясь личностью отдельного человека, она в тот же миг разливается на все бытие целиком, и наоборот.

Таким образом, самость Сартра можно понимать как нечто субстанциональное, нечто присущее миру в целом и отдельному человеку в частности, становящееся и отдельно от мира, и в тесном взаимодействии с ним.

Литература

1. Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм. СПб.: «Алетейя», 1998. 505 с.
2. Асмус В.Ф. Экзистенциальная философия: ее замыслы и результаты (Лев Шестов как ее адепт и критик) // Человек и его бытие как проблема современной философии. М.: «Наука», 1978. С. 222–252.
3. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. СПб.: «Лань», 1999. 222 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Гегель Г.В.Ф. Собр. соч.: в 14 т. Т. IV. М.: Соц.-экон. литература, 1959. 439 с.
5. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней // пер. с ит. и под ред. С.А. Мальцевой. Т. 4. СПб.: «Пневма», 2003. 880 с.
6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: «Республика», 2000. 639 с.
7. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.
8. Юнг К.Г. Психология и алхимия. М., 1997. 587 с.

К вопросу о «частичном разрешении противоречия»

В.А. Устюгов
Сибирский федеральный университет

В статье анализируется диалектический дискурс практиков, историков, социологов, психологов и онтологически ориентированных философов, сложившийся по поводу вопроса о разрешении противоречия. Обосновывается неадекватность использования терминов «частичное», «полное» для выражения процессуального бытия противоречия.

Ключевые слова: *противоречие, разрешение, снятие, частичное, полное.*

To the Question about «Partial Resolution of the Contradiction»

V.A. Ustyugov
Siberian Federal University

The article analyzes the discourse on contradiction resolution. We found this discourse among practitioners, historians, sociologists, psychologists and ontologically oriented philosophy. We have proved the failure of the expression «a partial resolution of the contradiction».

Key words: *contradiction, resolution, removal, partial, total.*

Диалектическая концепция источника развития не ограничивается пониманием противоречия как единства противоположностей, а признает необходимость разрешения противоречия в процессе его осуществления, то есть понимает противоречие как процесс. Разработка концепции диалектического противоречия столкнулась с массой трудностей, разделивших мнения исследователей. Нет единства в понимании противоречия как источника развития, тем более нет единства в вопросе разрешения противоречий. Одни исследователи утверждают, что разрешить проблемы понимания диалектического противоречия можно только с позиции объектной диалектики бытия материальной вещи (диалектика как онтология). Другая

сторона убеждена, что объективное противоречие нам непосредственно не дано, а постигается на очень высоком уровне развития теоретического познания. Через диалектику, как теорию познания, мы приходим к диалектике бытия. Понимание процессуального характера противоречия в онтологии и теории познания оказалось несопоставимым. Достаточно обратить внимание на рубрики сборников, посвященных проблеме противоречия; как правило, они содержат разделы о предметном противоречии и противоречиях познания как явлениях разной природы, объединенных только общим термином.

Нас заинтересовало то обстоятельство, что в лексиконе практиков, историков, социологов, психологов и онтологически ориентированных философов встречается выражение «частичное (полное) разрешение противоречия». Это выражение можно встретить в учебниках и учебных пособиях.

Однако выражение «частичное (полное) разрешение противоречия» мы не найдем в исследованиях, представляющих диалектику как логику и теорию познания (М.М. Розенталь, Э.В. Ильенков, Г.С. Батищев и др.).

Очень часто выражение «частичное разрешение» встречается в описаниях различного рода конфликтов. Вероятнее всего оно означает «временное примирение сторон», «компромисс», «смягчение напряженности». Очевидно, противоречие в этом случае понимается в превращенной форме – в форме антагонизма, конфликта. Разрешение противоречия понимается как преодоление антагонизма.

В трудах классиков диалектики не употребляются выражения «частичное» или «полное» для характеристики разрешения противоречия. Г. Гегель утверждает, что «движение – это само наличное сущее противоречие» [1, с. 66]. Ф. Энгельс, раскрывая смысл гегелевского понимания движения как противоречия, пишет, что «... же простое механическое перемещение может осуществиться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно – в другом, что оно находится в одном и том же месте и не находится в нем. *А постоянное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия и есть именно движение* (курсив наш. – В.У.)» [2, с. 123]. К. Маркс в «Капитале», исследуя противоречия процесса обмена товаров, обращает внимание, что «...развитие товара *не снимает* (курсив В.У.) этих противоречий, но создает *форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия* (курсив В.У.). Так, например, в том, что одно тело непрерывно пада-

ет на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипсис есть одна из форм движения, в которой это *противоречие одновременно и осуществляется, и разрешается* (курсив В.У.)» [3, с. 113–114].

Следовательно, выражение «частичное» не годится для характеристики разрешения-осуществления противоречия. Разрешение противоречия и есть его осуществление как некоторая форма движения. Сказать, что противоречие «частично» разрешилось, – все равно что сказать, что нечто частично движется.

Иной смысл в выражение «частичное разрешение» вкладывается философами, понимающими противоречие с позиций анализа объективной диалектики бытия материального мира как мира совершающих процесс вещей. Так И. Исаев, В. Семенчев, С. Шалютин, А. Мипасян, авторы статьи «Отрицание отрицания закон» в пятитомной «Философской энциклопедии», поясняют, что «...возврат якобы к старому выражает, прежде всего, тот факт, что в определенной цепи развития в качестве источника этого последнего действует некоторое основное противоречие, на каждой стадии процесса находящее *лишь частичное разрешение* (курсив В.У.)» [6, с. 188].

В своих исследованиях по объективной диалектике А.Я. Райбекас не только пользуется терминами «частичное», «полное» в отношении разрешения противоречия, но и поясняет, почему он использует эти термины. В статье «К вопросу о природе диалектического противоречия» он пишет: «...наличие противоречия означает наличие настоятельного требования его *снятия, разрешения* (курсив В.У). ...В процессе своего разрешения противоречие необходимо воспроизводит себя как противоречие, создавая, таким образом, форму своего бытия как движения (процесса). Длительное существование данного противоречия определяется непрерывностью циклов его *частичного разрешения* (курсив В.У), в каждом из которых оно воспроизводится как «то же самое» противоречие» [5, с. 10–11]. В монографии «Вещь, свойство, отношение как философские категории» также утверждается, что «...противоречие... *разрешилось недостаточно полным образом (разрешилось частично)* (курсив В.У), что проявилось, в частности, в том, что генезис новой вещи недостаточно глубоко затронул сущность ее структурных элементов» [4, с. 182].

Как же получается, что философы, хорошо знакомые с азами диалектики, характеризуя разрешение объективного противоречия, используют выражение, имеющее оценочный характер?

Очевидно, что имманентное противоречие конкретной формы материального бытия – вещи – имеет различные формы разрешения-осуществления в процессе ее развития. Но почему «частичное» используется как синонимом «особенного»?

Развитие – это процесс органического преобразования одной конкретности в другую. Любая вещь вначале существует как возможность в своих предпосылках, других вещах, которые суть условия ее развития. Развиваясь, вещь из возможности превращается в действительность, преобразуя предпосылки в условия своего существования. Отношения, производящие вещь путем превращения предпосылок в основание и воспроизведение основанием предпосылок в качестве условий существования, есть сущность вещи и вместе с тем закон ее развития. В качестве субстанции вещи он будет общностью всех конкретно-исторических форм ее развития. Поэтому любая конкретно-историческая форма бытия вещи есть единство единичного и всеобщего и не может характеризоваться как нечто «частичное».

Отношение вещи к самой себе как отличному от себя есть основание, сущностное противоречие вещи, оно не непосредственно, а всегда обусловлено ее отношением к другим вещам. Таким образом, осуществление противоречия, как форма самодвижения вещи, есть опосредование противоположных сторон ее сущностного отношения, что выражается в некотором конкретном результате. «Частичное» не является синонимом «конкретного». Термин «частичное» не выражает единства всеобщего и особенного конкретно-исторических форм развития вещи.

Разрешение-осуществление противоречия не только совершается в некоторых условиях, но и меняет эти условия, что создает предпосылки для последующего развития вещи. Развитие противоречия есть процесс опосредования противоположных моментов сущностного отношения вещи, превращение их в полярные противоположности (эта особенность развития противоречия обстоятельно исследована Г.С. Батищевым, В.А. Вазюлиным, Э.В. Ильенковым на материале «Капитала» К. Маркса). Чем более развита вещь, тем более очевидно, что она сама создает пределы своему развитию. Вещь существует до тех пор, пока разрешаются ее противоречия. Исчерпав все возможные особенные формы разрешения имманентного противоречия, процесс самоотрицания завершается снятием противоречия. Именно эту стадию развития противоречия – снятие – некоторые философы именуют по-прежнему «разрешением»

противоречия, а точнее его «полным разрешением». Это и создает трудности понимания. Термин «разрешение» используется в двух прямо противоположных смыслах: одновременно для обозначения осуществления противоречия и для обозначения отрицания имманентных противоречию особенных форм его движения.

Очевидно, термин «разрешение» имеет смысл использовать для обозначения форм движения – осуществления имманентного противоречия некоторой конкретной формы материального взаимодействия – вещи. Термином «снятие» логично обозначать возникновение основания новой вещи.

Учение о противоречии обнаруживает слабые места исследования объективной диалектики бытия материального мира как мира совершающих процесс вещей, так как остается нерешенным вопрос о методе, с помощью которого мышление постигает источник саморазвития вещи. Знакомство с позицией онтологизма в данном вопросе оставляет впечатление, что речь идет не о «специфической логике специфического предмета», а о вещи вообще. Руководствуясь принципом конкретного историзма, можно понять, что единственно правильным в научном отношении методом исследования специфической логики совершающих процесс вещей будет метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. М.: «Мысль», 1971. Т. 2. 248 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. 771 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 908 с.
4. Райбекас А.Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск: ТГУ. 1977. 244 с.
5. Райбекас А.Я. К вопросу о природе диалектического противоречия // Проблема диалектического противоречия (методологический аспект). Красноярск: КрасГУ, 1987. 110 с.
6. Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 5. 592 с.

Сведения об авторах

Акулин Евгений Валерьевич – магистрант кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: akulinnn@mail.ru

Барсукова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: natasha-barsukova@yandex.ru

Белов Александр Владимирович – старший преподаватель кафедры физической культуры Института физической культуры, спорта и туризма Сибирского федерального университета. E-mail: alexanbe@yandex.ru

Вититнева Елена Владиславовна – магистрант кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail vititneva.elena@gmail.com

Горбунов Роман Николаевич – студент кафедры философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: skiramish@mail.ru

Жулаева Анна Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: annzhul@mail.ru

Задорин Артем Викторович – ассистент кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: artemzadorin@rambler.ru

Иванов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета. E-mail: ottisk@irmail.ru

Ипеева Анастасия Александровна – аспирант кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: didifgora@mail.ru

Коловская Анна Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: kolovsky@yandex.ru; kolovsky777@gmail.com

Коловская Коринна Дмитриевна – студент факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: kora-ko@ya.ru

Коломиец Галина Григорьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Оренбургского государственного университета. E-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Кондратьева Анастасия Александровна – магистрант кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: nastyaalex010493@mail.ru

Кузнецов Сергей Ильич – доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета. E-mail: s.kuznetsov@mail.ru

Кульбижеков Виктор Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: oolam@yandex.ru

Лебединский Валерий Романович – специалист по организационному обеспечению кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского государственного университета. E-mail: history@sfu-kras.ru

Лисина Евгения Александровна – магистрант кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: evgenlisina@gmail.com

Мацюк Иван Игоревич – студент кафедры экспериментальной физики и инновационных технологий Института инженерной физики и радиоэлектроники Сибирского федерального университета. E-mail: silencedhv@gmail.com

Ондар Евгения Михайловна – аспирант кафедры отечественной истории Тувинского государственного университета. E-mail: ondar.ev@mail.ru

Петрушин Юрий Александрович – доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета. E-mail: sovet@penpolit.ru

Полуян Павел Вадимович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: poluyan@fromgu.comu

Пиегорский Илья Сергеевич – магистрант кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: pis_pis_94@mail.ru

Сафронов Сергей Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: Safronow63@mail.ru

Седельников Михаил Валерьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: mike.sedelnikov@yandex.ru

Селина Елизавета Евгеньевна – аспирант кафедры философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: eliz-selina09@yandex.ru

Тамбовский Федор Геннадьевич – студент кафедры философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: ftamb@rambler.ru

Терскова Аида Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: teraida@yandex.ru

Устюгов Виктор Анатольевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета. E-mail: U-styugov@mail.ru

Научное издание

XIX ДУХОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник материалов региональной
научно-практической конференции
19 ноября 2016 г., Красноярск

Редактор Ю. И. Молокова
Компьютерная верстка И. В. Гревцовой

Подписано в печать 24.03.2017. Печать плоская
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,25
Тираж 100 экз. Заказ № 395

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru